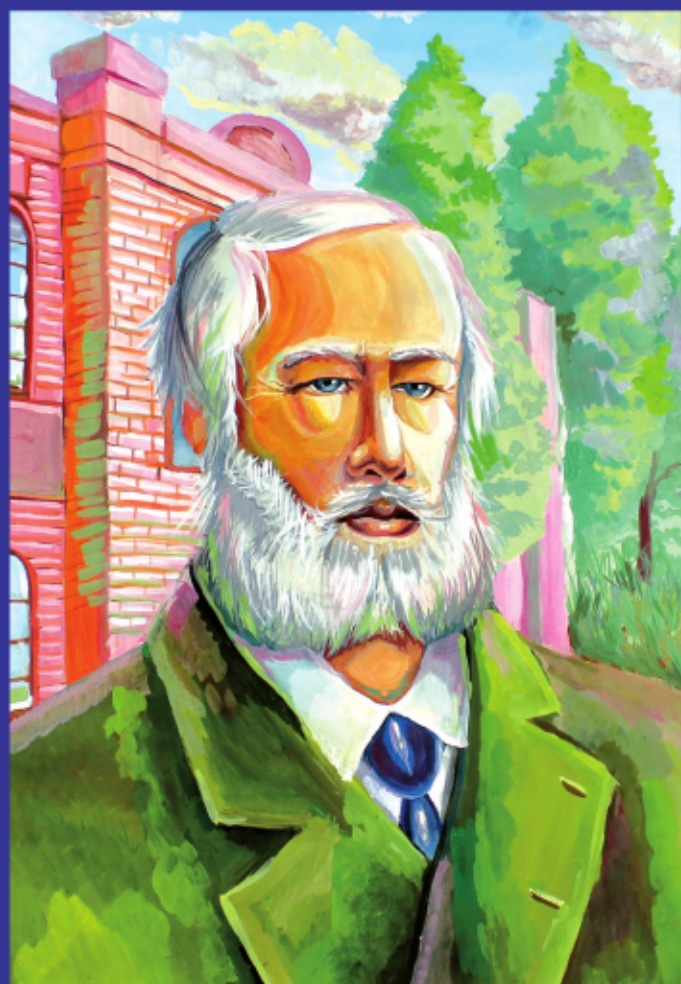

2(51) Тюмень-2018

В 2(51) ВРАТА СИБИРИ

ВРАТА СИБИРИ

Тюмень-2018

18+

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:

АНО

«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
Л.К. ИВАНОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 2 (51)

С.В. БЕЛКИН
М.М. ГАРДУБЕЙ
Л.Г. ЕФРЕМОВА
С.С. КОЗЛОВ
В.Е. КОПЫЛОВ
А.Н. СКОРБЕНКО
В.Л. СТРОГАЛЬЩИКОВ
М.А. ФЕДОСЕЕНКОВ
И.А. ШИРМАНОВ
А.П. ЯРКОВ

Тюмень
2018

Содержание

ПРОЗА

Андрей Маркиянов	Осенью.....	7
Виктор БОРИСОВ	Ангел мой. Повесть.....	25
Аркадий ЗАХАРОВ	Американка. Рассказ.....	40
Ирина СТЕЦИВ	«Простите нас, пожалуйста...».....	49
Никита АНАГУРИЧИ	Рассказы.....	55
Людмила ЕФРЕМОВА	«С наивной подписью – на память...».....	61
Яков ЧИСТЯКОВ	Конъюнктура рынка.....	64
Иван БАРКОВ	Рассказы	80
Андрей ЛЕОШКОВ	Рассказы	83

ПОЭЗИЯ

Николай ШАМСУТДИНОВ (3), Ольга ГУЛЬТЯЕВА (21), Геннадий БАЛАХНИН (45), Сергей ГУДКОВ (59), Лидия ЖЕБУТИНСКАЯ (78)

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЕВА	«Родился смертным, в делах приобрел бессмертие» или «Энергия доброй памяти».....	87
----------------	--	----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

Кирилл РУСОВ	Жить.....	90
Нина КОРЯКИНА	Пичуга.....	96
Светлана ГЛЕБОВА (100), Ирина ВЫСОЦКАЯ (104)		

ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ТАРКОВСКИЙ	Тобольский образ.....	107
Анатолий ОМЕЛЬЧУК	Интервью с Натальей Дворцовой.....	110
Станислав ЛОМАКИН	Траектория жизни одной судьбы.....	117
Николай ПАЧЕЖЕРЦЕВ, Виктор КОРЧЕМКИН	Старообрядчество: вчера и сегодня.....	120

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Нина ЯГОДИНЦЕВА	Природа в душе и вокруг	129
Наталья СЕВЕРОВА	Звезды. Корабли. Душа	134

КРАЕВЕДЕНИЕ

Инна СОБЕННИКОВА	Узелки судьбы.....	143
------------------	--------------------	-----

У НАС В ГОСТЯХ

Сергей ПРОКОПЬЕВ	Король для Виктории.....	147
Юрий ПЕРМИНОВ	Рассказы.....	161
Павел БРЫЧКОВ	Главы из романа «Люди государевы».....	182
Марина БЕЗДЕНЕЖНЫХ (157), Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ (179), Татьяна ЧЕТВЕРИКОВА (190)		

Литературная хроника	193
Коротко об авторах	196

ПОЭЗИЯ

Николай ШАМСУТДИНОВ

Урбино Фолли

За Генуей, в барашках волн, едва ль
Приветлива об эту пору, снова –
Осенняя, вам отвечает даль
Пустым, прозрачным взглядом птицелова,
Поддразнивая желчь.., и неспроста,
Промозгла, не предмет парадной оды,
Окрест ее сиротства, пустота
Соцветья вымывает из природы,
Чьи, в изложенье жизни сей, глаза
Обращены в себя. И, сбив дыханье,
Ч т о, обрекая ностальгии, за
Студеным оседаньем в подсознанье
Ненастной сини, прячущей свои
Фантазии от взора щелкопера?
Ч е м, отраженный тишиной в крови,
Настойчивее приворот простора,
По сути, соглядатая в душе,
Тем всё мрачней, к язвительности Гафта,
Пролившись в мелководные клише,
Залив – цезура плотного ландшафта.
При аскетизме черт, его окрас,
Простреливаем чайками, – бледнее,
Как смерть... Но «то, что убивает нас
(По Ницше), нас же делает сильнее...»,
Чтоб внять в краю задумчивых снегов,
О чем (смеясь иль плача, всё едино...),
За дли-инной анфиладой холодов
Поет урбанистический Урбино...

2007

* * *

Артельный листобой... И, ко всему,
В сыром юродстве северной столицы
Отрады нет ни сердцу, ни уму
В жестоком целомудрии юницы,
Погрязшей в безразличной красоте...
Но, в постном постоянстве ей – годами,
Не вызволиться, в лютой тесноте,
Из прошлого, сорящего сердцами
Пленительных распутниц... Есть в ночах
Томленье подступающего часа,
Хоть память, построжав, на мелочах,
То бишь обмолвках, ловит ловеласа

В лихом былом – и лиц круговорот,
И девочка-батут, напор искусства,
Так горяча, что заплывает рот
Языческой свежестью укуса,
Что вечно юн... Но, видно, перезрев,
Как плод пикантный, здесь, в бедламе этом,
Мир бессердечней к ним, перегорев
В усыновленном осенью. Дуэтом
Помешанным – не вытянуть... Виват! –
Во времени, от мира отрешенном,
Недоверней человек, подмят,
В забвенье, сокрушительным крющоном,
Хотя уместней, что скрывать, боржом...
Порой, в уюте кухонного глянца
И бодрых литографий, под ножом
Звонит фарфор – инфляция фаянса
Неприхотливой юности. Окно
Отворено, зазывное, в ненастье...
Тем пасмурней, несбыточным полно,
Влюбленного страдальческое счастье...

2008

* * *

Кашель, Этна в висках – одним словом, простуда...
На безлюдной веранде, с одической скукой,
Наблюдая закат, человек ниоткуда
Закрывает глаза, вразумленный разлукой
С та cheri. Откровенно зевая, сивилла
Учит сути наглядной бессмыслицы, ибо,
Сокрушительно в мерности, время есть сила,
Неуклонно влекущее в прошлое либо

Обращающая в воркуна... По морщинам –
Далеко не руина, он держится честным
С временем, человек, по известным причинам
Оставаясь, грешно говорить, неизвестным
Извиняемым массам... В дегенеративных
Нравах, опровергающих бред о высоком,
(не глумясь ли?) носителя декоративных
Добродетелей – жизнь отсылает к порокам,

Ведь, при титлах и всех именах, совершенна
В своих несовершенствах... В транзитной клетушке,
С червоточиною, заточенной в душе, но –
Не навек же, себя поверяют подушке,
Ей перепосвятив опоздавшую нежность
К ускользящей. Время мордует сквернавца,
За стихийностью Хроноса пряча прилежность
Скрупулезного в частностях заимодавца.

Безразлично ведь, скуке сродни, как обычно,
Кто кому, в примирённости с будущим, должен:
Время вам либо вы ему, ибо, безлична,
Жизнь давно безучастна к тому, что он дожил
До внезапных седин..., отрицаемый, выжил
В равнодушии масс да и, здоровья ради,
Из холодной, прокуренной комнаты вышел
Подышать, провожая закат, на веранде...

* * *

Как горд, как жалок человек...

А. Кушнер

Замотанный, едва ль питомец нег,
От мира неизбежное скрывая,
Куда как горд, как жалок человек,
О диссонансе не подозревая,
Как о недуге... Но в душе – ни зги,
Прострация как плод трамвайной давки –
Назойливей, кромешнее – долги,
Истошней ад на кафедре – из Кафки...

С падением в интрижку, что вельми
Пикантно, ибо катастрофы вроде,
В сейсмических конвульсиях семьи,
Всё обреченней лад ее, в природе
Абсурдной яви. Опыт не спасет,
Ведь безотчетно, в лютом пререканье
Со здравым смыслом, оторопью бьет
Признание любви – иносказанье

Сухой физиологии. К сему,
Мир, обманув, не стоит нареканий,
Увесистая ненависть к нему
Привязывает крепче притязаний
На превосходство. Мороку сродни,
Жизнь, фарисейка по своей природе,
Пуста как форма фарса, искони
Осваиваясь в мелочной свободе

От обязательств перед небом, чьи
Прогнозы непреложны. В переходе
К забвенью, слобожане, толмачи
Абсурда, прах плодят... В одной колоде
С сей прорвой, человек, наперсник их,
Пригретый музой, что не из весталок,
В двусмысленных достоинствах своих,
Как горд, сносимый временем, как жалок...

* * *

Так сердце, чьим страстям извода нет,
Сурово потянулось к снегопаду,
Что Мэтти, подающая абсент, –
«За Ибсена?!» – склоняет к променаду
По-над фиордом, где пролег транзит
Пернатых пилигримов... В штаммах штампа –
Скалистый берег, чайки, мох, гранит... –
Норвегия... Подремывает лампа

Под колпачком, глядящим в спину... Здесь
Еще, смурна, со «дней Экклезиаста»
Зима взимает насморком, как днесь,
За ропот ностальгического наста
Под тувфельками Мэтти... Средь камней,
К зениту возносящихся над адом
Морских повествовательных зыбей, –
Длить моцион, обкатывая взглядом

Предметы мира, что не сводят глаз
С вас... Находя прогулку бесполезной,
Пусть прошлое не смотрит в этот раз
В злокозненное зеркало. Над бездной –
Отвесны скалы.., заросли кустов
В камнях... С фиоритурою фиорда –
Свист «норда», крики чаек, хор гудков,
Как у античных трагиков, – жизнь бодро

Вдруг встряхивает вас, и только вас,
Опознаваемого новизною
Сих обстоятельств, чтоб и в этот раз
Увлечь вас, гостя, властно за собою,
И вам зимой, которой не избыть,
Если судить по задубевшим мордам, –
В сплошном снегу, как в вечности, пробить
Тропу над засыпающим фиордом...

ПРОЗА

Андрей МАРКИЯНОВ ОСЕНЬЮ

*Посвящается старикам.
Живым и ушедшим.*

Конец октября. Давно опала листва. В обнажённом лесу просторно, сумрачно, тихо. И только время от времени рассыпается в морозном воздухе барабанный стук дятла, да порою из дремучего ельника доносится гулкое уханье филина.

На опушке сквозит серыми крестами деревенское кладбище. Сама деревня на высоком берегу реки кажется дремлющей в этом озябшем пространстве с его выцветшим небом, грустной и покорной готовностью к снегу.

Девятый день. Отец подравнивает, подрезает лопатой слегка просевшую могильную насыпь с православным крестом в изголовье и говорит, не прерывая работы:

– И меня тоже после смерти сюда, рядышком. Это уж, как полагается. Слышишь? И вообще, заботы тут меньше, красота вон, простор.

Он разгибается, втыкает в землю лопату и, привлечённый гортанными криками, поднимает голову к светлому небу, где высоко над лесом два чёрных ворона соревнуются в номерах воздушной акробатики. – Вот вчера вспоминал Ивана Трофимыча. Он последний год у старшего своего, Владыки, доживал, недалеко от нас на Ленинградской. А похоронить себя тут завещал, возле Матрёны. И что ты думаешь? Как только помер, сынок-то, чёрт его дери, всё переиначил, решил на Трегубовском хоронить. Я думаю так: просто поленился батьку за двести вёрст в деревню везти.

Я хорошо знаю эту историю, отец мне сам рассказывал её, да видно, забыл. И немудрено, с тех пор прошло лет двадцать. Поразмыслив, спрашиваю со вздохом:

– Что же случилось? Старик-то ведь здесь, рядом с Матрёной лежит.

– Конечно с Матрёной. Когда в городе стали гроб опускать в могилу, он возьми да и сорвись с полотенец. Грохнулся боком о дно и треснул, разошёлся прямо по крышке. Тогда младший, Стёпка, заявляет: «Да ну вас к чёрту. Сам всё сделаю, как батя велел». И сделал: купил новый гроб с обивкой там же, на кладбище, там же заказал грузовик и перевёз покойника сюда, на место его законное.

Я поднимаюсь с едва приметного бугорка – безымянной могилы, покрытой жухлой травой – и смотрю в сторону деревни. Кое-где над крышами отвесно тянется сизый дым, топят печи. На отлёте, ближе к выгону, виднеется колодезный журавль на огороде старика Пряхина и надворные постройки, скрывающие от глаз ограду. Глядя на эти постройки, я думаю, что Пряхин лет десять ещё проживёт, здоровья ему не занимать. Я вспоминаю ухоженное, вросшее в землю его хозяйство, унавоженный огород, двор, полный сытой скотины, яблоневый сад и омшаник, куда на зиму убирали пчелиные колоды.

А когда это было? Ульев давно нет, скотины тоже, сад наполовину усох. И у соседей картина не лучше. Три десятка домов – всё, что осталось от большой сытой деревни. Вот и бабушка умерла. Всё. Больше здесь родни не осталось.

Отец расстелил на траве газету, разложил на ней хлеб, копчёное сало и налил в стаканы холодной водки.

– Ну ладно, мать, – говорит он, поднимая брови. – Прости, если был не прав когда. – Потом ставит пустой стакан на газету и, вытереврукой губы, сипло добавляет: – Не умею, мать, говорить. Живой не сказал, что хотелось, а мёртвой и вовсе... Если есть Господь, – он вдруг морщится и встряхивает головой, – стало быть, и вовсе ничего, спи спокойно.

Я тоже пью ледяную и почти не ощутимую на вкус водку, закусываю салом и беру из протянутой пачки «Беломорканала» сухую папиросу. Ранние сумерки засеяли уже полнеба, по верхушкам берёз проходит холодный ветер, а над домом Пряхина несётся вверх под косым углом дым... И когда, возвращаясь в деревню, мы подходим к этому крепкому дому с четырёхскатной крышей под шифером, Пряхин поджидает нас у ворот. Одет и обут он неброско: чёрный распахнутый полупшубок поверх клетчатой рубахи, брюки со стрелкой и яловые начищенные сапоги. Необыкновенно высокий и могучий в плечах, с ёжиком серых волос и скуластым широким лицом, он подает отцу правую руку, а левую кладёт на плечо.

– Здравствуй, Анатолий, – говорит он негромко и выразительно. – Прими ещё раз мое большое соболезнование. Ну и это, давайте-ка заходите, хоть по рюмке – без вас и помянуть-то неловко.

Он пропускает нас в ограду, затем запирает ворота и тихо ругает нечистую. В глухом, утрамбованном песком дворе звякает цепью по проволоке чёрный кобель, и так спокойно и умно оглядывает нас, что можно усомниться в его сторожевых способностях. Но мне ещё с детства известно, каких собак держит Пряхин. Однажды, доведённый до бешенства набега-мипацанов на сад, он оставил там на ночь своего кобеля Барса. С тех пор в сад к Пряхину никто не лазил, а сам я носил на бедре уродливые отметины от собачьих клыков.

В доме, в светлой прихожей с запахом мыла, с ковровой красной дорожкой и с коричневым трюмо в углу к нам выходит бабка Вера в толстом фланелевом халате цвета укропа, с удивительно гладким для своих лет, по-украински красивым круглым лицом. У неё полные покатые плечи, пристальные тёмные глаза и серо-седые волосы, собранные на затылке гребёнкой. Глядя на неё, лишний раз убеждаюсь: есть всё-таки на свете женщины, что к старости становятся только краше. Здороваясь, она приветливо кивает и говорит мягко, скороговоркой:

– Надо же такому, проходите, Анатолий, в горницу. Это надо же, ещё в Покров ходила, как ни в чем не бывало, и вот тебе. Так я и говорю, хоть бы хворала сколько, ли что. В один день свернулась, христовая.

– Все там будем, тётка Вера, – замечает отец.

– И то верно, Толя, и то. Сёдни вроде ничего, а завтра взял и не проснулся. Годы уж наши такие, где их возьмёшь, годов...

Мы проходим в горницу, и я замечаю в боковой комнате двух миниатюрных старушек, снежно-седых, коротко стриженных, одетых во все чёрное, как монашки. Они сидят перед телевизором и, положив руки на колени, смотрят на светящийся голубой экран. Это сёстры-близняшки, Лукерья и Марина, обе старые девы.

«Боже мой, – тупо думаю я, отворачиваясь от проёма. – Ведь действительно одни старики. Ни одного мужика, ни одного хотя бы мало-мальски среднего возраста».

– Каждый день в гости ходят телевизор смотреть, – поясняет бабка Вера. – Куда их денешь. Всё не так скучно, за компанию-то.

Немного погода в горнице появляется Пряхин, говорит строго и рассудительно:

– Ну вот, девять дней у Полины Лексеевны, помянем по-божески, хороший был человек, душевный... Я ить к чему речь веду, Анатолий. Сам ты немолодой, год как на пензии. А изба у Полины ремонта требует, стало быть, по весне приниматься надо – может, и переберёшься из городу-то в родные палестины, а? Шевелев вон, Гаврил Степаныч, два года как вернулся, сбежал от зятяка своего, будь он неладен. И ничего! Фитили на лисопеде ездит проверять, лодчонка у его на Коровьем... Ты пойми меня, старика, правильно, я худого не подскажу. Ну вот за этим и сядем к столу. Давай, Вера, бабушек-то наших сюда.

Потом мы пьём домашнее вино и едим за большим тяжёлым столом, сработанным не иначе как на заказ мастером-одиночкой и на долгие годы. В доме жарко. Я здесь не первый раз, но всё равно с любопытством разглядываю обстановку: массивный шифоньер с двумя дверками, на одной из которых врезано в ажурную раму длинное зеркало, буфет для посуды, застеклённый гранёным стеклом, высокие окна в цветных занавесках, сияющий позолотой иконостас, обложенный бумажными розами. А на комод, на вышитой салфетке, расположилась фарфоровая композиция полувековой давности – положив руку на загривок овчарке, на камне сидит и пристально смотрит вдаль одетый в дождевик пограничник. Прямо перед его глазами закрытая дверь в спальню – за ней, конечно, сверкающая никелем высокая кровать с пирамидой подушек, старинный сундук, накрытый скатёркой, семейные фотопортреты в деревянных рамках на белёной стене.

– Помянем Полину Лексеевну, – раздаётся торжественный голос Пряхина, и пьяненькие столетние сёстры согласно кивают, а выпив, вытирают ладошкой сухие глаза и с удовольствием закусывают отварной говядиной, макая её в горчицу. Когда на столе появляется ещё одна бутылка, отец извиняется и начинает прощаться. Пряхин уговаривает остаться, бабка Вера тоже уговаривает, и поэтому прощание в прихожей затягивается. Старушки запели в горнице:

– Бывали дни весёлые, гулял я молодец...

– Печь-то хоть протоплена? – сдаётся Пряхин. – Давайте, што ль, с Богом. Да зайдите, Анатолий, перед отъездом, когда теперь свидимся...

Он провожает нас до ворот и, пожимая руки, вздыхает. Потом я слышу, как скрипит тяжёлый засов, брякает щеколда, и над деревней виснет гнетущая морозная тишина. Спустя полчаса я лежу на высоком топчане у печи, ещё тёплой с утра, слышу, как отец чиркает спичкой в горнице, и вспоминаю какую-то невообразимо далёкую весну, косачиный ток в синие апрельские заморозки, тишину рыжеватых жнивий с колодезным духом над ними. Были тогда резкие оттепели с яростным солнцем, с дрожащей прозрачной поволокой в голых лесах, осыпанных зеленоватыми мушками почек. С шумом трескался, крошился лёд на реке, дыбился, забираясь на берег. И вот уж нет его, мутные тяжёлые воды набухают, поднимаются. День-два, и кипя на береговых порогах, хлынули мощные потоки на раскислые пашни, озёра залили кусты ивняков и ольховники, подобралась к потемневшим плетням огородов.

А когда это было?

Я вспоминаю детство, но даже напрягаясь, не могу описать провинциальный город тех лет, где жил, учился в школе, играл и хулиганил со сверстниками. Зато отчётливо вижу, как приезжал на лето в деревню, до мельчайших оттенков чувствуя прошлые переживания, связанные с рыбалкой,

полевыми цветами, коровами, лошадьми, лесом. И первые в моей жизни похороны, трещиной разделившие «до» и «после». В майские праздники умер Матвей Селюнин. В деревне он объявился в тридцатых годах, прибыл с Вятки с одним топором за поясом, оказался большим «универсалом» и в короткое время доказал мужикам, кто здесь настоящий столяр и плотник. За свою жизнь где-то он только не перебивал, за Уралом имел троих взрослых детей от разных женщин и, порою подвыпив, говорил про этих детей, поглаживая чеховскую бородку: «У меня их тройка, в Бога мать. Пашка – вор, Машка – шлюха, Зойка – Богородица». Он поднимал к небу указательный жёлтый палец и добродушно заканчивал: «Зойка – Богородица, хыть мать ейная сука обозная, сиречь походная полковая жена». Рассказывали, он жутко боялся грозы, будто било его однажды молнией у деревенской кузни, и остался в живых он лишь потому, что зарыли его мужики в землю по самую голову. «Это Бог тебя наказал, Матвей, за слова твои богохульные», – говорили ему суеверные бабки. Материться он, конечно, не прекратил, но в случае грозы стал креститься и прятаться в погребе. Станный он был человек, Матвей Селюнин. Сделал как-то двадцать рам по заказу, добрых таких, крепких. Пришёл заказчик точь-в-точь к последней раме, смотрит, как Селюнин работает, курит. Потом возьми да поправь его, мол, тут-то вот так-то надо бы. Матвей поглядел на него, плюнул на топор и порубил все двадцать рам, словно дрова... Но как бы там ни было, в жизни он был неизменно весел, непоседлив и безотказен на всякую работу. Когда же умер, вся деревня хоронила старика, ибо не нашлось такой избы, где не приложил бы он рук по плотницкому делу. Я помню, как причитала бабушка, когда мы вернулись с кладбища, сидя под хмельком у окна и подперев кулаком щеку: «Эх, Матвей, Матвей, как живой ить ты в гробе лежал, белёхонький, да с улыбочкой, прости, Господи, ровно матюгнуть кого напоследок хотел. Бывало, придёшь: пойдём, Матвей, почини колодец. А ты всё с улыбочкой такой: «Пойдём, Полина, поспим у тына». Бабушка поворачивалась ко мне, всхлипывала, шептала осевшим голосом: «Ты пей киселёк-то, ешь блины, поминай дедушку», – и на секунду просветлев, опять начинала всхлипывать и утираться подолом чёрной юбки.

Это было детство. И была смерть Матвея первым событием, которое нарушило его спокойный радостный бег. Чудным и странным казалось всё это – как можно так горько плакать всем и с этими слезами заколачивать крышку гроба? Сама по себе смерть, её дикая простота и неизбежность в то время ещё не могли уложиться в моём детском сознании в полной мере. Я воспринимал покойника как нечто обречённое на что-то страшное, но не совсем умершее, не до конца, и потому со всей остротой, на которую способен ребёнок, испытал чувство человека, живьем заколоченного в гробу. Мне казалось, что люди должны прятать друг от друга глаза за то, что они, живые, лишают этого обречённого ощущать воздух, мало того, зарывают куда-то глубоко под землю, не давая находиться среди леса, птиц, среди вечно живого и счастливого мира. Они ещё прихлопывают землю, насыпая бугор, пьют водку за упокой его души и едят сало – это тоже, наверное, за упокой. А какой же это покой, если в душной темноте его вдавливают в весеннюю жижу целая тонна сырой глинистой земли, и уже ничто и никогда не сможет вернуть его назад вот к этому солнцу и небу в тяжёлых, полных влаги округлых облаках? Нет, тогда я не мучился ответами на эти вопросы. Мне просто было страшно – слишком упорно не желал я верить в смерть Селюнина, в его исчезновение.

Я поворачиваюсь на бок и спрашиваю в сонную тишину: «Ты спишь?» Отец не отвечает. Помедлив, я усаживаюсь на топчане спиной к печке и закуриваю. И опять вспоминаю весну, но уже не далёкую, а совсем недавнюю. Снова передо мной встаёт половодье. В один из последних дней апреля приехали мы с отцом на охоту. Подвёз нас грузовик, тракт был грязный и круто уходил от реки в сторону соседнего района. Вдали лежали бурые поля с островками берёзовых перелесков, вода затопила не только дорогу в деревню и шаткий мосток через реку, но и все заречные выпасы, луговины, смешанные лесные колки. Кое-где у кустов качались на воде размытые прошлогодние стожки, унесённая паводком дырявая лодка и прочий деревенский хлам: доски, жерди, пустые бутылки... Отец разогнул сапоги и спустился к берегу. Потом достал папиросу, долго прикуривал, а когда прикурил, бросил на траву зелёную короткополую шляпу и глубоко затынулся. Лёгкий ветер трепал его жидкие светлые волосы, а дублёное худое лицо с прищуренными голубыми глазами выражало крайнюю озабоченность.

– Ну что... Как добираться будем? – он повернулся ко мне и склонил голову набок. – С дорогой всё ясно, а по реке километров восемь будет. Так что выход один: или лодку искать, или... домой обратно.

Отец говорил спокойно, но я знал, что домой его сейчас трактором не затанешь. Решили поискать лодку вдоль берега и спустя минут пять нашли прогулочную – она еле держалась на течении, уткнувшись носом в мокрый ивовый куст, вёсла лежали на днище.

– Не иначе с Пищухинского «приписного» течением притащило, – сказал отец, ударив веслом в порядковый номер на борту, и сплюнул в воду: – Далековато унесло. Но ничего, нам чем дальше, тем лучше. Искать здесь не будут.

Мы шли по течению, и я с восторгом смотрел на убегающие в стороны воронки, суковатые палки и целые деревья с наплывами мелкого мусора. Иногда на путивозникали покрытые жухлой травой островки. На одном из таких закусили и двинулись дальше, покуривая и поглядывая, как поднимаются с воды вспугнутые нами утки. Наконец за одним из поворотов на обрывистом берегу появились избы. На некоторых торчали самодельные антенны, скворечники на высоких жердях. Вода подступила близко и, омывая с одной стороны огорода, уходила влево широким плоским потоком. По другую сторону деревни тянулся смешанный лес, голый, вперемежку с зеленоватыми кустами верб, и дальше, уже за крайними избами, за просохшим увалом переходил в высокий, темнеющий кронами сосновый строевой бор. Что-то дикое, древнее и до боли родное возбуждал этот вид и тени белоснежных облаков, что катились по сверкающей глади воды, набегая затем на деревню и лес. Отец бросил весла и с усмешкой сказал:

– Неплохо бы к нам в лодку господина Шишкина заодно с Левитаном.

Причалили у старого «взвоза», с ходу вытянули лодку повыше и со всем своим хозяйством в руках, подминая сапогами засохшую крапиву, поднялись по крутому подъёму на берег.

Первый, кто нам встретился, был Семён Григорьевич, худой, как щепка, и белый, как лунь, дедушка лет под 90. Глухой и полуслепой от старости, в телогрейке и застиранных кальсонах, заправленных в подшитые пимы, он стоял к нам спиной и мочился. У меня сердце защемило от жалости. Лет десять назад я помнил его ещё вполне бойким стариком, жилистым и

подвижным, и ко всему прочему заядлым рыбаком. В любую погоду шёл он на озеро, садился в долблёнку и проверял пару ряжевых сетёшек, поставленных в заветном месте. И всегда в них было полно увесистых золотистых карасей, именуемых в народе лаптями. Надо сказать, рядом стояли и другие сети, но карась заходил в них куда как мельче и не так густо, как у Семёна. «Слово он какое-то знает», – говорили про него мужики.

Отец положил на землю чехол с ружьём и тронул старика за плечо. Тот вздрогнул и обернулся, пожевал синими губами.

– Напужали, едри вашу мать, – сказал он, оглядывая нас выпуклыми, как у птенца, глазами и явно не узнавая. Отец рассмеялся и крикнул ему в ухо: «Привет рыбакам! Когда сети ставить поедем?»

Вплотную придвинувшись к отцу, старик виновато улыбнулся беззубым ртом:

– Неужто Анатолий? А это кто будет, сынок? Тепереча и не признаю, вымахал выше бати.

Мы по очереди пожали сухую слабую руку и вскоре выбрались на грунтовую главную дорогу, зашагали мимо приземистых домов, в ряду которых встречались и двухэтажные, слегка просевшие под тяжестью столетних задубевших венцов. Весна уже правила бал. На задворках орала петухи, угольно-седые скворцы обживали скворечники, из палисадника в палисадник с шумом перелетали стайки воробьёв. У дороги в глубокой сточной канаве плавали в талой воде белые домашние утки. А по сухой обочине, тронутой молодой зеленью, семенила чёрная тощая сука с впалыми боками. За ней неровным строем следовала группа кобелей, возглавляемая грязно-белым великаном с оскаленной свирепой мордой и острыми волчьими ушами. Я задрал голову к небу. Высоко над деревней описывал круги коршун, отлетал, словно сносимый ветром, в сторону разлива, но упорно взмахивая широкими крыльями, вновь возвращался, повисал над домами... У бревенчатого магазина, закрытого на замок, на трухлявой завалине лежала пегая коза, рядом сидели две пожилые тётки. Они поглядели на нас из-под ладони, а одна – Таисья Ощепкова – крикнула звонко и весело:

– Здравствуй, Толя. С Люськой-то не сошёлся? – хотя отлично знала, что у матери давно другая семья. Вторая, по прозвищу Сануха, в мужском пальто, простоволосая, добавила испитым фальцетом:

– На охоту ай на рыбалку?

– Чего орёте, как оглашённые, – рассмеялся отец и поднял над головой руку с ружейным чехлом.

Наконец добрались. И как только поднялись по ступенькам крыльца в сени, почуяли запах свежее испечённого хлеба – его ни с чем не перепутаешь. За обитой войлоком дверью нас встретила тишина и просторная кухня со всем, что при ней полагается: большущая русская печь с подом, впритык к её тёплому боку топчан, покрытый старым одеялом, под потолком полати с васильковыми занавесками. За печью, как водится, рукомойник, а у кухонного стола на скамеечке двухведёрная кастрюля с колодезной водой. Сам же стол венчала пирамида картофельных шанег на круглом эмалированном блюде.

Не успели раздеться, вернулась от соседки бабушка. Вошла и, ничуть не удивившись, зачистила с порога:

– Ну вот, христовые, а ожидала к вечеру – давеча снится то один, то другой. Кинула карты, и вправду выпали. Как, думаю, добираться будут по такой-от воде? Ну слава тебе, Господи, отстряпалась.... Ну а вы-то чего молчите?

– Да тебя слушаем, – сказал отец, а я тут же кинулся к ней, поцеловал в мягкую морщинистую щёку и помог снять чёрный, повидавший виды плюшевый жакет. Бабушка присела на стул, достала из кармашка халата коробочку с нюхательным табаком (приучилась в войну после похоронки на деда), взяла крупную щепоть и с удовольствием понюхала. Чуть погодя пришла соседка Раиса – высокая, дородная, похожая на купчиху старуха с крупным лицом, в круглых очках с толстыми стёклами, в светлой поношенной шубейке из искусственного меха.

– Бог в помощь. Здравствуйте, ребята, – сказала она без улыбки и, обернувшись к бабушке, деловито добавила. – Дай-ка я тоже понюхаю. Больно он хорош у тебя, когда с мятными каплями...

А немного погодя все расселись за столом в горнице, пили круто заваренный сладкий чай, ели шаньги и вели разговоры про одинокую стариковскую жизнь, про погоду, небывалый разлив и ветхий мосток, который скоро обрушится...

Я не вмешивался, ел шаньги и поглядывал на Раису, вспоминал, как однажды отец рассказывал о её сыне Германе, о том, как четверть века назад тот удавился на бельевой веревке, привязав её к спинке кровати – приревновал жену (ту самую Сануху) к местному конюху.

– Он не давиться, он поугагать её хотел, – говорил сердито отец. – Улёгся на кровать, захлестнул на горле петлю и притворился мёртвым. Ждал её, ждал, да так и уснул, потому как пьяный был в стельку. Ну а во сне, ясное дело, стал ворочаться и передал артерию. Откуда ему знать, что достаточно слабого нажима. Так и уснул навеки.

И ещё говорил:

– Бывало, мальчишками пойдём с ним на рыбалку, а червей ещё с вечера накопаем, готовимся, как на праздник какой. И вот выйдем – солнце ещё не встало, трава в росе, реки из-за тумана не видать, а как рыба плещется – слышно. И ведь так понимали друг друга, что удочки враз бросим и примемся плясать от радости. А перепелов сколько было, кроншнепов.

До сих пор удивляюсь душевному складу отца. Однажды поставили на озере сети и решили заночевать на берегу – разожгли костерок, прилегли у свежего стога и замечтались, глядя в светлую пропасть звёздного неба. Неожиданно он сказал:

– Мне кажется, что полвека назад я смотрел на эти звезды точно с таким же чувством, что и сейчас. Лет через двадцать ты будешь смотреть на них без меня. Самое странное, что мыши вот так же будут шуршать в сене, как сейчас и как сто лет назад шуршали.

Он рассказал, когда открыл для себя смерть:

– Лет в десять, что ли, не помню. Помню только, однажды зимой не спалось. На дворе страшный мороз, сугробы, в лесу волки воют, а я лежу вот на этом самом топчане и книжку читаю – трачу дорогой керосин в лампе. И вдруг представил с ужасом, что когда-нибудь меня не станет, а вместе со мной не станет этой избы, этого леса, всего этого мира с его неопишуемой красотой. Так представил, что два дня как шальной ходил, ни есть, ни спать не мог по-человечески – закрою глаза, и мерещится наше кладбище: тёмные кресты, голые берёзы, а по могилам позёмка стелется...

Внезапно я очнулся. Беседа за столом оживилась, голоса повеселели. Это бабушка принесла из «шкапчика» бутылку рябиновой настойки.

– На дрожжах ай на хмелю? – со знанием дела спросила Раиса. Бабушка легонько стукнула её согнутым указательным пальцем в лоб:

– Я тебе не Марьяна дрожжами ягоду портить. На хмелю да водке «Столичной», глупая твоя голова.

Из будней разговор сам собой переместился в прошлое: вспомнили годы войны, пленных немцев, эвакуированных, а там перекочевали во времена и вовсе старозаветные, когда, к примеру, в двадцатых годах много народу полегло от сыпного тифа. Поскольку сказать мне было решительно нечего, я выпил за компанию гранёную стопку настойки и тактично удалился на кухню, уперевшись ладонями в подоконник, прильнул к окну, где между рам серела уложенная валиком вата. Напротив, у бани, в ленивой позе лежала чёрная бабушкина кошка и сонно следила за трясогузкой, что прямо перед её носом ходила и кланялась, как заводная.

И глядя на эту кошку, обманчиво дремлющую на молодой траве, на пустые тёмные грядки, на огород в прошлогодней мякине и дальше сквозь дрожащую испарину бурого поля на синеющий кронами бор, я с пересохшими губами ощутил совсем новое, трагически сладкое чувство по утерянному и вновь обрётённому детству. Мне живо вспомнились плотные песчаные тропки, словно выбритые на травянистых обочинах деревенской улицы, и разные интересные насекомые, копошащиеся в этой траве, в её нижней прохладной части. Снова увидел высоченные для пятилетнего мальчика заросли бурьяна на заброшенном выгоне и прорубленные деревянными саблями извилистые ходы в этом густом, пахнущем земляными червями травяном лесу, и опять испытал необузданную, почти животную тягу к пронизанной солнцем воде у прибрежных лапушек и злую, полуобморочную радость погружения в прозрачную, бесконечно прохладную глубину... «Боже милостивый, – пронеслось в голове, – дай мне воли сберечь эту память до старости».

Я снял с себя свитер, майку, сошёл по ступенькам крыльца во двор и уселся рядом с кошкой, привалившись спиной к бане, к её тёплым венцам, в подгнивших пазах которых виднелись белые нити иссохшего мха. Дул лёгкий ветерок, обнажённую грудь жарко пекло, и всё моё существо трепетало от несказанного счастья и любви ко всему, что меня окружало. Как всё-таки трудно выразить словами, какие я пережил минуты, поглаживая кошку и глядя прищуренными глазами на солнце, кипящее высоко в голубом небе и щедро гревшее немногих обитателей деревни. Мне казалось, что в один миг я почувствовал и пережил в душе то, что можно прочувствовать и пережить во всей жизни. Через что? Да может быть, через эти самые вековые брёвна у бани.

На крыльцо вышел отец, слегка покрасневший, с дымящейся папиросой в углу рта, мельком взглянул на небо.

– Оно, конечно, неплохо, – сказал он задумчиво. – Хороша погодка. Так хороша, что даже подозрительно. Не удивлюсь, если на зорьке всё в обратном порядке пойдёт.

– С чего ты взял? – спросил я, чтобы не молчать, всё ещё пребывая в воспоминаниях.

Он перекинул папиросу во рту:

– Знаю я эти апрельские денёчки. Сейчас жарит, как в парилке, а через час дурной ветер с мокрым снегом по всей округе.

– Батя, ты помнишь, как мы в Батрак закатились, заночевали тогда у Авдотьи?

Отец вынул изо рта папиросу и медленно спустился с крыльца.

– Как не помнить, отлично помню, царствие ей небесное. А ты это к чему? Лет десять, почитай, прошло. В дикие места потянуло?

– Потянуло, батя. Вспоминается так, как будто вчера побывал. Даже вкус её свёкольного кваса во рту ощущаю совершенно явственно. И этот старческий запах половиков, сизый дым самосада...

– Вот-вот, – неожиданно и с решительным видом сказал отец. – Вот возьми да и напиши хороший рассказ про этот самый Батрак, и вообще про всё, про деревню нашу, про жизнь стариковское – что-нибудь вроде «Записок охотника». Стишки-то пишешь, в журналах печатаешь, – добавил он с нехорошей усмешкой.

– Эх батя, куда тебя занесло – «Записки охотника». И почему вдруг стишки мои тебе разонравились?

– Я не сказал, что разонравились. Иной раз под настроение даже слезу вышибают. Ты послушай, я не о том речь веду. Напиши рассказ о настоящей деревне, не выдуманной. И желательно, чтобы тоже со сладкой слезой, понимаешь? А в Батрак мы обязательно наведаемся, когда транспорт наладим, – закончил он, имея в виду наш старый мотоцикл «Урал» с коляской, уже два года ржавевший в городском гараже.

Я остался один и снова мысленно вернулся в Батрак. «Урал» в то время был почти новый. Стояли тёплые, ясные, тихие дни ранней осени. Мы ехали в деревню на охоту, близился вечер. Неожиданно отец притормозил.

– Заглянем в местечко одно? – спросил он, переключаясь на «нейтралку». – Сокровенное. Тебя-то точно заинтересует. Но предупреждаю, далековато будет.

– Бензина полный бак, – сказал я беспечно и расправил на ногах чёрный каляной фартук коляски. – Что за местечко?

Он перекинул ногу через бензобак, уселся на сиденье лицом ко мне и вытащил из кармана пачку папирос. Закурили.

– Когда-то давно Батраком прозвали, – отец заглушил мотор. – И народ там жил в моем понимании не совсем обычный – через одного потомки ссыльно-каторжных. Дикий народ, шальной. Зверья там водилось не счесть, тебе и не приснится такое. А я вот хорошо помню, особенно военное время, мальчишкой. Бывало, направляется из этакой глуши бесконечный обоз, тянется через деревню, краю не видно, и на каждой телеге убитые лоси вповалку. Только лоси. Поверишь в подобное? Сопровождают, конечно, верховые с винтовками, все в белых маскхалатах поверх шинелей, все промёрзшие до костей. А зимы в те годы, заметь себе, стояли лютые до невозможности. Не теперешним чета. Мороз такой, что по лесу треск, как от ружейных выстрелов, а деревья прямо звенят, если обухом к стволу от души приложиться. Остановят движение посреди деревни и айда по избам чаем отпиваться да отогреться поближе к печке. Сядет такой к столу, измученный, хмурый, глаза слипаются от бессонницы, а я сижу напротив и смотрю голодными глазами, как из вещмешка нехитрое богатство выкладывает – булку серого хлеба, сало в промасленной тряпице, комковой сахар и вдобавок заварку в пухлом кисете. И не какую-нибудь из жжёных сухофруктов с пылью, а самую настоящую, пахучую, рассыпчатую – такой редкостный чай старики наши «фамильным» называли. А мать – бабка твоя – стоит у печи с поджатыми губами, молодая, худущая, в довоенном платье, и смотрит, как закипает почерневший чайник на открытой конфорке. Я тоже поглядываю на языки огня, проскакивающие в щель между плитой и чайником, глотаю слюну в предвкушении чаепития. Но вот охотники почаявничают, поедят, согреются и, несмотря на ночь, двигаются с обозом дальше, в райцентр. Мы понимали – время не терпит, военное – «всё для фронта, всё для победы». А в 42-м, послушай-ка, додумалось начальство ещё и трудлагерь в Батраке организовать из наших немцев, перемещённых с Поволжья. Это как же выходит: сорвали народ с насиженных мест и загнали в чёртово логово к поселенцам, да ещё охрану приставили, ровно не люди они советские, а уголовники сахалинские?

– Чем же они занимались, батя? Немцы народ работающий.

– Ясно чем: лес валили, картошку гнилую ели и вымирали потихоньку.

После таких слов беспечность моя поубавилась:

– Правильно старики говорили: «Из нас или дубина, или икона, смотря кто обрабатывает». А сейчас-то кто там живет?

– Сто лет не был – разве что призраки.

Отец снова пересел за руль, дёрнул пяткой рычаг стартера, несколько раз «газанул» и съехал с грунтовки на травянистую дорогу, петляющую по верболозам, совсем узкую, с выдавленной на обочины вязкой чернильной землёй. Потом миновали по краю чей-то нескошенный луг, объехали мелкую озеринку с мутной водой, с блестящей береговой грязью, сплошь усеянной следами птичьих лап. И наконец забрались в места совсем уж мне незнакомые. То ехали в тёмном, горько пахнущем хвоей еловом бору, то через берёзовые подлески с бледной листвой, уже тронутой жёлтыми пятнами, а то через прохладный тонкоствольный осинник, где, пробитые брызгами спелой костяники, лежали прелым настилом листья, а сырой воздух пах грибами и обманчивой близостью реки. Но вот дорога снова углубилась в дремучий лес, а там и вовсе зашла в тупик, только поодаль виднелась узкая тропа, поросшая полуметровыми топольками. По ней мы и вышли, минуя заброшенное кладбище, к Батраку – к останкам того самого селенья, о котором впоследствии я не раз ещё вспомню, особенно в долгие зимние вечера за кружкой крепкого чая, за дымящейся папиросой, под дикую музыку непроглядной вьюги за мутным окном.

Я стоял и растерянно смотрел на освещённую солнцем широкую поляну, поросшую диким разнотравьем, на косяки бесцветной крапивы с пыльными щетинистыми листьями, редко насаженными на узловатые мощные стебли, на мшистые бревна пустых домов, где на провалившихся крышах курчавилась мягкая трава вперемежку с полынью.

Я смотрел на лес, вплотную подступивший к этой поляне и сразу ставший для меня особенно таинственным, древним, с его махровыми елями, со всем тем глубоким и мрачным, что особенно трогает путника в незнакомой глухой стороне.

Но вдруг в звенящей тишине гулко и с оттяжкой схлопали чьи-то тяжёлые крылья, раздался далёкий хлопок выстрела, сопровождаемый оголтелым криком сороки, и через мгновение над лесом появилась пара глухарей, стремительно уходящих на запад. Оранжевое солнце медленно склонялось за лес, и в рассеянных лучах его треугольные вершины елей выделялись всё резче, отчётливей.

К моему великому облегчению оказалось, что в Батраке обитают не только призраки. В полусотне шагов, ближе к лесу, над тёмной крышей приземистого дома отвесно поднимался к небу узкий шлейф дыма. И это означало, что кроме печки в нём теплится чья-то упрямая жизнь.

Увидев дым, отец только хмыкнул:

– Это кто ж там живёт, редьку с квасом жуёт? – сказал он насмешливо и ткнул меня в бок кулаком. – Пойдём, заглянем, что за нечистая сила зелье на огоньке готовит. Неужели Авдотья?

– Что за Авдотья?

– А та, что на всю округу одна настоящей знахаркой слыла. Если бы не она, не стоять бы нам тут с ружьишками-то.

И мы двинулись направо вперёд, обходя по чертополоху развалы истлевших брёвен, петляя в буйных зарослях татарника и натываясь то на гнилые влажные жерди, то на трухлявые пни, осыпанные чёрной щепой.

В конце концов выбрались на песчаную проталину у дома, отдышались, отряхивая колючки с одежды. Затем с подобающим видом неспешной походкой проследовали вдоль сложенных у завалины смолистых сосновых обрезков, мимо пыльного окна, заклеенного по трещине полосой газеты, и вошли в прохладу травянистого двора, где бегало несколько коричневых куриц, а у долблёного корыта с чистой водой на привязи ходила белая коза и лениво щипала травку.

Входная дверь в сени стояла открытой. И тут я вздрогнул. Из сумрака неслышно появилась высокая сухая старуха, похожая на смерть из сказки, в чёрном балахоне ниже колен поверх такой же чёрной понёвы до щиколоток и в кожаных тапочках с рыжей меховой опушкой. Её тонкое тёмное лицо с острыми скулами выражало усталую сдержанность, и тем поразительнее сочетались с этим тёмным лицом на редкость живые молодые глаза бирюзового цвета. В одной, опущенной, руке она сжимала чёрную курительную трубку, дымящую самосадам, а в другой – самую настоящую косу с блестящим лезвием, отчего я несколько опешил. И вправду – смерть в чистом виде.

– А чего другой дорогой не ехали, – кивнула она на восток. – Там и твёрже, и ближе на пару километров будет.

Отец переступил с ноги на ногу, кашлянул, собираясь с мыслями.

– Ну здравствуй, тётка Авдотья, – сказал он, снимая шляпу, и слегка склонил голову.

Она отставила косу, сунула трубку в рот и, вытащив из пепельных косм гребень, двумя взмахами пригладила их на затылке.

– Это чей же ты такой будешь, из дальних, что ли, ожогинских? Не припомню такого.

– А ты припомни как следует. Как, к примеру, в 41-м тебя двадцать вёрст на санях к нам в деревню везли – ко мне, помиращающему от дифтерии.

Бирюзовые глаза её сузились. Она быстро спустилась с крылечка, подошла к отцу и, как слепая, огладила костлявыми руками его лицо, потрепала жидкие волосы.

– Здравствуй, Толя-тополек. Ещё денёк – и опоздали бы мы тогда. С тобой ить родня уже попрощалась. Завернули в рогожу и положили умирать на приступок за печкой. А кто же с дифтерией больного к теплу кладёт, прости, Господи? Еле выходила тебя, неделю от койки не отходила, совсем было отчаялась.

– А я ведь после армии к тебе заезжал, прямиком с таджикской границы, отблагодарить хотел. Так и не узнал бы, кто меня спас, если бы мать нена роком в письме не обмолвилась. Правда, не застал, ты сама у сына в селе гостевала. Ну и выпили с Михаилом, соседом твоим, бутылочку, рябчиков постреляли с манка.

– Значит, всё ж таки обмолвилась, не смогла на сердце камень носить.

– Постой, ты о чём это, Авдотья? – растерявшись, спросил отец.

– Из-за Тимки всё и началось тогда, разлад-то наш с Полиной, – махнула рукой Авдотья. – Придумала себе, будто я его от неё отвела наговором. А чего там отводить, коли он сам бегал за мной с гармошкой, как привязанный: «Цыганочка ненаглядная, египтянка моя синеокая».

– Ну и дела, первый раз слышу такое, – в сердцах пробурчал отец. – Ты сама-то как с ухажёром поладила?

– А что я? Сирота одинокая, бесприютная, эвакуированная из Крыма, растерялась по молодости. Плеча крепкого да тепла мужицкого хотелось до смерти. Поженились впопыхах и махнули в Батрак от греха... Потом,

после войны, пришло как-то в голову: и чего было дразни устраивать? Всё одно, оба головы на фронте сложили.

– Как же мать послала за тобой после этого?

– Так и послала – скрепя зубы, думаю. Потом, сказывали, соседям строго-настрого наказала не говорить, кто тебя выходил. Вроде сам собой оклемался.

– Словно обухом по голове, – сказал отец и почесал затылок. После подошёл к старухе и положил ей голову на плечо. – Теперь ты мне вдвойне роднее, «египтянка синеокая». Один раз родиться позволила, другой раз – помереть не дала.

– Ты не думай, – сказала она, отступая. – Подарок твой армейский я сберегла, в сундучке храню. Умеют эти азиаты богатые шали ткать. Мягкие, тёплые, лёгкие – чистейший козий пух. Надеваю, однако, редко – жалко в будни таскать. Разве что на Рождество да на Крещение... А это что за верзила? – кивнула она в мою сторону, попыхивая трубкой. – Понятно, сынок: по «фотографии» вижу.

– Здравствуй, бабушка, – сказал я и приставил ружьё к чёрному срубу колодца. – Напоишь водичкой? В горле совсем пересохло.

– Да что водичка? Квасом ядрёным напою, коли в подпол слазишь. А пока сходи в сенки, возьми литовку да крапиву у ворот посеки, совсем задавила, проклятая – в огород не пройти.

Я принял от неё литовку, для разминки отсёк под корень куст репейника и направился к «воротам» – двум потемневшим столбам в обхват толщиной, соединённым по верху полутораметровым мшистым козырьком. Вот и всё. Ни дверей, ни засова, только пустой проём, заросший крапивой, а за ним – огород с крупной листвой спелой картошки и прочей съедобной зеленью на длинных широких грядках.

А потом дружно уселись за стол в скромной, опрятной кухне с пресловутым топчаном у печи, с домоткаными половиками на крашеном полу, сшитым из древних широких плах, пили шипучий свёкольный квас и ели окрошку со свежими козьими сливками. Когда сумерки сгустились, зажгли «керосинку».

– А кто это у тебя в лесу из ружьишка бухал? – спросил вскользь отец. – Не знаешь случайно?

– Так это Генка – бич божий. Два года как прибился к нашим местам. Он мужик-то ничего, безобидный. Одна беда – тунеядец неисправимый. Сам говорит: «Мне бы к лесу поближе да от ментов подальше». Отдала ему ружьё Тимофеево, всё равно без дела лежит – вот и ходит, постреливает.

– А постреливает не впустую, с отдачей?

– Что ты! То птицу тащит, то козла завалит, а зимой ещё и петлишки на зайцев ставит. Прямо говорю – без мяса не сидим.

– Живёт-то он где? Хоромов тут не проглядывается, – заметил отец.

– Пустой домишко Ивана Битера занял.

– А сам Иван куда перебрался? Он ведь лет на десять тебя помоложе.

– В Германию вместе с семьёй уехал. Там и помер от лёгких, сестра писала.

– Точно, курил он на загляденье – самокрутку в два пальца толщиной изо рта не выпускал. Докурит и тут же новую сворачивает. Здоровенный чёрт. Если мог с кем сравниться, так это, пожалуй, с Пряхиным.

Авдотья сходила в сени и принесла двухлитровую банку, на треть наполненную самогоном, выставила три гранёных стакана.

– Чего на сухую сидеть, коли гости пожаловали, – сказала она ворчливо.

– Для того её и готовят, чтобы причащаться по случаю, – улыбнулся отец, потирая руки.

Выпили, закусили крошкой и снова выпили. Первач сладко вспыхнул под ложечкой, отец опять вспомнил войну, стал рассказывать про артель рыбаков, что еле тащили на берег длиннющий невод, переполненный огромными язями и прочей мелочью вроде лещей и миног, прозванных семидырками. Авдотья забила трубочку, а поскольку курили все трое, двери открыли настежь, благо комаров уже не было. Подвыпившая старуха посмурнела, попыхивала трубкой и часто сплевывала в поганое ведро у ног. А в паузах всё сводила разговор на сына, на его бестолковую жизнь в «богомерзком селе, воняющем каменной пылью», да на лентяйку жену, «злющую, как собака, и жадную к дешёвым обновкам».

Из горьких её речей стало ясно: сына Авдотья жалела до слёз, да поделать ничего не могла. И крепость духа, и сила врачеваний помогали в её жизни многим, многим, кроме самых родных.

– Ладно, айдате спать укладываться, – погода приказала старуха и ушла в полутёмную горницу, косо освещённую луной через окошко. Она стащила с кровати на пол широкую перину, расправила, а сверху бросила две пуховые подушки и стёганое одеяло.

– Отдыхайте с Богом. У меня сон лёгкий, мягкий, что облако. Анатолий, не выпьешь рюмочку на ночь?

– Нет, спасибо, – промычал отец, повернулся на бок и тут же уснул.

А мне не спалось. Я вспомнил рассказ Авдотьи о сыне и тут же представил всё сказанное до мелочей.

Я представил, как появляется у неё этот спившийся бездетный мужик, привозит на попутке муки, сахару, жиру. Гостит пару дней, пьёт самогон, припасённый для этого случая, вечером смотрит с крыльца на закат, курит и, наконец, вдоволь наревевшись на кладбище, требует, чтобы она переезжала к нему в село, обещает спяну райскую старость в его совхозном доме. Она, конечно, не соглашается, виновато глядит, как он стучит себя в костлявую грудь кулаком, а утром провожает по росистой траве – тихого, в заношенном нелепом костюме и с тусклыми глазами самоубийцы на опухшем лице.

Я живо представил его казенный совхозный дом, построенный наспех, большой и нескладный, с высокими прожорливыми «голландками» под серебро. Почти воочию увидел холодную неудобную кухню и не менее холодную горницу, скупо обставленную тусклой мебелью, такой же большой и нескладной, как весь этот дом со всеми его щелями, тощими дырявыми половиками, и нервную краснолицую хозяйку, крикливую женщину, любительницу выпить и проклинать всех на свете, лёжа на скрипучей кровати с выпученными в потолок мутными злыми глазами.

Кстати, на следующий год мы снова заглянули в Батрак, но Авдотью уже не застали – нашли на кладбище свежий могильный холмик с белым берёзовым крестом, увенчанным дешёвым венком с зелёными жестяными листочками...

В этот раз на крыльце появилась бабушка, не в меру довольная, с пятнышком нюхательного табаку под носом.

– Ты чего закручинился? Сбегай давай в магазин, возьми у Фаины бутылочку красенького.

– Какую бутылочку, – вздохнул я, отгоняя невесёлые мысли. – Нам скоро на охоту собираться.

– Это не вам, с Райкой будем собутыльничать. Раз в году да в Пасхальные дни не возбраняется. Да селёдки купи на закуску.

А через час нагнало тяжёлых облаков, ветер свежел, толчками поднимал высохшую пыль на дороге и, тут же бросив, уносился через пустые огороды на затоплённые луга, подергивал косяками крупной ряби мутные неглубокие воды разлива. Когда солнце скрывалось, ветер становился холодней, и вся деревня, потемневшая, лишённая зелени, казалась погруженной в осень. За крайними избами сразу же резко проступал грифельными осинами пустой и неуютный лес. Весь в поломанных ветках, с подстилкой гниющей листвы, он был похож на больного старика, когда обречённо скрипел суставами мёртвых стволов и глухо вздыхал своей мрачной утробой. Но вот солнце вышло: сначала только край его, освещая чёрную землю увала, затем приближалось по ней ослепительным веером в реке, – и разом оживало всё пространство вокруг, стихал ветер... Отец стоял на крыльце, уперев руки в бока, с тревогой смотрел на север и сквозь зубы цедил по слогам:

– Это нам ни к чему, это нам ни к чему...

Слава Богу, погода не подвела, к вечеру ушли за горизонт облака, низкое солнце позолотило подтопленные заросли ивняков, а в закатном небе и на воде начался великий праздник пернатой любви – все вокруг засвистело, запищало и закрикало. В таких вот зарослях мы и укрылись на лодке, выкинув на чистую воду пару чучел. Напротив, метрах в ста, виднелся клочок бурой суши с тремя берёзами и стожком прошлогоднего сена. Неожиданно на этот островок шумной стаей обрушились косачи и устроили самое настоящее побоище – сшибались грудь в грудь, только перья летели.

Ближе к ночи косачи улетели, а мы, отстреляв пяток уток, решили устроить скрадок прямо на токовище.

И какая была эта ночь! Тихая, тёплая... Луна висела так низко и светила так ярко, что всё вокруг казалось тронутым налётом белоснежной плесени.

Из сушняка соорудили шалаш, укрыли его сеном, и получилось нечто похожее на соседний стожок. Потом покурили, забралась внутрь и мгновенно уснули. Проснулся я тоже мгновенно от страшного шума и тотчас сел, ничего не понимая. Вокруг шипело, с клёкотом хлопало, бубнило... Отец стоял на коленях, сквозь спутанные ветки смотрел наружу и тихо говорил:

– Ну и дела. Мы в самом центре, сынок. Посмотри-ка на этих красавцев.

Я посмотрел. В туманной дымке шла ожесточённая битва. Потом прицелился и выстрелил дуплетом. Пара косачей свалилась, остальные на секунду замерли и вновь продолжили драку, как ни в чём не бывало. Отец тоже уложил двух штук, и на этом закончили.

– Нам лишнего не надо, – сказал довольный отец. – Поехали, накормим бабушку настоящим мяском с дробью.

* * *

Просыпаюсь я солнечным морозным утром в полной тишине. Помывшись из рукомойника, пью за столом крепко заваренный байховый чай, потом закуриваю и выхожу во двор. Отец с карандашом за ухом и топором в руке стоит у покосившейся в огород калитки и тихо насвистывает.

– Встал? – спрашивает он и, не дожидаясь ответа, не глядя на меня, добавляет:

– Всё. Весной переберусь окончательно. Баста!

– Чего это ты? – спрашиваю я растерянно.

– Того самого. Осень жизни подходит, сынок. Пора возвращаться домой.

2018 г.

ПОЭЗИЯ

Ольга ГУЛЬТЯЕВА

*229-й Ишимской стрелковой дивизии
второго формирования посвящается*

Там сосны высокие

От Ишимских лесов до излучины Дона,
От бескрайних степей до могучей Оби,
Вам, великим защитникам нашего дома,
Признаёмся опять:
Любим. Помним. Скорбим.

Синицинские сборы

Над Ишимом-рекою
В заметённом бору
Собирался стрелковый
По Сибири народ:
Из окрестных селений,
Из больших городов.
В сорок первый военный –
В восемнадцать годов.

Очень краткие курсы
Молодого бойца.
Здесь не «празднуют труса»,
«Не теряют лица».
От рассвета до ночи
Подготовка идёт.
Что судьба им пророчит
В час военных забот?

Сквозь сосновые иглы
Видно неба кусок.
В прошлом детские игры,
Впереди марш-бросок.
Он пока что учебный,
Вдалеке от боёв.
Только чёрная небыль
Чует жниво своё.

Строй реликтовых сосен...
Тих Синицинский бор.
Ветер звуки разносит
От землянок и нор.

Там вчерашние дети
Смотрят взрослые сны.
Час у них до рассвета...
И сто дней до войны.

Много это иль мало –
Нам теперь не понять.
Ноги ноют устало,
Неуютна кровать.
Сколько стоят их жизни?
По рублю за пучок...
За свободу Отчизны
Бой. Ещё и ещё.

По накату тихонько
Луч рассветный скользнул,
Словно лезвием тонким
Вскрыл людскую казну.
Над землянками громко
Прокатилось: «Подъём!»
И врывается ротный
В сны о мирном, своём.

По-весеннему пахнет
Бор сосновой смолой.
Ветер трогает лапник,
Проверяет – живой?
Все тогда были живы,
Но включился отсчёт...
По натянутым жилам
Сок весенний течёт.

На запад

*«У победы родителей много,
Пораженьё – всегда сирота».
Ох дороги, степные дороги,
Вы ведёте куда?»*

Сформированы, обучены
Рыть землянки, брать в штыки.
А вчера приказ получен –
Выдвигаются стрелки.
Сдать учебное оружие!
Эшелон. Прощай, Ишим
В майском яблонево кружеве.
Мы – на запад. Мы – спешим.

Позади Урал. Всё явственней
Привкус гари и беды,
Проплывают мимо станции
И цветущие сады.
Траектория изорвана,
Словно молнии зигзаг:
Балахна, затем – на Сормово,
С Богородска на Рязань.

А за окнами весенняя
Вширь раскинулась страна.
Знать, ни птицам, ни растениям
Не дано, что там – война.
Полыхает утро заревом,
Вечер красится в закат.
А в походных кухнях – варево
Для резервников-солдат.

Под Тамбовом, под Саратовом
Проносился эшелон,
Словно всю страну охватывал,
Выставлял врагу заслон.
Назначение резервников –
Закрывать прорыв собой.
Сталинград. Давай, кочевники,
Принимай неравный бой.

* * *

За околицей – тишь с утра,
Там, где озеро да камыш,
Там, где бой не смолкал вчера,
А сегодня накрыла тишь.

Там недавно ещё цвели
Медуницы и васильки,
А сегодня трава-полынь
Чёрной былью рвёт сон в клочки.

Там, в воде, улетаю прочь,
Отражаются облака,
Им, небесным, понять невмочь,
Отчего на земле труха.

Неподвижна озёрная гладь,
Отраженьё – святей святых...
Над убитым ребёнком – мать...
В чистом поле кресты... кресты...

Большая излучина

*Повзрослели мальчики в мгновение, –
Золотой запас родной страны.
Встали над полями и над временем
Из Сибири славные сыны.
Им не суждено вернуться к мамам,
И девчонки их напрасно ждут.
Самым лучшим и бессмертным самым
Предстоит тяжёлый ратный труд.*

Котлубань.
Выгружайся, дивизия,
И с перрона – пять дней марш-бросок.
В патронташах патроны окислились,
Потогонен июль для бойцов.
Полторы сотни вёрст маршем пройдено.
Правый берег, излучина, Дон.
Поголовно парням бы – по ордену...
Только думы у них не о том.

О Сибири, где сосны высокие,
О родных, что остались и ждут...
Вот за них всеми силами-соками
В землю молча вгрызаются тут.
Суровикино, степь неоглядная.
И приказ двести двадцать седьмой:
Насмерть стой!
Шаг назад не загадывай.
Отступил – отвечать головой.

И на подступах дальних, в излучине
Своевольных донских берегов,
На мальчишек полки шли обученных,
Всю Европу подмявших врагов.
«С этой армией – небо форсировать!
Что ей – взять Сталинградский плацдарм!»
Но в степи встали парни сибирские
По приказу: «Ни шагу назад!»

Прямо с марша – в сражение адово,
Корпус танковый – против ребят,
Тут и бабка сказала бы надвое,
Но стоят наши парни. Стоят!
Поле, поле, пшеницей засеяно,
Силы дай им, они ж – от земли.
Подкрепление обещано...
Где оно?
Косят танки мальчишек в пыли.

У фашистов – то «Блау», то «Брауншвейг»,
Поливают термитным дождём.
По степи пролегает кровавый шлейф,
И трава пропиталась, и дёрн.
Тут ответить бы им артиллерии
Двухсотмиллиметровым огнём,
Чтоб почували ада преддверие...
Где вы, «боги войны», мы вас ждём.

За атакой опять отступление.
Вновь утюжат фашисты плацдарм.
Из укрытий – лишь балки с траншеями,
Ни лесов, ни высот, ни казарм.
Педантично разбив на квадратики
Степь донскую на картах своих,
Немцы «мотокулак» взяли тактикой
И ударили прямо под дых.

Проломив оборонную линию,
Устремились фашисты за Чир,
Но опять обожглись о Сибирю,
Контратакою прерван зачин.
Всё ж неравные силы, неравные.
Там – армада, здесь – парни с полей.
Упакованы немцы снарядами,
Наши – духом своих сыновей.

Не отступят. Приказ не нарушится.
Только насмерть. Ни шагу назад.
Не привык сибиряк, словно устрица,
Прятать голову или бежать.
Свой единственный бой, в Суровикино,
У излучины Дона, в степи,
Принял он, все сомнения выкинув,
Камнем став у врага на пути.

Тем, кто после нас...

Мы не просим покоя,
Не мечтаем о нём.
Чтоб вернуться из боя,
Где крестили огнём,
Надо снова родиться –
Не сейчас и не здесь –
Белокрылою птицей,
Не приемлющей спесь.

И подняться над миром,
И взглянуть с высоты,
Как на свежих могилах
Горбят спины кресты,

Как кровавым осколком
Солнце рушится вниз,
Как, не жившие толком,
Люди падают ниц.

Как снега укрывают
Всех, кто стар и кто млад,
Но сугробы сбивая,
Тени рвутся назад.
Там у братской могилы
Молча вдовы стоят...
А вверху белокрылы
Птицы – по двое в ряд.

ПРОЗА

Виктор БОРИСОВ

*400-летию последнего сражения
Смутного времени посвящается*

Ангел мой...

Повесть

Необычной и особенной слыла среди посадских девушка Татьяна. Кто знал и помнил – тот помалкивал, всего о ней не рассказывал. Сильно напугал тогда всех родных и близких открывшийся у неё дар. А началось всё после смерти дедушки Порфирия.

Маленькая Таня любила играть с дедом: теревить его за бороду, ползать по плечам, слушать стариковские байки и получать от дедушки игрушки – самоделки: то деревянного коника, а то и куклу-столбец.

– Вот тебе, Танча, куколка, – говорил ей дедушка, ставя перед ней пучок цветных тряпочек, перевитых вместе с лыковыми обрезками и перевязанных сверху так, что получалась круглая головка. Дедушка рисовал по головке углём глазки, продевал вичку – ручки: – Играй, внучка.

Дедушка был стареньким, тяжёлую работу ему выполнять уже не по силам, поэтому он больше сидел на лавочке, ловил сморщенным лицом солнечные лучики и плёл лапти да корзинки.

– А вот это тебе куколка бережная, – поучал дедушка. – Ты её, Танча, не заиграй, храни в укромном уголке.

Куколка та же, да не та: в пучок тряпочек вплетены сухие веточки и травинки, ручек у куколки нет и глазки не нарисованы. Танечке играть с ней неинтересно, она и убрала её в «секретную» берестяную коробочку, как дедушка посоветовал.

Умер Порфирий тихо, никого не намаял, ночью уснул, а утром уже и не проснулся.

Через сорок дней снится Тане сон: будто бы дедушка вернулся, стоит на краю деревни, её к себе манит и говорит: «Позови-ко, внученька, ко мне деда Аверьяна». Тут Танюша проснулась и матушке Василисе всё как есть рассказала, мол, сейчас виделась с дедушкой, он Аверьяна просил позвать. В тот же день, не доживя до заката, умер дед Аверьян.

Матушка забеспокоилась, рассказала о сём бабкам да тёткам, те головами помотали, поохали, поохали и посоветовали последить за малой. Много ли мало ли дней прошло – не больше сорока. Снова снится девочке сон, снова она видит дедушку Порфирия, снова он её к себе манит и говорит: «Позови-ка ко мне, внученька, Петра-кузнеца». – «Мама не велела мне с тобой, дедушка, разговаривать», – отвечает ему Таня. – «А ты и не говори. Побегай домой». Девочка тут же проснулась и маме про свой новый сон рассказала.

– Ох ты, Господи! Царица небесная! – воскликнула матушка и трижды перекрестилась. – Спаси и сохрани!

Быстро собралась, платок на голову повязала и заспешила на край деревни, где жила большая семья Ивана Никифоровича, а старшим среди сыновей у кузнеца как раз и был Пётр – ладный парень, завидный жених. Не успела... Издали ещё увидела: несут с реки мужики бездыханное тело Петра-утопленника.

Стали думать-гадать, как деда Порфирия от Татьяны отвадить, и людей сберечь, и женихов не спугнуть. Парни пугливы: за версту огибать девушку станут, если пойдёт за ней дурная слава, а известно: жена без мужа – вдовы хуже.

– Делать нечего, Василиса, надо к травнице Анисье идти. Только она и поможет.

Собрали туесок с яйцами, творогом да маслом, и отправилась матушка за околицу, на выселки, где одиноко жила в избушке Анисья-травница. Знахарка как ждала, будто знала, какая нужда привела к ней Василису.

– Эта беда – не беда. Отвадим от девушки неупокойную душу Порфирия. Только от смертей-то в посаде это не избавит.

– Пусть так. Кому что на роду написано, так тому и быть, а заранее знать про то нам ни к чему.

– Вот что, матушка, – говорит ей Анисья, – сходи-ка ты за водой ключевой на лесной ручей. Тут неподалёку, тропинка укажет.

Василиса коромысло на плечи накинула, вёдра деревянные подцепила и за водой пошла туда, куда её знахарка направила. Над той водой Анисья потом ворожила, заговоры шептала и что надо будет с этой водой делать, Василисе толком объяснила.

– Завтра как Танечка проснётся, пусть первым делом лицо своё этой водой трижды ополоснёт. Всю напасть как рукой снимет. А ты, Василиса, после в монастырь сходи, в храме перед иконой Богоматери свечку поставь. Не забудь.

Так и сделали. Как сказала знахарка, так всё и случилось: перестал являться дед Порфирий, успокоилась душа.

Миновало несколько лет. Для стариков – быстрых, для молодых – неспешных. Расцвела Татьяна: густые пшеничные волосы толстой косой до пояса лежат, светлолица, круглолица, соболиные брови серые омуты очей окружают, из глубины очей лучистый свет исходит, нежный румянец на щёках, алые губы что сказочный цветочек. Всем взяла. Парни на неё заглядываются, но спокойной скромностью и доброй рассудительностью Таня никому надежды не подаёт. Всему своё время.

* * *

На охоту Андрей привык ходить в одиночку. Одному и надеяться не на кого, и винить, если что не так случится, будет некого. Он шёл не спеша вдоль кромки леса. Да с тяжёлой амуницией особо и не разбегаешься. Поднявшись по косогору, среди рыжих сосен заметил старый охотничий лабаз. Над головой в бездонном синем небе кружит ястреб, высматривая среди золотистого, местами помятого овсяного поля мелкую жертву. Застрекотала сорока – верный признак того, что где-то рядом лесной хозяин. А вот и заброды хозяина леса. Как раз к месту пришёл.

Андрей заглядывался и совсем близко увидел сидящего медведя, собирающего лапами овёс себе в пасть. Ветра со стороны охотника не было, и косолапый пока не учуял его. Медведь с чавканьем уплетал овёс, не обращая никакого внимания на происходящее вокруг.

Охотник, пригнувшись, скрываясь за кустами, стал подбираться к нему ближе. Шорох каждой травинки казался Андрею громким шумом. Наконец, подойдя на расстояние, как ему показалось, достаточное для выстрела, Андрей осторожно выглянул из-за кустов и увидел беззаботно катающегося по овсу медведя. Он поставил упор для пищали, приготовил рожон, насыпал на полку и в запал пищали порошу, прицелился и нажал на спуск. От вы-

стрела заложило уши. Раздался страшный звериный рык раненого медведя. Медведь встал на задние лапы, и Андрей только сейчас разглядел, какой он огромный. Увидев своего обидчика, перекатываясь всеми своими мощами, медведь прыжками понёсся на него. Охотник хладнокровно выставил навстречу несущемуся зверю крепкий рожон с острым железным наконечником посередине. Конец крепкого рожна – рогатины упёр в камень. Зверь со всего маху налетел на наконечник и заревел от предсмертной боли. Андрей, не выпуская из руки рогатины, смотрел в стекленеющие глаза и оскалившуюся пасть с двумя рядами страшных зубов умирающего медведя. Из последних сил зверь легко махнул лапой в сторону охотника. Одним махом медведь мог так завалить либо оленя, либо кабана, что ему какая-то мелкая, кусачая тварь.

Андрей не успел увернуться от белых медвежьих когтей – длиной с вершок, а известно, что вершок мерой с мужицкий палец. Из глубоких рваных ран на плече и руке охотника потекла алая кровь, насыщая собой суконную ткань рукава. Наконец зверь рухнул замертво на землю. Андрей как сумел перемотал себе руку, наломал веток и забросал ими медвежью тушу от голодных хищных птиц. Взяв с собой только пицаль, отправился за помощью к людям.

* * *

Татьяна с подружками собирала малину на закрае леса. Где-то далеко ухнул выстрел. Редко можно было услышать такое в здешних краях. Девушки не испугались: наверное, снова ратники с Кириллова монастыря на охоту вышли. Не секрет, недавно прибыли они для усиления обороны монастыря – вот и балуются охотой. Малина сама шла в руки, стоило только прикоснуться к ней пальчиками, как ягода отрывалась от корешка и сама собой падала в туеса. Девушки собирали малину и пели весёлую песню о себе.

*Во сыром бору сосёнка
Зеленёшенька срубленная,
Много-много на сосенке ветвей,
Много-много на кудрявой ветвей,
Вдвое, втрое отросточков.
Много-много у Татьяны подруг,
Много-много у Арины подруг,
Вдвое, втрое у Глафиры друзей!
Девушки громко рассмеялись...*

Андрей вышел из леса на девичьи голоса. От испуга, увидев парня с ружьём, подружки дружно вскрикнули.

– Девицы-красавицы, не пужайтесь. Помогите неудачнику-охотнику с бедой справиться. – Он обессиленно сел на пенек, положил рядом ружьё.

– Да у тебя вся рука в крови!

– Косолапый постарался. Девушки, сходите за мужиками, надо тушу медвежью с овсов вынести... – только успел сказать – и тут же без сознания повалился навзничь.

– Подружки-сестрички, скорее. Ты беги в деревню, мужиков зови, а ты к Анисье-травнице. Тут неподалёку. А я здесь с ним останусь, вас ждать буду, – распорядилась Татьяна.

Девушки растерялись, не торопятся, за головы схватились, со страхом смотрят на лежащего в траве охотника. Татьяне пришлось даже прикрикнуть на них, чтобы наказ быстрее исполнять стали. Заспешили, наконец убежали.

Она первым делом постаралась раненую руку от одежды освободить, глубокие борозды от медвежьих когтей на плече и руке ключевой водой промыть. «Кости-то хоть целы?» – подумала.

Молодой парень лежал на спине, запрокинув голову. Чистое красивое лицо было бледным и печальным, густые русые волосы разметались по траве. У Татьяны подкатил ком к горлу, ей безудержно стало жаль его. Она не смогла справиться с нахлынувшим чувством и, путая в кудрявых волосах тонкие пальцы, стала гладить охотника по голове, приговаривая.

– Ничего, потерпи, сейчас Анисья подойдёт, поставим тебя на ноги.

Знахарка не заставила себя долго ждать, не заплуталась подружка – привела её к самому месту.

С тех пор как травница Анисья избавила Татьяну от плохих снов-предсказаний, она больше не встречалась с девушкой, поначалу даже не признала в красавице ту босоногую девчонку. Посмотрела на неё, потом на парня, снова на Татьяну взглянула и будто что-то поняла.

– Хорошо, что раны промыла, – похвалила она девушку, – а теперь помогай мне, да смотри не бойся.

Знахарка мазью раны обработала, достала иглу с льняной нитью и самые глубокие раны зашила – как заштопала.

– Теперь ему покой нужен да уход.

Тут и мужики посадские подошли.

Анисья-травница ещё раз как-то по-особому глянула на Татьяну и велела мужикам нести раненого в дом к девушке.

– За ним уход нужен, а у Татьяны в избе все условия. Да и девушка она сметливая и заботливая. Справится.

А потом уж только ей сказала:

– Сегодня зайди ко мне, я отвар приготовлю. Будешь поить им раненого три раза в день.

Так и сделали. Занесли его в отчий дом Татьяны, уложили на душистый соломенник.

Очнулся Андрей на следующий день. Открыл глаза и сразу промелькнула мысль: «Ангел?!». Над ним склонилось милое, как у ангелочка, девичье личико. Девушка приподняла его голову и сказала ласковым голосом:

– Выпей вот это, поможет.

И она поднесла к его губам деревянный ковшик, полный тёмной жидкости. Из рук такой красавицы Андрей готов был выпить что угодно.

Так и продолжалось: изо дня в день она возвращала юношу к жизни. Однажды в один из первых таких дней Татьяна сказала матушке:

– Мне снова стали сниться сны.

Василиса охнула, трижды перекрестилась.

– Господь с тобой. Снова дед Порфирий приходит стал?

– Нет. Дедушка больше не являлся. Мне не такие сны снятся, как раньше. И не сны вовсе, а видения. Обычно перед рассветом это случается. Вроде как и сна уже нет, а приходят сновидения. Люди разные незнакомые видятся, слова и речи их ясно слышатся, будто знакомы мне города и посадки, досель неизвестные.

– А с тобой, дочка, в этих твоих видениях никто не говорил? Ни о чём тебя не просили?

– Нет. Будто со стороны я всё это вижу. Будто бы картинки лубочные рассматриваю.

– Ну и слава Богу! Это не страшно, это просто блазнит тебе, – матушка вдруг взглянула на неё с любопытством: – Да уж не влюбилась ли ты, доченька, часом?

Танино лицо наивно порозовело, она невнятно что-то ответила матери и перевела разговор на другую тему.

Андрей быстро шёл на поправку, но не спешил вставать на ноги.

В Кирилловском монастыре уже знали, что с ним и где он, тревожить не стали, хозяев поблагодарили за заботу, а ему пожелали восстанавливать былую силушку.

Все его мысли теперь были только о встречах с посадской девушкой и необычных разговорах с Татьяной. На третий раз, после приёма из рук девушки живительного зелья, Андрей осмелел, дотронулся до её руки и робко попросил.

– Останься со мной ненадолго. Расскажи про вашу семью, за чьё здоровье мне в храме свечку ставить?

– Обычная семья, как и все здесь, посадские от Кирилловского монастыря. Ремеслом и промыслом кормимся, земледелием. У тяти лавка своя есть, он у земского старосты в помощниках ходит. Старшие братья сейчас в поле работают, да и у меня невпроворот дел по дому накопилось.

– Останься.

– Матушка сердиться будет.

– Не будет. Посиди ещё немного, поговори со мной. Про жизнь посадскую расскажи.

– Жизнь обыденная, как один день течёт.

– Так уж ничего интересного и не случается?

– Каждый прожитый день интересен, только рассказывать о нём неинтересно. А вот если хочешь, я тебе сон свой расскажу.

– Будь добра.

– Только он путанный немного. С одного на другое перескакивает.

– Как есть расскажи.

– Вот снится мне большой монастырь. Похожий на наш, святого Кирилла Белозерского. Может, и поболее будет. Стоит тот монастырь среди оврагов и гор, стены высокие, неприступные, с башнями и глубоким рвом вокруг. И вот будто бы стены монастыря злодеи штурмом взять захотели, а жители окрестных посадов и слобод сами сожгли все свои дома, чтобы враг в них не мог обосноваться. Все от мала до велика, мужики и бабы, старики и дети – все под защиту в монастырь-крепость ушли.

– Уж не о Сергиевом ли Посаде ты рассказываешь?

– Да, наверное, о нём. Мне ещё старец-монах привиделся. Запомнила слова его, самому царю и боярам сказанные: «Если будет взята обитель Преподобного Сергия, погибнет весь предел российский до окиана-моря, и царствующему граду настанет конечная теснота».

– Да это ты самого московского патриарха Ермогена речь слышала! Редкое счастье тебе выпало! Василий Шуйский царём в те поры был, прислушался он к словам патриарха, выделил в помощь осаждённому шестьдесят ратников и стрельцов, дал пороху двадцать пудов. А что тебе ещё привиделось?

– Видела, как гибли люди. Погибали в сражениях, а ещё больше от мора и голода. Видела, как в одну могилу клали по тридцать, сорок тел. Но монастырь не поддавался, держал осаду.

– Осаждавшими поляками и литовцами командовал гетман Ян Сапега. Да ещё вместе с ними казаки и «наши» – русские там были, ими Лисовский командовал. Всего тысяч двадцать против стен монастырских собралось. Ну рассказывай, – оживился Андрей.

– Вороги не раз с лестницами и орудиями стенобитными штурмом взять стены монастырские хотели. Видела, как вместе с оружными ратниками и монахами на стенах монастыря стояли женщины с камнями, смолой и серою. Защитники монастыря стреляли из пушек и ружей, кололи из отверстий

копьями, лили вар, ослепляли врагов известью, отталкивали от стен лестницы и тараны. Злодеи поняли, что просто так приступом обитель не взять, решили подкопаться под стену и взорвать её.

– Сапу, – поправил её Андрей, – такой подкоп сапой называется. Ляхи хотели тихой сапой подкрасться под стены монастыря.

Татьяна с благодарностью кивнула ему и продолжила свой рассказ.

– Осаждённые тоже сделали для вылазок ход под землёй. Нападали на врагов, хватали, допрашивали и наконец узнали место вражьего подкопа. Сапы, – поправилась она. – Ещё видела, как за три часа до рассвета воеводы с ратниками, стрельцами и монахами вышли из монастыря-крепости. А когда мгла рассеялась, вступили в жестокую битву с ляхами и казаками. Выгнали их из укреплений, нашли минный подкоп – сапу и взорвали его.

– Больше ничего в том видении не было?

– Видела тебя, – ответила девушка, и густая краска залила её лицо, – видела, как ты с неприятелем сражался в том бою.

– Да, было дело. Теперь вот сюда нас послали защищать от разбойников монастырь Кирилловский.

В другой раз Татьяна рассказала Андрею ещё про один сон-видение, ещё про одну осаду. Только роли в той осаде поменялись местами: в Кремле-крепости осаждёнными были уже не русские, а поляки.

– Ляхи со стен Московского Кремля бранились и насмехались. Они, мол, никогда не сдадутся торговцу мясной лавки Кузьме Минину, а князя Дмитрия Пожарского посылали в церковь к монахам. Уж когда последний кусок хлеба ляхами был съеден, видела кошмар нечеловеческий. Сначала они съели в Кремле всех кошек и крыс, питались кореньями и травой, варили пергаментные рукописи и книги, а потом... – заметно было, что Татьяне трудно говорить, – потом они стали пожирать друг друга, людоедствовать. Я не выдержала и от ужаса проснулась.

Девушка, будто ища защиты, глянула в глаза Андрея, но он был где-то далеко-далеко, в том времени, вместе с ополчением, у кремлевских стен в Москве. Теперь уже Андрей продолжил рассказ Татьяны. Поделится своими воспоминаниями о прожитом и пережитом.

– На помощь осаждённым шёл с двенадцатитысячным войском гетман литовский Ян Ходкевич. Они везли для осаждённых четыреста телег с провиантом. Видать, долго собирались в Кремле заседать. Следовало опередить их, и князь Пожарский выслал к Москве конный отряд князя Василия Туренина, а сам вместе с ополчением Минина к Москве подошёл в конце августа. Заняли позиции, соорудили несколько острогов со рвами и шанцами. Только успели, тут и неприятель подошёл. У Ходкевича с учётом полков, засевших за стенами Кремля и Китай-города, было свыше пятнадцати тысяч воинов, а у князя Пожарского и Кузьмы Минина в два раза меньше. Ходкевич, не раздумывая, с рассвета сразу же начал прорываться к Кремлю. Сражение началось на Девичьем поле с боевой конницы. Бой длился семь часов, и только благодаря Богу отбили натиск Ходкевича казачий атаман Афанасий Коломна, да дружины Романова, Можанова и Козлова. Гетман приказал отступить.

Татьяна зачарованно слушала Андрея.

– В другой день Ходкевич нанёс удар через Замоскворечье, а так как казаки князя Трубецкого предательски покинули поле битвы, гетману удалось подойти к Кремлю совсем близко. Уже под самый вечер ополчение Минина, три резервные конные сотни и отряд ротмистра Хмелевского переправились через Москва-реку и атаковали вражеский заслон. Поляки бежали. Ополченцы перешли в общую контратаку, но князь Пожарский предусмотрительно

приказал прекратить преследование, дабы не попасть в ловушку. Гетман Ходкевич простоял на Воробьевых горах и с великим срамом бежал из Москвы, а обоз с провиантом для кремлёвских сидельцев стал нашим трофеем. Ратники Трубецкого объединились с войском Минина и Пожарского. Такую армию не под силу кому-либо победить. В ноябре штурмом взяли Китайгород, а четвёртого, в Казанскую, кремлёвский гарнизон сложил оружие и сдался. Князь Дмитрий Пожарский первым вступил в город, неся икону Казанской Божией Матери.

– А ты, Андрей?

– Я тогда стрельцом в ополчении у Кузьмы Минина был.

* * *

Пришло время Андрею покидать гостеприимный дом, расстаться с полюбоившейся посадской девушкой Татьяной и возвращаться в ряды ополченцев Кириллова монастыря. Разлука убивает ветреные отношения, а настоящие чувства только усиливает. Молодые хотя бы на час, хотя бы на минутку всячески старались свидеться друг с другом. Отец и матушка Татьяны вот-вот ждали сватов и наконец дождались.

Сватать Андрея в посад прибыл сотник Владимир Бугаев и дружки Андреевы – пушкари Степан и Федос, будущие шаферы на свадьбе. Сотник Бугаев, небольшого роста, широкоплечий, с каменным, мускулистым телом и жилистыми руками, черты лица правильные, если не брать в расчёт нос картошкой. Ратники хорошо знали, что тихие и мягкие в минуты душевного спокойствия тёмно-голубые глаза сотника легко загорались гневом при малейшем неисполнении его приказов.

Бугаев по правилам сватовства трижды постучал в дверь, громко известил о своём прибытии, взялся рукой за голбец, и как положено, сказал:

– Здравия желаем, хозяева дорогие. Примите от нас хлеб-соль.

Пушкари вынесли на рушнике большой монастырский каравай хлеба.

– Хлеб-соль берём, а вас пировать зовём, – отвечал Иван Никифорович, отец семейства.

Добротному порядку в доме, где каждая вещь была на своём месте, не соответствовали разительно не схожие родители Татьяны. Василиса Степановна – высокая, степенная, с медлительной походкой барыни и маленький, ершистый, прыткий Иван Никифорович. Много на Руси есть поговорок про маломерков, но своего мужа Василиса защищала, на всякое злоязычие отвечала: «Мал золотник, да дорог». Иван, родом из Новгорода, торговал в лавке златокузнечным рукоделием: тельными крестами, серьгами да кольцами, которые сам лил да ковал из серебра, меди, золота и олова. Весь род его – и дед, и отец – золотых дел мастерами новгородскими славились, но Ивану после подавления смуты Марфы-посадницы пришлось от немилости царской в вологодской глуши скрываться. В монастыре святого Кирилла рукодельное мастерство его оценили, вопросов задавать не стали, приняли и приветили. Стал Иван монастырские заказы исполнять, да и на продажу, для себя, успевал кое-что делать.

После первой принятой из рук Татьяны чарки сотник Бугаев приступил к «торгу».

– У вас товар, а у нас купец. У нас садочек, а у вас цветочек. Нельзя ли вашему цветочку поселиться в нашем садочке?

– Был бы купец, а товар есть. Для такого купца, удалого молодца, наш цветочек хоть куда, – как надо ответил хозяин дома.

Давно хотел Иван Никифорович с кем-нибудь государственные дела обсудить, а уж с кем о сём не поговорить, как не с военным на-

чальником. После второй чарки и про сватовство забыли. Василиса не вмешивалась в «государственный» мужской разговор, подносила угощения и держала ухо востро, ждала, как бы во хмелю не слетели у мужа с языка те два слова, за которые потом, не дай Бог, и ответ держать придётся. «Эх, Иван, Иван, вызнал бы лучше про приданое стрельца...». Не уследила. Сболтнул всё-таки. Ткнула его хорошенько в бок. Но было уже поздно.

– Народ наш тёмен, – сел на своего «конька» Иван. – Вот Марфа Борецкая в Новгороде хотела народу дать просвещённой западной жизни, а её за это в монастырь! Дикий народ. Надо по-европейски, по-западному учиться жить.

Глаза сотника Бугаева остекленели, лоб и щёки покрылись хмельными розовыми пятнами. Цепко зажав в кулаке кружку с бражкой, так, что казалось, раздавит её сейчас в щепки, уткнувшись взглядом в братину, молча слушал сотник Ивановы речи.

– Надо по-западному, по-европейски научиться нашу расейскую жизнь строить.

– Они нас научат, – наконец отозвался сотник, – да что уж там, уже вовсю учат. Вокруг монастыря святого Кирилла ни одной целой деревни не осталось. Всё учителя западные пожгли да порушили. Монастырь им не по зубам оказался, так хоть народ в округе проучить. Учителя, едрёна в корень! – выругался сотник

– То бандиты были да разбойники, – попытался возразить Иван.

– Гости дорогие, ешьте на здоровье, закусывайте. Закусывайте больше, – Василиса выставила на стол блюдо с дымящимся пшёнником и сочными мясными косточками.

– Не бывать этому на Руси! – громко крикнул сотник и так стукнул кулаком по столу, что подпрыгнула вся посуда, а с блюда сползла каша на стол. – Кончилась Великая Смута! Молодой царь Михаил Романов в силу вошёл, теперь мы сами всех учить будем. И запад, и Европу, и своих тоже научим, как веру, царя и Отечество любить и почитать надо!

На плече сотника оказалась рука Василисы.

– Не сердчайте шибко на мужа моего, не со зла это он, а по хмельному неразумению. Да и не дорос ещё до мудрости...

Дружки Андреевы, пушкари Степан и Федос, едва сдержались, чтобы чуть не в голос рассмеяться, глядя на низкорослого тестя.

– Маленькая собачка – до старости щенок, – уже спокойным миролюбивым тоном снисходительно проговорил сотник Бугаев.

Иван резко поднялся из-за стола и развернулся к выходу, но покинуть пиршество не успел. Василиса остановила его, взяла за руку и поглаживая по ладони, что-то шептала ему на ухо.

– Ну ладно, – виновато заговорил сотник, – ну не сердчай. Садись за стол. Торговаться-то по-настоящему ещё и не начинали.

Родители после долгого застолья дали согласие, определились с приданным и сроками свадьбы.

По возвращении сватов в монастырь Андрей нетерпеливо выспрашивал их.

– Ну как? Согласие дали?

– Всё нормально. Невеста твоя – чудо, тёща шибко мудра, а тесть – деловой хозяин. Хороший выбор, – подытожил сотник Бугаев.

– Главное – драки не было, – добавили дружки.

Татьяна прощалась с прошлой жизнью, перебирала сундуки с приданым, примеряла свадебный костюм: белую льняную рубаху с широкими рукавами, праздничный красный сарафан с расшитым узорочьем, передник, на котором сама лично вышивала из красных нитей орнамент со скрытым тайным смыслом, подпоясалась длинным поясом, посмотрела на себя и порадовалась. В отдельном сундуке постель – перина, подушки, одеяло. А вот и свекрови на сарафан, ещё и платок ей. Свёкру рубаха, жениху рубаха с поясом и в придачу штаны. Каждому в семье по полотенцу, собственноручно вытканному и расшитому. Тут и берестяная шкатулка на глаза попала, а в ней все её детские тайны: невеста откуда взявшиеся черепки от фарфоровых тарелок, пуговицы и бусинки, беззубый деревянный гребень и заколка с выпавшим камнем-самоцветом, тут и «обережная» куколочка от деда Порфирия нашлась.

Напраслину наговаривали про дедушку, мол, был он злым колдуном, из-за него погиб молодой Пётр-кузнец и ещё многих других из посада к себе дед Порфирий увёл. Не был он колдуном, накликающим беду, а наоборот, предсказывал её, помогал избавиться от беды, если получится. Дедушка и сам добрый был, и Танюшу добру учил. «Надо по жизни добрым быть, – говорил он внучке, – недобрый человек завистлив, зависть его сушит, на ум только злокозненные мысли приходят, а добротой мир держится. Миром и слобода, и посады строятся».

Татьяна повертела в руке «обережную» куколочку: тряпочка на ней выцвели, травинки высохли, лыковые полоски растрескались. Она собралась уж было отложить куколочку в горку подготовленных на выброс ненужных вещей, но передумала, вернула её обратно в шкатулку, где теперь лежали уже не детские игрушки, а невестино кольцо, бусы, серебряные серьги, подаренные старшими братьями, костяной гребень и заколки с переливчатыми камнями.

За неделю до назначенного дня встревоженная Татьяна поведала матушке Василисе свой новый сон.

– Уходить всем нам надо из посада, уходить под защиту Кириллова монастыря.

– Что случилось-то?

– Видела, как разбойники на посад наш напали. Разорили дома, надругались над людьми, испоганили всё вокруг.

– Опять тебе поблазило? Поверят ли люди-то, Таня? Уж пять лет как от самозванцев избавились, пять лет как новый царь Михаил Романов Русью правит. И нас здесь давно не беспокоили злодеи. Да и не время сейчас бросать огороды, у всех забот полон рот.

– Матушка, говорю тебе, не простой сон мне снился. Провидение это было, а не сон. И слова я слышала, – Татьяна не сказала матушке о том, что слышала голос дедушки Порфирия, – сказано было: «Уходить надо всем из посада под защиту стен монастыря святого Кирилла».

– Может, туда сердечко твоё рвется, к милому Андрею?

– Матушка! – обиделась девушка-невеста. – При чём здесь мы? Я вот как тебя сейчас вижу, видела окаянных злодеев. По воде и посуху, на конях и пешие, в обносках и грязи, с ружьями и пушками, ляхи и казаки в нашу сторону идут. Командует ими какой-то особенный поляк, что-то его манит в наши края. Не первый раз он приходит сюда воевать и грабить. Вот как тебя вижу, так и его нерусское лицо разглядела и запомнила. Кичливый, хитрый, со злыми глазами и усами на пол-лица...

Пан полковник Мсцислав Песецкий был офицером показным. Статный, высокомерный, с густыми, буйно разметанными, чёрными, как смоль, волосами, правильными, почти сходящимися бровями и холодными, как студень, глазами. Подбородок и щёки у него всегда были тщательно выбриты, а рот закрывался густыми усищами, спускавшимися от уголков губ длинными концами до края нижней челюсти. К своей форменной одежде Песецкий относился бережливо и трепетно, хотя в долгих походах по Руси суконная венгерка со шнурками поизносилась, но со стороны по-прежнему выглядела как новенькая.

До пана полковника доходили сведения о роптании в войсках. Поговаривали, мало ли польской, литовской и казацкой шляхтецкой крови пролито. Довольно уже с москалями цепляться, пора бы уже и назад по хатам воротаться.

– Скачи, враже, як пан скаже! – невольно вслух произнёс полковник Песецкий любимую присказку, имея в виду и подчинённых, и упёртых русских, засевших в монастыре, как кость в горле. Никак не получается выкурить их оттуда. Эх, были бы у него пушки! Хотя бы пехотные единороги и камнемёты, а если бы оказалась здесь исполинская пушка «трещёра», которую к Сергиеву Посаду на семидесяти лошадях-тяжеловозах тащили, то монастырь этот треснул бы, как семечко подсолнуха. Но ведь здесь недаром говорят: сам чёрт искал сюда семь дней дорогу и так и сгинул по пути. О каких пушках можно мечтать... Пан Мсцислав нахмурил брови и осадил себя. Хватит хандрить! Не для этого он послан сюда католической церковью с секретной миссией. Никто не должен знать, ради чего они здесь, зачем он гробит своих людей под монастырскими стенами и почему он не может уйти отсюда не солоно хлебавши. Пся крив! Уже и русские пословицы применять стал.

– Матка Боска Ченстоховска! – пан Мсцислав перекрестился, будто отмахнулся от назойливого комара. – Матерь Божья, помоги мне в этот раз одолеть русских дикарей. Не ради славы и наград, не щадя живота своего бьюсь я с варварами, но только ради процветания католической церкви, исполняя наказ и волю его святейшества папы Павла Пятого.

Полковник ещё раз бегло перекрестился, и сами собой нахлынули воспоминания о судьбоносной встрече, произошедшей в Варшаве в доме его дядюшки Кази.

Магнат Казимир Песецкий, оставив после ранений военную службу, обосновался с семьёй в провинциальном городе, занялся коммерцией и быстро пошёл в гору. Открыл в городе отделение центрального банка, выстроил в центре Варшавы большой каменный дом и совсем не ожидал, что столица Польши из Кракова будет перенесена королём Сигизмундом Третьим в Варшаву. Предстоял сейм и торжества официального провозглашения Варшавы новой столицей Речи Посполитой. Все постоянные дворы и доходные дома были переполнены, и пан Казимир любезно предоставил свой кров посланнику Ватикана кардиналу Симонетти.

Как сейчас помнит Мсцислав дядюшкины хоромы с узкими окнами-бойницами, облицованными глыбами горного гранита, с устланными на полу медвежьими шкурами, а на стенах трофейное оружие доблестного рода Песецких: кривой янычарский ятаган рядом с русскими палицами и бердышами, кольчуги соседствуют с мадыарскими щитами, татарский колчан и лук – с запорожскими пиками и клинками. Богатый дом.

Нунций Симонетти восседал возле теплящегося камина в тронном кресле хозяина дома. В отблесках трепещущего каминного огня лиловая изящная

кардинальская ряса играла всеми цветами радуги. На руках папского легата в перстнях искрами посверкивали драгоценные камни.

– Мой племянник, молодой офицер, – представил нунцию дядя Казимир тогда ещё майора Мсцислава. – Он как никто другой способен на рыцарский подвиг. Мало кто из Песецких умер дома на своей перине. Наш род – род воинов! Во славу Всевышнего Песецкие клали свои головы на полях сражений.

Нунций лёгким жестом руки остановил словоохотливого дядюшку.

– Ватикану не нужны напрасные жертвы. Все мы в руках Божьих, и каждый по мере сил своих исполняет волю его.

Казимир Песецкий, потупив голову, скромно отошёл в сторону, предоставив кардиналу лицом к лицу вести важный разговор с молодым офицером.

– Ваш король Сигизмунд оказывает неоценимую услугу Ватикану, пытаясь соединить русскую церковь с польским костёлом, привести сидящих во тьме москвитян в лоно римской католической церкви. Мы возлагали большие надежды на армию и самозванца Гришку Отрепьева – лжецаревича Дмитрия. Но увы, надежды папы Павла Пятого не оправдались. Лично мне всегда казалось, что вряд ли получится что-нибудь путное из всей этой затеи с Гришкой и его женитьбой на Марине Мнишек. Москвитяне – народ гордый, им важно, где, кто и как первым шапку снимет, на каком месте посажен будет, кто как посмотрел и как сказал. Могут ли они согласиться, чтобы их царство прилепилось к польскому королевству? Нет. Скорее Польшу к Московии, как рукав к кафтану, захотят приставить.

Речь папского нунция удивляла и пугала своей откровенностью.

– Да поможет нам Святой Отец и Дева Мария, – нунций перекрестился, вдогонку ему перекрестились Песецкие, – да поможет Всевышний королевичу Владиславу в третьем походе на Московию занять престол и привести в лоно римско-католической церкви заблудшие души русичей.

Все вместе ещё раз перекрестились.

– Амен! – нунций Симонетти, глядя в глаза офицеру Песецкому, доверительно плёл нить разговора. – Сегодня у меня назначена аудиенция с королём Сигизмундом, и я замолвлю слово о присвоении вам очередного звания – полковника. Ваш дядя уверил меня, что вы и только вы сможете выполнить тайную миссию его святейшества папы Павла Пятого. Он поручил мне найти в Польше верного рыцаря церкви для свершения подвига, равного подвигам рыцарей «Круглого стола». Вам так же, как и им, предстоит найти и вернуть христианские святыни, обманом доставшиеся Руси.

– Чашу Грааля? – удивился Мсцислав.

– Нет! – резко оборвал его посланник Ватикана, не привыкший к тому, чтобы его перебивали. – Нет, не чашу Грааля, но ценность этих вещей, что были вывезены в Московию, для римской церкви так же значимы, как и Иисусова чаша.

Кардинал Симонетти замолчал и, повернувшись в сторону камина, вытянул к огню сухие жёлтые руки с блестящими на длинных пальцах бриллиантами и сапфирами. Пауза затянулась.

– Слышал ли когда-нибудь полковник Мсцислав о великой московской княгине Софье? – наконец заговорил нунций. – Не отвечайте, не надо. К тому же звали её вовсе не Софьей, а Зоей Фомичной Палеологини. И была она племянницей последнего императора Византии Константина Девятого, погибшего от рук турок-османов при защите Константинополя. Зою после падения Византийской империи вместе с братьями вывезли в Рим, и она воспитывалась при дворе папы Сикста Четвертого.

Заметив вопросительный взгляд в глазах Мсцислава, папский нунций пояснил.

– Да, именно так. Папа Сикст Четвертый заказал выполнить в Ватикане чудо Сикстинской капеллы. Папа был большим покровителем искусств. Но сейчас речь не о нём. Ещё при папе Павле Втором была предложена идея усиления влияния католической церкви на Русь за счёт свадьбы Софии Палеолог и великого князя московитов Ивана Третьего. Неблагодарная греческая царевна обманула приютившую её римско-католическую церковь и в Московии вернулась к прежней православной греческой вере. В Россию она вывезла с собой многие латинские церковные ценности, и по нашим сведениям, сейчас кое-что из этих ценностей находится на русском севере, в монастыре Кирилла Белозерского. Мне доподлинно известно, что там хранится образ Богородицы, исполненный апостолом Лукой, древние греческие и латинские книги, картина «Виноград» греческого живописца Зевксиса, которую очень желает заполучить в Капитолий папа Павел Пятый.

Мсцислав Песецкий понял, какой рыцарский подвиг ему поручают совершить.

– Ватикан интересуют только книги, иконы и картина Зевксиса. Со всем остальным, что найдёте в монастыре, можете распоряжаться по своему усмотрению.

«По своему усмотрению...» – вспомнил слова нунция полковник Песецкий. Ещё бы подобраться к этим ценностям. Шестой раз он делает попытку взять приступом стены монастыря. Шестой раз его лихие кавалеристы натываются на каменный дроб – пушечную русскую картечь. Эх, были бы у него такие пушки...

* * *

В непроглядной ночной темноте лесной невидной тропой скакал сам по себе белый конь. «...И се конь бел, и на нём всадник, имеющий лук, и дан ему был венец, и изыде побеждай, и да победишь», – всю дорогу, как заклинание, шёпотом повторял чернец Акимка откровение от Иоанна. Он полностью доверился монастырскому коню Бояну: его понукать не надо – и без посторонней помощи найдёт дорогу к дому.

Невесёлые вести вёз монах, облачённый в чёрную рясу и скуфию на голове. Потому и незаметен был, потому и казалось, что во тьме конь совсем один скачет, без наездника. Только-только забрезжил рассвет, и Боян как раз ко времени принёс чернеца к родным дубовым монастырским воротинам.

– Открывай! – не слезая с коня, застучал кулаком Аким по мощным дверным тесинам.

Его узнали и сразу пропустили за ограду.

В храме шла утренняя литургия.

– Игумен? – тихо спросил Аким у молящегося рядом монаха. Ответом ему служил мягкий кивок головы.

Литургию вёл сам игумен Матфей, настоятель Кириллова монастыря. Аким отстоял литургию, напряжённо отсчитывая минуты до конца службы, а после причастия игумен позвал его к себе в келью.

В просторной игуменской келье светло и чисто, вдоль стен широкие лавки для братии, стены увешаны иконами, перед каждой – лампадка с горящей капелькой огонька. Пахнет воском и конопляным маслом. Посреди стол, покрытый парчовой скатертью, за ним игумен Матфей. Непростые годы управления монастырём наложили свой отпечаток на черты лица игумена. Старческий благоговейный облик игумена с густой, в пол-лица бородой с проседью, с ниспадающими двумя «водопадами» волосами сочетался с молодыми, умными, решительно смотрящими на мир, глубоко посаженными

глазами, с широким, почти без морщин, светлым лбом и прямым античным носом.

– Говори, что узнал, хорошие ли, худые вести принёс?

– Отче, спешно надо готовить монахов, стрельцов и пушкарей к обороне. Думал, уж не успеет сегодня, да Бог милостив, задержались где-то в пути окаянные.

– Сколько их? Ляхи? Казаки?

– И ляхи с литовцами, и казаки, и немцы. Много – тыща, а то и две, точно неведомо.

– Пушки есть?

– С пушками у них худо. Пушкарки, слава Богу, косорукие оказались, три пушки разорвало, только пара лёгких пехотных гаубиц и осталась. Зато ландскнехтов с мушкетонами страсть как много.

Игумен Матфей поднялся из-за стола, перебирая чётки, подошёл к слюдяному с железными переплётками оконцу. Лёгкий ветерок пересчитывал листву на берёзе. Возле трапезной два монаха рубили дрова. От складского амбара мужики на плечах тащили к хлебопекарне мешки с мукой. Посадские бабы, ищущие защиты за монастырскими стенами, склонившись над грядками, работали на огороде. Тишина и покой.

Почему-то вспомнился рассказ архиепископа вологодского Сильвестра: «Всё делалось хмелем: пропили город Вологду воеводы». Читал в двенадцатом году игумен Матфей грамоту Сильвестрову к вновь избранному царю о том, как разорители православной веры пришли на Вологду, город взяли, людей посекали, церкви Божьи поругали, города и посады выжгли.

Не получится такое с монастырём святого Кирилла. Зубы обломают. А до сокровищницы царевны Софьи, что в сундуках под землёй хранится, им и вовеки веков не добратся.

– Отче, – прервал его думы разведчик-монах, – что им надобно-то от нас? Уж погуляли вдоволь, пограбили, полихолетствовали. Что они отстать от нас никак не могут?

– Можно, брат Аким, и города, и посады дотла пожечь, но люди их вновь отстроят, – поучал игумен монаха. – Можно людей посесть, но народы новые народятся, а если веру выжечь, душа в людях иссякнет – во чужом хлеву баранье стадо случится. Много ли в монастыре драгоценностей? Может, каждому злодею роскошествовать до конца жизни хватит? Нет, не хватит. Нет в монастыре столько серебра, и злата, и камней дорогих. Да и не за тем они сюда шли. Другое богатство искали – всю Русь православную захватить. Потому и сжигали в первую очередь церковные православные книги: Требники, Триоди Цветные и Постные, молитвословы. Окатоличить Святую Русь, папе в ноги положить – вот их главная цель.

– Не зря в народе-то говорят: «Хан крымский и папа римский многие беды Руси принесли», – согласно закивал монах.

– А теперь иди, после трапезы вели собираться братии, будем совет держать, как монастырь защитить. У меня ещё дела есть. Иди, – чернец, смиренно склонив голову, удалился.

Первое, что сделал игумен, не откладывая на потом, записал в летописи сообщение от разведчика-монаха.

«...лета 1618 от Р. Х. польско-литовские разбойники, и немецкие ландскнехты, и воровские черкасы, в шестой раз стали лагерем у стен монастыря святого Кирилла. Неминуемо быть ещё одной кровавой сече...»

«Завтра, может, придётся всем умирать в битвах, но сегодня должно успеть засеять семя, чтобы оно дало всходы жизни», – подумал игумен, собираясь идти в храм исполнять требу.

* * *

Накануне венчания Андрей и Татьяна исповедовались и причастились. Венчание проходило в приделе храма. Игумен Матфей читал молитву: «...и оставит человек отца и мать свою, и прилепится к жене своей, и будут двое в единой плоти». Трижды игумен произнёс при обручении заветные слова: «Обручается раба Божия Татьяна – рабу Божьему Андрею» – и надел на безымянный палец обручальное кольцо. Трижды произнёс эти слова при венчании: «Венчается раба Божия Татьяна – рабу Божьему Андрею». Тяжёлые золотые венцы на головах молодых сверкали в лучах нисходящего дневного света. Игумен соединил руки молодожёнов, прикрыл их епитрахильей и трижды провёл вокруг аналая, повторяя «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь». Теперь они перед Богом и людьми муж и жена.

Следующий день должен был стать днём испытания на прочность силы воли и духа защитников монастыря Кирилла Белозерского.

Молодых не будили спозаранку, не тревожили их сладкий сон, но Андрей и без побудки проснулся в свой привычный час. Боясь пошевелиться, он молча любовался на спящую Татьяну. Вот наконец у неё дрогнули ресницы, раскрылись и снова закрылись глаза, она вздохнула глубоко и уже окончательно открылись омуты-очи. Она улыбнулась, и он улыбнулся ей в ответ.

– Утро доброе, моя жёнушка. Как спалось?

– Доброе утро, мой суженый. Спалось как заново рождённой.

– Не снились ли тебе снова твои видения? Может, ты видела исход предстоящей битвы?

– Нет, – виновато ответила Татьяна, – не видела ничего, ни одного сна, ни одного видения. Впервые за долгое время как уснула, так и проснулась.

– Ну и ладно, пусть так. Вот прогоним лихоимцев, сразу буду просить воеводу, чтобы он отпустил меня из ополчения. Увезу тебя на родину, в Вологду. Построим свой дом и будем жить не хуже других.

Андрей поцеловал Татьяну и под тревожный колокольный звон стал собираться к общему построению ратников, стрельцов и пушкарей.

* * *

Одним днём завершилась битва у монастырских стен. С рассветом в лагере польского войска протрубили зарю, в ответ со стороны монастыря-крепости, предвещающая начало кровавой сечи, послышался тревожный звон колоколов. Пушки, кашляя огнем, сотрясались чугунным грохотом. Шляхетская казачья конница разящими ударами врывается на позиции русских войск и порубав сабельками, быстро устремляется назад, спасаясь от выстрелов из пищалей стрельцов с «гуляй-поля». А тут и крылатые гвардейские польские гусары налетели, как вороны, на перезаряжающих орудия пушкарей, побили их и захватили пушки.

На помощь устремилась конница стреляющих «чёрных всадников» – рейтаров. Вместе со стрельцами они не позволили увести пушки в польский лагерь. Пороховой туман густо клубится над головами сражающихся. Пехота, вдохновлённая кавалерийскими контрударами, бросается с криками «Ура!» в атаку. Режет слух перезвон холодного оружия. Кажется, дрогнули негибаемые полки польско-литовских воинов, и в это время их командир, полковник Мсцислав Песецкий, предпринимает новую атаку летучих гусар.

Андрей не ожидал, что в прицеле его пищали окажется главный лях. Недолго думая, нажал он на спусковой курок. Выстрел смешался с общим гулом битвы: с пушечным громом, криками, топотом, сабельным лязгом, выстрелами из пищалей и мушкетов.

Выстрела он почти не расслышал, зато увидел: с коня как ветром смело пёстрого всадника. Командирский конь неуверенно проскакал ещё несколько метров, таща за собой запутавшееся в стремя тело. К коню примчалось несколько всадников. Они подняли с земли своего полководца и ускакали с ним в сторону лагеря. В это время, пока Андрей перезаряжал пицаль, к нему подлетел «бескрылый» крылатый гусар и полоснул саблей возле шеи. Стрелец развернулся и рухнул на землю в рыжую от крови траву...

Потеряв своего командира, армия рассыпалась на злобные огрызающиеся шайки, спасающие свои шкуры. Сражение закончилось победой. В шестой раз неприступные стены монастыря Кирилла Белозерского выдержали натиск ненавистных врагов.

Не слышно больше ни выстрелов, ни звона металла, только стоны раненых на бранном поле и бабий плач над телами убитых. Монахи собирают с земли, точно хворост, ещё годное к использованию оружие. Бабы, не разбирая, поляк ли перед ними лежит, литовец ли, казак или русский, свой или чужой, всем, кто подавал признаки жизни, оказывали помощь. Татьяна искала Андрея. Спешила. Издалека высматривала лица павших воинов: «Не он. И это не он». Переворачивала к свету головы уткнувшихся лицом в землю остывших тел. И вот наконец увидела, нашла: «Он! Андрюша!». Андрей лежал, как тогда, в первую их встречу. Тёмное от спёкшейся крови и грязи лицо его застыло, будто маска. Татьяна, словно орлица защищающая своего птенца, упала возле него, обхватила голову, прижалась к груди. Губы Андрея зашевелились, и он едва слышно произнёс:

– Ангел мой...

* * *

В год 1618 от Рождества Христова закончилась на Руси Великая Смута.

Михаил СОПИН

Ой, по полю...

Ой, по полю, по балкам, по спускам
Ходит память и плачет по-русски.
Ходит память землёю горящей,
Долю во поле ищет незряче.
Не тужи, не ходи круг за кругом,
Не зови убиенного друга –
Стало поле полынью-травой,
Стала девица чёрной вдовой.
Где ты, долюшка, где ты, какая?

Ходят дети, отцов окликают.
Ходит дождик по ярови синей,
По России, по всей по России.

Вологда, 2018 год

Аркадий ЗАХАРОВ

Американка

Рассказ

Сквозь сладкий утренний сон Арик услышал заводской гудок и нехотя откинул одеяло. Глаза еще спят, а руки уже ищут рубашку. Пора вставать, чтобы не опоздать в школу. Слышно, как к заводскому гудку присоединились отдаленная сапоговаляльная фабрика и едва слышная сетевязальная – звали своих на работу. Часы в рабочих жилищах редкость, и время определяют по заводским гудкам: первому – за полчаса, второму – без четверти, третьему – ровно в восемь утра. Опаздывать на работу не разрешалось под страхом наказания. Сквозь уходящие из окна сумерки Арик видел, как население первой Кузнечной улицы спешит на работу: на завод «Механик», на сапоговаляльную фабрику, сетевязалку и кирпичный завод. Кузнечных улицы сразу три: первая, вторая и третья. Живут на них потомственные металлисты и фабричные работницы, рабочая кость, с небольшой прослойкой из воришек, уже отбывших свои сроки и предвкушающих следующие и неизбежные. Кучковались они в конце улицы, примыкавшей к кладбищу и кирпичному заводу. Место это именовалось «сарай», а его неприятные обитатели – «сарайскими». Малочисленные сарайские задавали тон жизни всей улице и определяли блатную манеру поведения детворе. А детворы в послевоенных «сараях» на удивление оказалось много. Правда с отцами повезло не всем: у одних отцы с войны пришли калеками, у других – вообще не вернулись, третьим писали из лагерей о скором освобождении. Подростки сбивались в непослушные педагогам и родителям «кодлы» и «пиратничали» над малышами. Малыши учились хулиганить у старших и сопротивлялись, кто как мог, вплоть до применения рогаток и самодельных заточек из обломков ножовочных полотен. Нравы на улице и в школе царили суровые. Каждый поход в школу для Арика был как прыжок в омут: и хочется, и неизвестно чем кончится. Однако неизбежен и обязателен.

На завтрак вареная картошка и стакан молока. Картошка на столе каждый день разная: в мундире, очищенная или поджаренная на сковородке. Арик больше любит поджаренную, но она бывает, когда есть маргарин. Молоко приносит молочница из дальнего конца улицы, сумевшая сохранить корову. А с хлебом – хуже: вчера Арик выстоял за ним длинную очередь, устал в толкучке, но хлеба ему не хватило. Сегодня после уроков, не заходя домой, он пойдет в хлебный магазин. Пустым, уж конечно, не вернется.

Из черной бумажной тарелки репродуктора скрипучий голос сообщает, что в Корею продолжают зверствовать американские империалисты, бомбят мирные поселения нищих корейцев, убивают стариков, детей и женщин, жгут их дома и посеы. Но американским убийцам противостоят мужественные северокорейские войска при помощи многочисленных китайских добровольцев. За прошедшие сутки сбито четыре американских самолета.

«Так им и надо, – говорит мама. – Пускай не лезут. Только бы нас это не задело. Не успели мы от немцев отбиться, как американцы за пятки хватают. Бомбой атомной угрожают. И чего им нейдет – ума не приложу».

И как бы в ответ на ее слова из репродуктора доносится дружный хоровой призыв:

*Атомной бомбой народ не убить,
Ложью и золотом нас не купить,
Мы патриоты, и каждый из нас
Все за свободу Отчизны отдаст.
В защиту мира вставайте, люди!*

Арик тоже готов вместе со своим классом защищать мир от наглых американцев, как пионеры-герои защищали страну от фашистов. Для третьего «А» любой американец не лучше немца – тот и другой захватчики и агрессоры, убийцы и губители незащищенных. Из иллюстраций в журнале «Крокодил» Арик знает, что все американцы носят козлиную бородку, темные очки, черный цилиндр и полосатые штаны. И обязательно курят вонючие сигары. Из чего делают сигары, Арик не знает, но они не походят на самокрутки из газетной бумаги, в которые заворачивает махорку беспальный голубятник дядя Вася. Еще Арик знает, что в Америке все наоборот: когда в СССР день, у них ночь. Что у нас хорошо – у них плохо. В Америке линчуют негров, угнетают индейцев и применяют электрический стул. В СССР власть рабочих и крестьян, в США власть буржуев и капиталистов. А еще в Америке сняли кинофильм о Тарзане, делают автомашины «Студебеккер», прозванные у нас «Трумен», и свиную тушенку. Свиную тушенку Арик никогда не пробовал, но жестяную банку от нее видел: отец хранит в ней ржавые гвозди.

Корейцев Арик никогда в нашем городе не встречал. А вот китайца видел неоднократно. Известный под именем «Дядя Миша Ходя» старик сторожил сад имени Шверника, подметал в нем дорожки, а в свободное время склеивал цветные бумажные веера и продавал их у входа в сад за копейки. Безвредный и добрый старик. Если и все корейцы такие же, то совсем непонятно, за что их убивают американцы. А репродуктор словно подслушал Арика и выдал другую песню:

*Русский с китайцем братья навек,
Дети единых народов и рас,
Гордо шагает простой человек,
Плечи расправил простой человек,
Сталин и Мао слушают нас.*

Тетрадки Арик складывает в кирзовую полевую сумку. Полевая сумка – его гордость, у нее имеется длинный брезентовый ремешок, позволяющий носить ее через плечо или даже закидывать за спину. Это очень важно: руки остаются свободными для отпора недругам и других безобразий. Единственное, что мешает, то это необходимость носить с собой в тряпичном мешочке чернильницу-непроливайку. Чернильница хотя и называется непроливайкой, но чернила из нее все равно разбрызгиваются во время транспортировки, отчего и руки, и нос у Арика временами бывают синими.

На прощание мама сунула в карман Арику пареную морковку: «На большой перемене съешь. Только смотри, в «американку» не проиграй!»

Хорошее дело «американкой» не назовут. Суть игры состояла в следующем: сходятся два приятеля в присутствии третьего, разнимающего, и заключают пари «на американку». После того как приятели ударят по рукам, им предстоит быть всегда настороже при виде друг друга и постоянно помнить о содержимом своих карманов или рук. Чтобы не расстаться со своим имуществом, при виде партнера полагалось опередить его и заявить: «мои руки» или «мой карман». Но если «американец» зазевался и его противник первым объявил: «ваш карман!» или «ваши руки!», то забирал все

из карманов зеваки, будь то рогатка, пугач или пирожок – неважно. Исключались только учебные принадлежности. Потому и «американка, что американцы во всем мире себя так ведут. Обнаружат у соседа оттопыренный карман и сразу ему заявляют: «Ваш карман! Было ваше – стало наше».

Арик пообещал морковку не прошляпить и побежал вприпрыжку: скоро третий гудок, после которого на заводе закроется проходная, а в школе двери классов. Начнутся смены – и в школе, и на заводах первая.

Мама с грустью посмотрела вслед Арику и отметила, что за лето сынок подрос, скоро зима, а из ватной телогреечки он уже вырос. Надо бы ему зимнее пальтишко, а только из чего выкроить? Ткани нет, негде взять и купить не на что. Вдруг догадалась, что подойдет тонкое шерстяное покрывало, сохранившееся еще с довоенных лет, серое, в едва заметную клетку. Хотя и жаль, но не мерзнуть же сынишке. И так для себя решив, не раздумывая, взялась за ножницы.

Через недельку-другую Арик примеривал замечательное пальтишко. Шерстяное, навыrost, с крашеным кошачьим воротником. К такому прекрасному пальто еще бы подходящие пуговицы подобрать, но их как-то не находилось. С пуговицами для школьной одежды вообще существовала проблема. Хотелось красивые и прочные, чтобы в школьной раздевалке не срезали. Как сорочата, падкие на все блестящее, ребяташки охотились за форменными пуговицами, перекочевавшими на детские одежки с дембельских мундиров отцов, дядек и соседей. Особенно ценились флотские – с якорями. Их тайком срезали в первую очередь. На втором месте были летные – с крылышками и пропеллером. Дальше шли армейские – со звездами. Чуть ниже ценились пуговицы связистов – с серпом и молотом, еще ниже – белые железнодорожные, с молоточками. И совсем не ценились милицейские, с гербом Союза. Не любили в «сараях» милицию, и пуговицы милицейские к детским одежкам никогда не пришивали. А на пальто Арика пришивать пока было вовсе нечего – не находилось подходящих.

Неожиданно выручил бывший однополчанин и друг отца, навестивший его проездом с Дальнего Востока. Как он намекал из Китая, а может быть, и из Кореи. «Не грусти, – взъерошил он вихры на голове Арика. – Мы такие пуговицы пришьем, что никто не отрежет». И достал из чемодана картонку с двумя рядами коричневых металлических пуговиц.

«Это пуговицы американских солдат, – пояснил гость. – Видите, с обратной стороны железная ножка-грибок. Если проткнуть ткань пальто шилом, пропустить сквозь нее ножку, наложить на нее штатную шайбочку-дублер и стукнуть тяжелым – она защелкнется на ножке навсегда, никакими силами ее не разъединить. Можно вырвать только с мясом. И никаких ниток не надо. Носи всем на зависть».

Арик принялся рассматривать подарок. В центре пуговицы, как и полагается, пятиконечная звездочка, только черная. А вокруг, по ободку, краской не нашими буквами: USA * ARM. Да Арику наплевать, что там написано. Главное – крепкая и со звездой.

Когда выпал снег, Арику разрешили надеть пальто в школу. Деревянная и одноэтажная начальная школа находилась от дома поблизости. Половину школьного двора занимали поленницы дров. Отопление в школе было дровяное, с печью в каждом классе. При школе жил истопник, который разжигал их по ночам, чтобы к утру топки погасли, а классы прогрелись. В ожидании звонка на уроки школьники развлекались игрой в полено. В центр круга ставилось полено, ребяташки, образовав вокруг кольцо,

брались за руки и старались натолкнуть кого-нибудь на полено. Задевший полено выбывал из круга, толкотня продолжалась без него, до следующего неловкого, и так до тех пор, пока не останутся двое самых ловких. Но чемпиона «по полену» я не припомню: обычно раздавался звонок, прерывающий состязание.

Когда Арик зашел во двор, его обновку сразу заметили. Новые одежды в школе мелькали нечасто, в основном у детдомовцев. Навстречу из группы выбывших отделился четвероклассник по прозвищу Софа, нахальный хлопец с репутацией тайного курильщика «бычков». Пуговицы на пальто Арика ему явно понравились. Софа ухватил пальцами среднюю пуговицу, потянул ее и задал обычный для ситуации вопрос: «Говори – каша или щи?» Арик напрягся и ответил: «Каша». «Пуговка наша!» – ухмыльнулся Софа и потянул ее на себя. Пуговка не поддалась. Тогда Софа повторил попытку: «Каша или щи?» Арик догадался, что пуговка выдержит и смело ответил: «Щи!» «Пуговку тащи!» – обрадовался Софа и снова потянул что есть силы. Пуговка не поддалась. Софа попробовал ее крутануть. И если бы она держалась на нитках, как у всех, то оторвалась бы обязательно. Но американка только крутилась на своей ножке. Рядом собрались зеваки и похихатывали, подразывали Софу.

Софа догадался, что пуговка ему уже не достанется, да и репутация рухнет. И возмущился в бессилии что-то сделать: «Почему она так крепко держится?»

«А потому, что она американская!» – по простоте объяснил Арик.

«Ах американская! – ехидно взорвался Софа. Он догадался, как оправдать свое поражение. – И пуговицы у тебя американские, и пальто клетчатое, и сам ты американец клетчатый, хуже всякого немца, в советскую школу приперся!»

Договорить он не успел. От страшного прилюдного оскорбления в глазах у Арика потемнело, он кинулся на обидчика, свалил в сугроб и, к радости окружающих, оба покатались по двору под ноги директора школы Ивана Назаровича. Директор, не торопясь, расцепил драчунов, заставил их отряхнуться и передал старшей пионервожатой для разбирательства и наказания.

Преданная партии и комсомолу пионервожатая Тамара, разобравшись в причинах драки, пришла в тихий ужас: ее пионер осмелился открыто, с вызовом, носить на одежде чуждую иностранную символику, еще этим и похвалиться. Символику страны-агрессора, поджигателя атомной войны против всего мира. И пальто надел подозрительно клетчатое. У всех пальто однотонные, а у него вызывающе клетчатое, по разрушительной западной моде. Вряд ли это простое совпадение, а не идеологическая диверсия в советской школе. А значит, всем следует немедленно прореагировать, пока не дошло до горкома. И предварительно, во избежание персонального дела против руководства школы, исключить Арика и из пионеров, и из школы тоже. Заодно и с родителями разобраться. С этим Тамара и побежала к директору.

Мудрый Иван Назарович, немало повидавший на фронте и после, ее спокойно выслушал и приказал доставить в кабинет «американца» вместе с пальто. Вызов с урока к директору школы – для ученика событие чрезвычайное и ужасное, поэтому перепуганный Арик заторопился оправдываться прямо с порога: «Софа меня американцем обозвал. А они, как фашисты, на Корею напали. И бомбят, бомбят. Мой папа с фашистами сражался, тяжело ранен. А Софа меня фашистом обозвал...» «Фашистом обозвал? Это непорядок. Такого допускать не следует», – задумался директор.

Удалив из кабинета Тamarочку, Иван Назарович написал на тетрадном листке записку и велел Арику немедленно доставить ее матери, а на уроки сегодня не приходить.

Вечером отец напильником спилил со всех пуговиц иностранные буквы, оставив звездочки. Следов от идеологической диверсии не осталось.

Лишившись доказательств, Тamarочка утратила пыл и утихла. Арик до окончания начальной школы спокойно донашивал свое клетчатое пальто с вечными пуговицами, как и прилепившуюся к нему кличку «Американец», в ответ на которую каждый раз приходилось самозабвенно драться. Из-за этого репутация отчаянного драчуна стойко прилипла к нему до самого перевода из начальной в среднюю школу. Микроклимат в коллективе новой по простоте школы сложился другой, менее агрессивный. Репутация Арика сама собой изменилась. Забылась и позорная кличка «Американец». Времена наступили другие, не такие жестокие.

ПОЭЗИЯ

Геннадий БАЛАХНИН

Битва со зрём

«Ты зря!» – мне сказали, сказали не зря.
Сказали с подвохом, реакцию зря.
Тут зреть прямо в корень положено мне,
Для зря я – лежачий, а зря – на коне.

И зря на меня налетает стрелой.
Я зрю отбиваю своей головой.
И зря отступает, бессовестно зря,
Наверно, со зрёю я бился не зря.

Да, зрей ещё будет на нашем веку,
Чтоб вечно мешаться, на каждом шагу!
Дозреют, доспеют под каждым кустом.
Под зряшные песни пойдут напролом...

Но, если б у зрей было сердце внутри,
Они бы другие искали пути,
Они бы не лезли к нам в душу зазря...
И было бы зря абсолютно не зря.

Битва

Как Гитлер, без спроса, чужие «ха-ха»
Напали мои растрясти потроха,
«Ха-ха» издевались, как лошади, ржа,
«Ха-хам» неизвестно про слово «душа».
Навстречу им брошу в атаку в штыки
Овеянные славой родные «хи-хи».
Посмотрим, чьи будут трястись потроха!
Великая битва «хи-хи» и «ха-ха».

декабрь, 2012 г.

Мыло от унылости

Ждать до вечера уныло.
Вечер тьмою укрывает.
Вот бы взять такое мыло,
что унылость отмывает,
И отмыть унылый вечер
до блестящего веселья
И зажечь цветные свечи
радости на новоселье.

Заяц и власть

Был лев когда-то царь зверей, великий и ужасный,
И на зверьё своих речей не тратил понапрасну.

Но зря разор не позволял, любил в лесу порядок
И самолично устранял, всех кто к чужому падох.

И каждой твари в том лесу порядок сей касался...
И за своё житьё-бытьё никто не опасался.

А кто закон не уважал, жесток был, как зверюга,
И этим очень раздражал всех хищников в округе.

Волков судил за беспредел, медведей за нахальство,
Лисиц за массу хитрых дел, такое было царство.

И так прижал лихую спесь, что лисы все дрожали,
Медведь привык малину есть, а волки хвост поджали.

И был спокоен этот лес, и звонок от приплода,
И если лев кого-то съест – не прекращало рода.

Не сладко хищникам жилось, в злобе скрипели зубы.
Всё что хотелось – не могло, облизывались губы.

И вот сошлись потолковать, а так как все грешили,
Собрались льва переизбрать, на том и порешили.

И чтобы сделать всё быстрее, к губе приставив палец,
Решили, будет царь зверей не лев, а робкий заяц.

И звери радостно галдят, как одуревший птичник,
Теперь нас волки не съедят, коль царь у нас не хищник!

А заяц всё же не осёл, в таком серьёзном деле,
Лишь только б взапятки пошёл, его бы сразу съели.

А так спокойненько сиди, свою морковку кушай
И лишнего не говори, а что сказали, слушай.

Издай указ, закрыв глаза на все лесные толки.
Напишет текст тебе лиса, печать поставят волки.

Зверью подробно объясни, что всё для их же блага,
Необходимость поясни проделанного шага.

Что, мол, момент такой назрел, подкрался незаметно,
И новой власти передел продуманный конкретно.

Что волком прожитые дни полезны для прогресса,
И что не хищники они, а санитары леса.

И заяц наш во вкус вошёл от ласки и до гнева,
И беспредел такой пошёл направо и налево.

Он говорил и убеждал, внушал и умилялся,
Идеи новые рожал, над прошлым изгалялся.

Он очень много обещал проделать для народа,
Желал зверью великих благ и нового приплода.

Бобрам плотины возвести, кукушкам сделать гнёзда,
Оленям сена накопить и ярче сделать звёзды.

Всех научить и излечить, построить и утешить,
Обуть, одеть и накормить, а смысл – лапшу навешать.

Он поучал и наставлял, он клялся и божился,
Но почему-то исполнять совсем не торопился.

И этим звоном до небес в лесу, скажи на милость,
Он прикрывал свои глаза на всё, что в нём творилось.

Несли сороки на хвосте приказы по границам,
А от зверья летела шерсть, и пух летел от птицы...

Медведь топтал, что не доест, бузил и днём и ночью,
А волки грызли всех окрест и разрывали в клочья.

Лиса по хитрости своей своё не упускала,
И атмосфера в том лесу совсем плохая стала.

Не заливались соловьи, грустили даже ёлки,
Лишь песню страшную свою ночами пели волки.

И зашептал лесной народ, поджав хвосты и уши,
Что лев был всё-таки добрей и, кстати, мало кушал.

Когда в правительстве лесном все с волосатой лапой
И зубы алчностью блестят, всё норovia оттяпать,

В такой среде не проживёшь, не избежавши порки,
И оцетинившись, как ёж, сиди в глубокой норке.

И так ведётся в том лесу, и лапа лапу моет,
Медведя, волка и лису никто не успокоит.

Когда советчиков полно, и всяк из них преступник,
С кого они семь шкур дерут, тем заяц не заступник.

Конец света

Посвящается каналу РЕН-ТВ

Преподносит нам наука жуткие сенсации,
Что умрём мы не от скуки, а от радиации.
Слой озоновый разрушен, в мире потепление,
Солнце скоро всё иссушит, вплоть до населения.

Но... грядёт похолоданье, по другой теории.
Проводились испытанья в спецлаборатории.
Ось сместилась у планеты, будет наводнение,
И наступит конец света в это воскресенье.

Слух ещё один, ужасный, медицина бросила:
Наступает грипп колбасный, а вакцин не создано.
Ген вредительский в кишки занесётся курами,
Станут зомби мужики, ну а бабы – дурами.

Вскользь комета пролетит, но хвостом зацепится,
А ещё метеорит прямо в Землю влетится.
На тарелках прилетят марсиане с ушками,
Нас порежут, как котят, лазерными пушками.

У сектантов свой резон, вторят их священники,
Что грядёт Армагеддон прямо с понедельника.
За грехи накажет Бог – будет всех кастрировать,
А потом в обличье блох мы начнём мутировать.

Экстрасенсы «видят» всё, «знают» всё астрологи,
И копаются во всём наши археологи,
В Антарктиде, в глубине, что-то размножается,
И в Рейхстаге по весне Гитлер появляется.

Но скажу я вам, друзья, это всё – политика!
Отвлекают нас не зря от разумной критики,
Отвлекают от проблем, разум наш зомбируют,
И тихонько между тем что-то махинируют.

Телевизору не верь! Всё у нас получится!
Открывая в завтра дверь, не готовься мучиться.
В голове полно мозгов, чтобы делать выводы,
Чтоб из разных тупиков находились выходы.

Осень, 2013 – 5 мая, 2015 (?)

ПРОЗА

Ирина СТЕЦИВ

«Простите нас, пожалуйста...»

Быль

Две олени упряжки подкатили к управлению социальной защиты населения под конец рабочего дня. Коренные жители, молодая супружеская пара, буквально ввалились в фойе – оба были пьяны. Мужчина ещё стоял на ногах, а женщина, пройдя несколько шагов, повалилась у дверей как куль, загородив своим телом выход. В это время одна из служащих, отпросившись с работы пораньше, торопилась домой и чуть было не споткнулась о внезапно образовавшуюся преграду. Приподняв точёную ножку с ещё более тонкой шпилькой на сапоге, она уже собиралась перешагнуть через препятствие, однако услышала едва членораздельный возглас аборигена:

– А где у вас тут деньги дают?

Слово «деньги» подействовало на служащую как пароль:

– Касса в коридоре за углом. Поспешите, управление скоро закроется.

С этими словами она козочкой перескочила через пьяную женщину и исчезла в дверях. Ненец тоже не стал тратить времени даром и, шатаясь из стороны в сторону, отправился искать угол, за которым была касса. А его подруга, разомлев в тепле, словно ребёнок, уложила сложенные лодочкой ладони под голову и начала мирно посапывать. Привлечённая вознёй и разговорами в коридоре вахтёрша выглянула из дежурки и, увидев спящую коренную жительницу, решила навести порядок. Осторожно похлопав её по плечу, она настойчиво призвала:

– Женщина, вставайте! Здесь не место для сна.

Та отмахнулась от неё, как от мухи. Сторожиха беспомощно постояла над ней ещё минуту и тоже махнула рукой: «Бог с ней. Муж вернётся, разбудит и уведет». И с чувством исполненного долга вернулась в дежурку довязывать дочке свитер...

Коридорные часы показывали окончание рабочего дня, и сотрудники управления отдельными группами потянулись к выходу. Обнаружив преграду в виде спящей ненецкой красавицы, они столпились перед нею, не решаясь перешагнуть через распростёртого человека: неприлично всё-таки. Главный бухгалтер по служебной привычке первая проявила инициативу, протрубив командирским гласом:

– Женщина, вставайте! Дайте пройти!

Та открыла один глаз, сфокусировала его на бухгалтерше и коротко, но вполне внятно выругалась:

– Пошла ты...

Сослуживцы переглянулись, едва сдерживая смех, однако лицами стараясь выразить осуждение такого возмутительного поведения посетительницы. Главный бухгалтер, заметив явную фальшь в глазах коллег, негодующе сдвинула брови, перешагнула через тело и покинула здание, недовольно хлопнув дверью. Воодушевлённые примером, за ней последовали остальные...

...Вечно перегруженная работой штатный психолог и в этот раз уходила позднее основной массы служащих. Наткнувшись на преграду у входа, она оторопела. Заглянув в дежурку, девушка осторожно задала вахтёрше вопрос:

– Тётя Таня, это что там, у дверей?

– Не что, а кто, – энергично работая спицами, поправила психолога Татьяна Афанасьевна, – коренная жительница это. Из тундры за социальной помощью приехала. Видать, водочки выпила, да слегка перебрала. Погода-то какая! На таком морозе в дальней дороге без сугреву нельзя – мигом заоченеешь!

Девица удивлённо приподняла бровки: у русского человека на всё одно объяснение. Для аборигена тридцать градусов мороза – что бабушке семечки. Тысячу лет без водки по тундре кочевали, а тут вдруг замерзать стали. Покрутившись возле тела, она перешагнуть через него так и не решилась, но тут на её счастье из-за угла вынырнул уже слегка протрезвевший ненец с зажатой в кулаке жменью денежных купюр. Он сразу оценил ситуацию:

– Сецяс, сецяс!

Мужчина прихватил подругу за воротник и оттянул по скользкому линолеуму в угол фойе. Психолог, радуясь обрётённой свободе, выскочила на улицу. Тундровик попытался растормошить жену, но вскоре понял бесполезность своих усилий. Прислонившись спиной к стене, он сел на корточки и настроился на долгое ожидание. Из дежурки снова высунулась вахтёрша:

– Милоч, тебя как звать-то?

– Толик, – ответил тот, бросив на старуху короткий взгляд.

– Не просыпается?

Ненец молча мотнул головой.

– Долгонько тебе сидеть придётся...

Она заботливо вынесла стул и поставила возле мужчины:

– На вот, садись, не то ноги затекут.

– Не надо. Я так. Мне так хорошо.

Аборигены не имели привычки сидеть на стульях. Если б они от стойбища к стойбищу таскали за собой мебель, им бы и двадцати нарт не хватило для перевозки своего скарба.

– Было бы предложено, – совершенно не обидевшись, ответила Татьяна Афанасьевна и вернулась к своему занятию...

Поздно вечером в коридоре послышались шаги начальницы управления. За редким исключением она всегда уходила с работы часам к восьми, а то и девяти. Свет в фойе уже был погашен – это заботливая тётя Таня постаралась, чтобы её гостям было удобнее спать.

– До свидания, Татьяна Афанасьевна! – попрощалась чиновница с вахтёршей.

– Доброго вам вечера! – сторожиха последовала за руководителем, чтобы закрыть входную дверь на засов.

Дама уже почти что переступила порог учреждения и вдруг заметила силуэты спящих в углу людей. К усталой отрешённости её лица добавилось выражение озабоченности.

– А это кто тут у нас расположился?

– Да тундровики это. За соцзащитой приехали. Сильно выпивши были. Мужчина вроде протрезвел уже, а женщина – она ж слабее. Отоспятся, я их выведу и дверь закрою.

– Это не дело. Как же вы с ними одна останетесь?

– Да так и останусь. Тихие они, не буянят.

Но Толик, догадавшись, что перед ним начальник, стал трясти жену за плечо:

– Вставай! Вставай! Ехать пора!

Женщина пошевелилась. Открыла глаза. Потихоньку приподнялась и села на полу, широко раскинув в стороны ноги, как кукла. Обведя сонным взглядом помещение, она удивлённо спросила:

– Где я?

– Вы в управлении социальной защиты, – назидательно и строго ответила начальница, осуждающе качая головой. – Как же так, вам государство деньги на необходимые нужды даёт, а вы их вот так... пропиваете. Такая молодая, красивая, а на полу валяетесь. Как вам не стыдно...

Ненка беспрекословно выслушала эту речь, всё ниже и ниже опуская голову, словно ребёнок, которого ругают за очередную проказу. Когда чиновница закончила, она подняла на неё виноватый взгляд и, теребя рукав ягущки, тихо выдохнула:

– Простите нас, пожалуйста...

Совершенно обескураженная таким чистосердечным раскаянием, дама что-то проговорила в ответ, попрощалась и вышла на крыльцо. Её служебная машина ещё не подъехала. Олени у крыльца встрепенулись и поднялись на ноги. Среди многоэтажных зданий они выглядели маленькими и незащитными. Вокруг сверкал огнями и будоражил звуками большой северный город. «Неужели всего несколько лет назад на этом месте была первозданная тундра? И за сотни лет до прихода газовиков и строителей жили люди – без света, газа и отопления, даже без нормальной крыши над головой, – думала женщина, стоя в ожидании служебной машины на крыльце и ёжась от холода – мороз брал своё. – Для пришлых северян отключить свет – это значит встанут котельные, и город погибнет за несколько суток...»

Садясь в тёплую «Волгу», она ещё раз бросила взгляд на олени упряжки и представила, что если бы сейчас ей, как хозяевам этих оленей, предстояла долгая дорога по безлюдной тундре – ночью, в лютый мороз... Ведь не просто так Амундсен стал знаменитым на весь мир. А коренные жители делают это каждый день, даже не задумываясь, что они – герои. «Герои с душой ребёнка», – мысленно добавила она, вспомнив это виноватое и искреннее – «Простите нас...»

«Волга» рванула с места, недовольно фыркнув выхлопной трубой – олени нервно задёргали ноздрями. Им недолго осталось ждать хозяев. Вскоре на крыльцо выкатились Толик с почти протрезвевшей женой, в своих меховых одеждах похожие на два колобка. Заботливо кудахча, вслед за ними вышла и тётя Таня. Пока тундровики усаживались в нарты, она стояла на морозе, закутавшись в пуховый платок, словно мать, провожающая своих детей в дальнюю дорогу. Олени, почуяв запах чужого человека, потянулись к ней замшевыми мордами. И Татьяна Афанасьевна поймала себя на мысли, что глаза этих преданных неприхотливых животных сейчас чем-то похожи на глаза их хозяев – такие же недоверчивые, но по-детски наивные. Супруги умостились на нартах, мужчина гикнул на своём языке, и упряжки одна за другой почти невесомо понеслись по укатанной автомобилями дороге. Вскоре их силуэты, словно призраки, растаяли в морозном мареве зимнего вечера...

Олени и их хозяева спешили на волю, туда, где заканчивается шумный город и армады горящих окон не заслоняют звёздное небо. Там свободно и величаво простиралась бесконечная, как космос, тундра. Это летом она зияла тысячами ран, нанесённых воинствующей цивилизацией. А с наступлением зимы природа, словно заботливый врач, забинтовывала её

ватой и стерильно чистым снегом. И её просторы снова становилась ровными и белыми, словно листы бумаги, небрежно разбросанные Творцом.

Жители тундры надеялись на то, что ещё много-много полярных дней и ночей запряжённые оленями лёгкие нарты будут чертить на этих листах свои параллельные тонкие линии, по которым их дети, внуки и правнуки продолжат писать нескончаемую летопись великого Ямала...

Три «богатыря»

Быль

В студенческие годы я летом часто подрабатывал проводником. Много поездил по стране – и в Казахстане был, и во Владивостоке, и в Белоруссии. Молодой неопытный парень, в этих поездках я впервые столкнулся с настоящей жизнью. Сколько историй со мной приключилось – не счесть, одну из них и хочу вам рассказать.

Выезжали мы в тот день по маршруту Тюмень – Москва, и перед отпавлением поезда я побежал на вокзал искать у железнодорожных касс «зайца». Деньги для студента никогда не бывают лишними, с билетами тогда было сложно, а с контролем попроще, так что мы нередко таким образом подрабатывали. Проводников в горячую пору отпусков не хватало, поэтому я один пахал за двоих круглосуточно. Однажды даже целую свадьбу в вагон посадил вместе с женихом и невестой, музыкантами, гармошками, все пели, плясали, им всего-то станции три нужно было проехать. И зачем народ тогда всей толпой куда-то рванул, я не знаю. Но такую ораву упредить не получилось, попало мне от начальника поезда. А что касается одного-двух левых пассажиров, их без проблем можно было незаметно провезти, вот я и торопился найти желающих.

Несусь по вокзальному переходу и вижу: двое мужиков какого-то парня в угол зажали и явно что-то вымогают. Я в молодости об осторожности не задумывался, да и с ножами, пистолетами в советское время так свободно, как сейчас, не разгуливали. Направился к этой троице и с ходу к тому, кого обижали: «Куда путь держишь, земляк?» Тот обрадовался неожиданной подмоге: «Да вот, товарищ проводник...» – и билет мне показывает. Гляжу, а билет на мой поезд: «Пошли, – говорю, – у тебя место в моём вагоне».

Нападавшие несколько опешили, от растерянности сначала отступили, но потом за нами следом двинулись, до самого поезда проводили. Зашли мы в вагон, а парень говорит:

– Знаешь, кого ты выручил? Я Мулявин.

– Какой ты Мулявин? – смеюсь я. – Кто руководителя «Песняров» не знает?

– Я брат его! При мне денег много. Наши сейчас на гастролях в Тюмени, а меня отправили выручку домой отвезти. Эти или узнали, или почуяли и подловили меня, ограбить хотели. Так что гуляем! Я тебя за спасение отблагодарю...

Как только поезд тронулся, он мне деньги всучил и в ресторан командировал:

– Давай, брат, винца, винца, винца!

И руки с удовольствием потирает.

– Какого? – спрашиваю. – Красного?

– Я компот не пью! Белого неси, водочки родимой!

– Сколько?

– На все бери!...

В те времена водку часто белым вином или беленькой называли. Взял я три бутылки, зашли мы в мою бендэжку проводниковскую, выпили, закусили, и я Мулявина оставил «винцо» допивать, а сам работать пошел.

На следующей станции подходит к вагону мужик, здоровенный такой, с рюкзаком:

– Я, – говорит, – нефтяник, с промысла домой еду. На пятьдесят рублей, возьми меня в свой вагон.

Я в ответ:

– Нет мест, друг!

А он своей медвежьей лапой меня отодвинул:

– Ну тогда я так доеду!

И завалился в тамбур. Я подумал: всё равно мне с ним не справиться, точно «так доедет». Содрал с него пятидесятку – тогда это деньги немалые были – и посадил в купе вместе с Мулявиным. Нефтяник, увидев на столе «беленькую», сразу из своей торбы достал нож огромный, похожий на саблю, ловко нарезал колбасу, еще там что-то – и они «загудели»...

В середине ночи в вагон садится десантник, огромный, как шкаф, форма вся в аксельбантах, и приказным тоном заявляет:

– Обеспечь мне нижнюю полку!

– Где я тебе нижнюю полку найду, если у тебя билет на верхнюю?

– Пошли, выйдем в тамбур, поговорим, как мужики. Только ты меня по пояснице не бей. Я с парашютом прыгал, позвоночник себе повредил.

– Слушай, – говорю, – если ты много возникать будешь, я по твоей пояснице так вдарю, что вообще загнёшься!

Десантник как-то сник сразу:

– Что мне делать? Я на верхнюю полку не залезу, мне нагибаться нельзя.

Смотрю, на нижней полке бабка не спит. Я к бабке:

– Может, уступите больному человеку место...

Бабка глянула на «больного» и как заверещит:

– Да у него морда, как у быка, а ты старую женщину на верхнюю полку загоняешь!..

И пошло-поехало, я пожалел, что тронул старуху. Пришлось обратиться к Мулявину с нефтяником: «Мужики, помогите больного десантника наверх положить».

Мы его друженько втроём подняли и, как чемодан, на полку задвинули. Мулявин с нефтяником пошли дальше «винцо» пить, а я отправился к себе в купе. Думаю, вздремну хоть до следующей станции. Через час-другой слышу звуки странные: бац! А-а-а! бац! А-а-а! Вышел, гляжу: десантник пытается встать и о верхнюю багажную полку головой ударяется, а потом со стоном на подушку падает. В туалет, бедолага, захотел, а сойти не может. Я опять к Мулявину с нефтяником: «Помогите десантника с полки снять». А они уже хорошо «нагрузились». Взяли мы десантника, на себя потянули... Эх, и здоровый же был «конь»! Не удержали – и грохнулся он всей массой на пол. Смотрим: отключился. Нефтяник его по щекам похлопал: «Эй, мужик, живой?» Тот глаза открыл, а Мулявин ему: «Винца хочешь?» Десантник сразу головой закивал. Подняли они его и под руки повели к себе. Мулявин мне снова деньги сунул: «Давай, парень, винца, винца, винца!» Видимо, поговорка у него такая была.

Притащил я им из ресторана выпивку, а сам пошёл спать. Под утро опять слышу непонятный шум: «Дзынь! Шмяк! Дзынь! Шмяк!»

Выскакиваю, а мои «алкаши» чокаются, залпом выпивают и стаканы за окно выкидывают. Говорят: «Мы из одних стаканов два раза не пьём! Не волнуйся, за все стаканы заплатим!» Конечно заплатят, оба едут – денег полные карманы!

Тут бабка проснулась, снова орать начала: «Это что такое, вы людям поспать сегодня дадите!? Не вагон, а вертеп!..» Я бабку еле успокоил, а у самого мысль в голове крутится: сколько же они за ночь выпили?

Но спать хотелось ужас как, не до мыслей было. Только задремал, девчонки-проводницы ко мне стучатся. Оказывается, они с «лицами кавказской национальности» всю ночь в ресторане гуляли, а «расплачиваться» неохота. Я их в купе своём закрыл, а сам стал незадачливых «донжуанов» ждать. Те привалили, злые, как черти: «Где Лена?» Я дураком прикинулся: «Какая Лена?», а сам поближе к тамбуру продвигаюсь, там у меня топор стоит, я им уголь для печки рублю.

А настойчивые ухажеры вдруг из-за пояса ножи достают и начинают передо мной размахивать. Я давай орать: «Мужики, спасайте!» Нефтяник, Мулявин и десантник, как трёхглавый Змей Горыныч, физиономии из купе высунули, хоть и пьяные были, а сразу всё сообразили. Нефтяник одному руки заломил, десантник – другому, и потащили кавказцев в тамбур. «Открывай дверь!» – мне командуют. Я на улицу дверь открыл, а нефтяник одного из сыновей юга спиной наружу на край поставил и говорит:

– Хочешь посмотреть, как колёса крутятся?

Тот головой мотает.

– Вопросы есть?

– Всё, мужики, нормально, вопросов нет.

Потом второго горе-любownika таким же макаром. А тот с гонором оказался: «Да пока вы свою водку жрёте, мы всех ваших баб...» Мулявин хрясь ему между глаз! Хорошо хоть не самый крупный из компании, да и нефтяник наглеца крепко за шиворот держал, не то бы тот вылетел наружу. Закинули они кавказца в тамбур и давай молотить. Я заорал: «Да вы что, смертоубийство тут устроить хотите! Трое на одного!» То ли водка из них в пылу драки слегка выветрилась, то ли слова мои возымели действие – мужики отступились: «Да кому он нужен!» Нефтяник протянул мне смятую купюру: «Давай, брат, водки. На все!»

Снова я пошёл за водкой. Пусть лучше пьют, чем дерутся.

И опять они загудели... Днем отоспались, а потом снова за своё. Утром я гору бутылок после них вынес! И это за полтора суток. Эх, думаю, и сколько же таких мужиков «беленькая» до белой горячки довела! Так и вышли они в Москве – все вместе, в обнимку, с песней. Я глядел им вслед на крепкие, широкие спины и вдруг вспомнил почему-то картину «Три богатыря». Простодушный молодой десантник – это Алёша Попович, хитроватый и бесшабашный Мулявин – Добрыня Никитич, а повидавший виды и уверенный в себе нефтяник – конечно, Илья Муромец. Только называть картину, которую я наблюдал в этот миг, мне хотелось так: «Винца, винца, винца!»

Никита АНАГУРИЧИ

Рассказы

Какой «удачный» день

Стоял конец августа. В наших краях это золотое время. Комаров уже нет, лишь мошкара да гнус могут покусать в безветренную погоду.

С самого утра начались мелкие неурядицы. Пошёл к умывальнику помыться, задел случайно помойное ведро, все отходы на пол пролил. Жена ворчит... Наспех помылся, сел пить чай. Сахара нет: жена на варенье весь извела. Нашёл в холодильнике кусок засохшего сыра, полпалки колбасы. Ну хоть щепотку бы сахара найти! Нету. Все конфеты молодое поколение съело. У меня их трое.

Вышел на крыльцо покурить, запнулся за порог, и сигареты из пачки высыпались в лужу. Пришлось идти за новой. Сижу, дымлю. Смотрю, сосед с рыбалки приехал. Два мешка рыбы привёз. Пошёл к нему поговорить, где он столько поймал. В это время рыба обычно кормится в ямах, отсиживается, нагуливает жир. Взял два муксуна на «айбат» и пошел к дому.

А навстречу два брата идут, уже под хмельком, Ваня и Саша.

– Видал, – говорят, – как твой сосед рыбу хорошо поймал. Поехали вместе, мы знаем, куда он ездил.

Я согласился.

Сашка говорит:

– На дорожку надо взять чего-нибудь. Дай муксунов, я их командированным загоню.

Договорились, что я возьму сети и пойду на берег к лодке. Собрались быстро. Из сарайки вытащил плавные и ставные сети. В приподнятом настроении пошли на берег. Грязь смачно чавкала под ногами после вчерашнего дождя. «Хлюп-хлюп», – грязная жижа, как «детская неожиданность», брызнула в сапог. Портянки, конечно, промокли, но возвращаться – плохая примета.

Ну вот мы и на берегу. Ёлки-палки, наша мотобударка, навалясь на просмолённый борт, осталась на суше. Ночью был отлив, вода сильно ушла. Вот и пришлось мобилизовать все силы на выталкивание лодки.

Заправили полный бак бензином, в канистре ещё осталось литров пять про запас. Завели мотор и поехали на остров Мактаска, что в 30 километрах от нашего посёлка. По разговорам братьев, вчера рыбаки оттуда приехали тоже с хорошим уловом. Местами речка уже обмелела, особенно на выходе, бударка то и дело задевала перекаты. Сашка встал на нос лодки и «тычкой» мерил глубину. Так потихоньку вышли в «жерло», то есть глубокое место в Обской губе.

Почувяв глубину, лодка, мягко покачиваясь на волнах, ходко шла в нужном направлении. Часа через два мы были на месте. Решили сначала поставить ставные сети, а потом плавные и порыбачить. Нашли место, дно илистое – рыба хорошо должна идти.

Давай, Ванька, сети! – кричу с кормы.

– А где они? Я их не клал в лодку.

Всё перевернули: нет сетей, только в углу в носовом трюме лежала 45-миллиметровая сеть (метров пятнадцать), намедни снятая с речки. Забыли, как оказалось, мы свои сети на берегу, когда выталкивали лодку.

Делать нечего, раз уж приехали, давай эту сетку ставить. Поставили, приняли «на грудь» по стопке и решили пока сходить смородины

пособирать, на острове этой ягоды завалились. Заехали в речушку, нашли подходящее место, раздвинули кусты, а там висят гроздьями крупные ярко-красные ягоды.

Собирали кто во что мог. Ведь на рыбалку ехали, а не по ягоды. Я удалялся всё глубже в кусты. Случайно поднял голову. На толстой ветке ивняка висело что-то грушеподобное. Щеку больно обожгло. Дико заорал. И тут до меня дошло, что это осиное гнездо! Я пулей выскочил из кустов и побежал к лодке. Братья тоже припустились за мной, матерясь и крича, отбиваясь от диких ос.

Выпили ещё по стопке и отправились в другое место. Однако на этом наши злоключения не закончились. Место нашли ягодное, собрали, наконец, на целый бак. «Энцефалитка», в которую я собирал, стала промокать от ягодного сока. До отвала наевшись, поехали проверять сети. А там нас встретили недовольным криком два халея. Поплавки весело дергались, рыба всё-таки есть. Ваня за вёслами, Сашка «тычкой» помогает, я проверяю. Три щёкура сразу попали с краю сети, у одного не было глаза, у другого – выклевано брюхо и тоже не было глаз. Дальше попало два муксуна, оба склеваны прожорливыми халеями. Уже с глубины вытянули щуку килограмма на полтора. Ох и накрутила она нашу сеточку! Часть намотала на свою небезопасную пасть. Выпутываю щуку, и тут она как цапнет меня за палец. Сашка расхохотался:

– Загадай желание, Емеля!

Куском относительно чистой ветоши перебинтовал палец.

Решили чай не пить, а поесть сырую рыбу и двигать домой. Погода начала портиться, наплывали тяжёлые тучи. Стали заводить мотор – не заводится и всё тут.

– Поддай свечной ключ из сумки, – говорю Ваньке.

Он подкинул мне ключ, но у меня не получилось поймать, и тот упал за борт. Тут уж не на шутку разругались. Пришлось воспользоваться «русским ключом» – с помощью железной отвертки и молотка. С горем пополам отвернули свечу. Нагару на ней было очень много, зазор практически пропал. Вычистили и поставили снова, мотор заревел, выкидывая клубы чёрного дыма, и мы, довольные, выехали домой.

Почти час ехали без происшествий. Скоро совсем стемнело. Вдруг лодка задёргалась и встала как вкопанная. От толчка нас бросило на нос. Всё, сели на мель!

– Сиди, – говорю, – Сашка, в лодке, а мы с Ванькой глубокое место поищем.

Взяв «тычки», пошли искать глубину. Вода была ниже колена. Оглянулись – лодки не видать.

– Сашка-а-а-а! – кричим.

Вдруг слышим: «шлёп-шлёп». Сашка пришёл.

– Где лодка?

– Там осталась, – показывает в обратную сторону.

– Ну и баран же ты. Тебе же сказали – сиди в лодке и жди нас.

– А я думал, меня зовёте, вот и пришёл.

Долго мы кружили по воде, переключаясь друг с другом, при этом матеря Сашку.

Вдали на горизонте засиял огнями посёлок. Устав ходить, встали в круг, поддерживая друг друга. Так на корточках и просидели до рассвета. Когда просветлело, силуэт лодки проявился метрах в двадцати от нас. Злые на Сашку, замёрзшие и голодные, забрались в лодку. Сделав приличный круг, мы въехали в «жерло» и под стрекот мотора отправились домой.

Схватка

Когда-то в местечке Хэваяха, недалеко от нынешнего посёлка Лонгъюган, стоял чум охотников-белковщиков. Лес там большой, местами непролазный. А ходить за белкой надо было, добывая государству ценный мех.

Обитали в том чуме бригадир Ньюяко Салиндер, глуховатый с малолетства. Стрелок был отменный, на спор попадал с двадцати пяти шагов в нитку, на которую подвешивали охотничий нож. Вторым был Иван Салиндер, с год как отслуживший в армии. Бригадир говорил о нём наващавшим чум товарищам:

– Молодой, горячий и опыта маловато, но ничего, через год-другой лучше меня будет белку бить.

Охотничьему ремеслу он натаскивал Ивана с утра до позднего вечера, рисуя на снегу план местности, где и как лучше пройти к угольям, как в абсолютной темноте не заплутать в незнакомой местности и выйти на чум.

...То февральское утро ничем не отличалось от остальных. Мела лёгкая поземка, морозец градусов под двадцать заставлял двигаться живее. Как только начало рассветать, напившись чаю, охотники разошлись по лесу, выбрав каждый участок, где белок должно быть много. Перед этим проверили амуницию, попрыгали, проверяя, чтобы ничего не бренчало.

Лыжи катились по снегу с едва слышным шорохом «вжих-вжих-вжих». Подарок отца, который был большим мастером по дереву и железу. Нарты, лыжи, сундуки, инструменты – всё умел делать отец Пента Салиндер. Провожая сына на промысел, сказал:

– Немного тяжеловатые лыжи, зато прочные.

Камусом, то есть оленьими лапками, обивал лыжи уже сам Иван: к зверю надо подкрадываться тихо, даже дышать через раз. Лишний шум в лесу ни к чему. В лесу тихо, не считая щебета мелких пташек, оставшихся зимовать. А вот и первый зверёк из-за ствола густой ели с любопытством разглядывает незваного гостя. Вот он двинулся к верхушке дерева, притаился, готовый в любой момент перепрыгнуть на другое дерево. Сухой щелчок выстрела. Белка вытянулась и как бы нехотя, ломая мелкие ветки, упала в глубокий снег. Ловко поддев зверька деревянной палочкой, Иван вытащил его из снега и уложил в рюкзак. Удача не ушла, ещё шесть или семь добытых белок отправились в рюкзак.

На свежем снегу под деревом валялась шелуха от шишек. Ага, завтрак белочка! Цепочка следов от дерева к дереву вывела на берег речушки. И тут обнаружили свежие следы лосей. На другом берегу, на взгорке, расположилось стадо. Стал считать: один, три, девять крупных животных. Как подойти? Прямоком не выйдет, до лосей метров двести и нет даже мелких кустиков, чтобы скрытно добраться. Справа, в редколесье, зверь тоже быстро заметит человека, скроется в густом лесу. Значит, надо взять левее, изгибом реки, где и лес вроде погуще. Правда, крюк выйдет километра в полтора-два.

Вышел к стаду. Лоси лежали посреди кустов краснотала. Двое стояли поодаль. Лишь пар от их дыхания виден да концы ушей, ловившие каждый шорох. Иван приблизился к животным метров на пятьдесят. Лучше бить наверняка, тем более малокалиберная винтовка слабовата для крупного зверя. Выбрав цель, Иван плавно нажал на спусковой крючок. Негромкий выстрел прозвучал словно пушечный, раздался знакомый треск при попадании в цель. Лоси всполошились, сбились в кучу, лова шорохи и запахи леса. Стадо стало медленно уходить в чащу. Раненый лось

отставал, кровь тонкой струйкой сочилась из грудины. Сохатый крутил головой, бил копытом снег. Последовало ещё несколько выстрелов, а он всё стоял, видно было, как по высунувшемуся языку на снег стекала кровь. «Попал в лёгкое, – заключил Иван, – стало быть, далеко не уйдёт, упадёт. А патроны – дерьмо, сырые, потому что хранились в неоттапливаемом помещении, выдали их как раз в предновогоднюю отоварку. Мелкого зверя они ещё возьмут. Да кому сейчас жаловаться...»

Однако надо идти в чум, попить чаю да позвать на подмогу бригадира. И малицу не мешает поменять, вон капюшон мокрый от быстрого бега. Иван неторопливо шёл. Ему повезло, что лыжи вдруг провалились в глубоком снегу, и он наклонился всем корпусом в сторону. Удар просвистел мимо левого плеча, вдребезги разломав деревянную лопаточку.

Раненый лось догнал обидчика, проваливаясь в глубоком снегу. Он подмял под себя охотника грудью, пытался растоптать его окровавленными ногами, бил сверху массивной головой и смотрел жёлтыми от злобной ненависти глазами. Ивана спас глубокий снег. Улучив момент, он ловко схватил зверя за загривок и, перевернувшись в воздухе, оказался на хребте могучего животного. В ярости лось пытался сбросить с себя седока и растоптать его.

Сказался армейский навык: потерял оружие – ты труп. Иван не помнил, как ухитрился зарядить винтовку, крепко держась за загривок зверя. Дождавшись, когда лось на мгновение утих, охотник выстрелил наискосок, чуть ниже лопатки. Ещё не веря в гибель, лось сделал слабое движение, но силы уже покинули его. Сгустки крови клочьями шли изо рта, голова безвольно валилась в снег... Иван до крови прикусил губу, только сейчас руки стали дрожать, а во время схватки мандража не было, одна мысль свербила мозг – надо увернуться, выжить, победить.

В чуме напился чаю и отведал беличьего супчика. Сбригадиром отправились свежевать лося. И увидели, что лишь одна пуля пробила лёгкое, остальные, одолев толстую шкуру, застряли в мясе, не пробив брюшину. Лишь последняя пуля угодила в сердце. Слабоваты оказались порченые патроны...

ПОЭЗИЯ

Сергей ГУДКОВ

* * *

Вот поднялись на крыльях в небо птицы,
Как в высоте прекрасен их полёт!
На юг летят, и лишь одна синица
Морозы за окном переживёт.
«У каждого из нас своя дорога», –
В ненастный день подумает она, –
И тёплых стран на свете очень много,
А Родина была и есть одна...
Я сделаю кормушку из картона
И поделюсь провизией своей,
Когда живёт синица возле дома,
Нам на душе намного веселей.

* * *

Стая клином пролетела, Покидая отчий край... В колыбельной мама пела: «Птицу зря не убивай...» Только я не слушал песни. Не пошёл мне впрок урок,	Браконьерски и без чести Нажимая на курок, Выбивал я птиц из клина Не задумавшись, греша, Что в полёте лебедином Может жить моя душа...
--	--

* * *

Белая ромашка – полевой цветок,
Потеряла в чистом поле лепесток,
Стебелёк согнула – не поднять,
Находить сложнее, чем терять.

Долгими ночами, грустно поутру
Стебелёк качается на ветру,
Чтобы не печалиться от тоски,
Сохранить пытается лепестки.

А у жизни праведной длинный путь,
Только дней потерянных не вернуть,
Не вернуть прошедшего, не поднять,
Находить сложнее, чем терять.

Белую ромашку в поле я сорву,
Упаду в душистую летнюю траву,
Лепестки ромашки оборвал
И узнал, что многое потерял!

* * *

В груди досады эхо,
Шумит большой вокзал,
Я снова не уехал,
Я снова опоздал!..
А мне дорога снилась
И на моих глазах
Невольно появилась
Горючая слеза.

Что ждёт, смеясь и плача,
Нас в разных городах?!
Кому-то льстит удача,
Кому-то мстит беда.
А мы, купив билеты,
Пытаемся опять
Уехать на край света –
Мечту свою искать.

Как душу раздирают
Мне свистом поезда,
Все пассажиры знают:
Кому – зачем – куда.
А я на перепутье
Средь тысячи дорог,
Как непутёвый путник,
Свою найти не мог.

Надеемся и верим,
Что это стук колёс
Надежды и потери
Куда-то вдаль унес.
И я, как пёс по следу,
Среди путей бреду,
Пусть далеко уеду,
Но сам себя найду!

Собачья жизнь

Я пёс, выдавший в жизни много,
И на ступенечках карьеры
Мне не мешал ошейник строгий,
И ел с руки, и брал барьеры!
Вчерашний день ушёл с закатом,
С режимом прошлым мир простился.
На стендах новые плакаты,
И мой хозяин изменился.
Он, как и я, был очень нужен,
На грудь цепляли нам медали,
И кость хорошую на ужин
За службу верную давали.
Но изменилось всё, однако,
А что случилось, сам не знаю,
Куда бежать теперь собакам,
К кому примкнуть, к которой стае...
И перед кем в минуту страсти
Вилять хвостом, а как иначе?
Какой бы ни служил ты власти,
Собачья жизнь и есть собачья!

ПРОЗА

Людмила ЕФРЕМОВА

«...С наивной подписью – на память...»

Рассказ-быль

История эта ещё не обросла легендами, она свежа, тепла, она вертится на языке и давно просится на компьютерный лист...

А дело было так. Елена Ивановна, вахтёрша Дома культуры приполярного города, засобиравшись на вольные пенсионные хлеба и по этому поводу накрыла небольшую поляну, к которой были допущены близкие сердцу работники культурного заведения. Провожание получилось в несколько этапов. Сначала – главный ректорат или, как его ещё называли, «расстрельная тройка»: директор, зам и завхоз. Затем техническая часть – номерки, постовые и мойдодыры с метлами, в смысле гардеробщицы, контролёры с вахтенными и технички с дворниками. А вот на третий приём Елена Ивановна пригласила тонкую материю в образе чудаковатой поэтессы местного разлива... Милана Григорьевна умудрилась собрать вокруг себя таких же гениальных рифмоплётов, от избытка чувств кропающих вирши и претендующих на публикацию в местной газете.

Вообще Елена Ивановна не отличалась мягким характером, общались с ней сдержанно, в основном по работе. Принципиальная и ядовитая на язычок, имела одну слабость: заядлая книголюб, она не мыслила себя без книги, а посему в свободные от работы минуты направляла стопы в литературный кабинет, который по художественной наполняемости мог поспорить и с малогабаритными библиотеками. Вахтиресса и поэтесса дружили умеренно, без фанатизма и домашних посиделок. Что вполне устраивало обе стороны. Одним словом, вечером Милана заглянула в «банкетную».

Раскрасневшаяся от принятых до этого на пенсионную, но вполне ещё аппетитную грудь двух бокалов шампанского, хозяйка застолья суетливо подвинула стул, усадила гостью к щедрому чайному столику и, чиркнув фужером о фужер, страстно зашептала:

– Вы знаете, Миланочка, мы ведь тут, когда в ночь дежури́м, иногда отпускаем друг друга отдохнуть на пару часиков. Я-то боевой пост никогда не покидаю, а вот молодые девчонки только и смотрят, где прикорнуть. Ваш кабинет как нельзя лучше подходит: и первый этаж, и диванчик есть. Так вот с прошлого мая как бабка отшептала. К вам больше ни ногой. Чудно! В боковом коридоре стулья сгрудят и спят клубками, как собачата. Я к ним и так и эдак, чего, мол, случилось-то? А они бурчат что-то под нос да пугливо глаза отводят. Ну я прям осерчала. А тут опять одну поймала за опоздание да и зажала в угол, мол, рассказывай, как на духу, а то «тройке» сдам, загрызут... Верка-то вся обмякла, заголосила: «Еленочка Ивановна, не сдавайте, пожалуйста», а слёзки так и прыгают из глазёнок. «Мы с весны боимся теперь к Милане Григорьевне ходить. Только приляжешь подремать, а он тут как тут! Ко-от! Огромный, лохматый, прыгает по комнате, шуршит, по полу что-то катает. Свет включишь – никого. Я сначала думала, это у меня галлюцинации от сладкого, меня мама с детства пугает: «Смотри,

доча, мозги склеятся и ку-ку...». Так сменщицы мои, Лёлька с Машкой, не сразу, но тоже признались: фантом кота в кабинете живёт».

Елена Ивановна вздохнула: «Вы знаете, Милана, я человек не суеверный, а тут и меня заставили усомниться в существовании привидений».

На что та как-то странно и нервозно хихикнула:

– Ну да, вполне возможно, что душа моего покойного кота Тишки живёт среди книг в кабинете. И некоторым образом даже материализовалась на пятую годину. За 20 с половиной его кошачьих лет мы так с ним близки стали... – Милана всхлипнула и театрально промокнула глаза кружевным платочком. – Даже ближе, чем с родным мужем. Тиша ведь за мной по пятам ходил. Я за гладильной доской – он тут же на диване свернётся и за мной присматривает. Я стираю – он всё норовит в корзине с бельём примоститься, я готовлю – трётся об ноги. А как душевно мурлыкал. Помните, у нас Вероничка работала? Так она как-то попросила котика для своей молодой кошечки. У меня ведь Тиша настоящим мужиком прожил, ни-ни, даже в мыслях не было оскотить его. А через три дня вернула со словами: «Ах Миланочка, он у вас слишком интеллигентный, всё стихи моей Ксюше читал, песни пел, а до главного так и не дошло...». Дня через два она, счастливая, всем рассказывала, что запустила в дом подъездного кота, и тот овладел Ксюшей прямо на пороге.

А вообще-то Тишенька у нас был не только образованным, но и с хорошей родословной по матери Клоше-Клотильде, которая так и не призналась, с кем из дачных котов потеряла свою девственность. Однако все шестеро сыночков унаследовали её гены, гениально переплетённые с лесной норвежской, сибирской породой, а возможно, и с мэйн-кунами. Существует предание, что мэйн-куны – потомки кошек самой Марии-Антуанетты, которая морем пыталась бежать из Франции вместе со своими любимцами. Королеву-то потом поймали и казнили, а кошкам удалось добраться до американского континента на корабле. А ещё поговаривали, что когда-то гладкие европейские кошки скрестились с североамериканской рысью или енотом, вот откуда на ушах у них кисточки. И у моего были маленькие кисточки.

Уловив в глазах собеседницы растерянность, Миланочка продолжила, но уже без погружения в историю:

– Тишуню мы величали по имени-отчеству – Тихон Клотильдович. Большой, серый, пушистый, с белой манишкой на груди и такими же лапками. В молодые годы до семи килограммов в весе набирал, а к старости похудел заметно. – Милана снова всхлипнула. – Потом ноги у него отказали, ну мы нарыдались – и в ветеринарку. Врач там опытная, доброжелательная, говорит, мол, можно капельницами пару месяцев ещё продержат на этом свете. Решили больше не мучить его, согласились на укол. Потом – в коробочку вместе со всеми игрушками, чашками. На что Вася у меня крепкий, а и тот плакал. Закопали мы его за городом под ивой в песочном холмике. Нет-нет а и съездим к нему, постоим, помолчим. Крестик из ивовой веточки, что муж скрутил, до сих пор стоит на могилке...

Тема разговора, начатая Еленой Ивановной, как-то сама по себе сошла на нет. Поговорили о Питере, о Колпино, где после отъезда с Севера она намерена жить, о возможной встрече летом. Заели всё это мандаринчиками, да и разошлись...

Вскоре Елена Ивановна уехала, а Милана Григорьевна продолжила пестовать подающих надежду пиитов. И вдруг самым неожиданным образом та история получила продолжение...

Как-то в конце рабочей недели сотрудников Дома культуры пересчитали по головам и загнали в театральный зал слушать доклад председателя профкома. Слушали вежливо, тихо. Кто-то ковырялся в телефоне, кто-то через наушники наполнял себя современными ритмами, а кто-то перешёптывался. Милана оказалась рядом с одной из симпатичных ей вахтёрш по имени Гюльчатай, что в переводе с тюркского означает Цветок Радости или Горный Цветок. Она и впрямь была лучистая и открытая. Поговорили о делах вахтенных, вспомнили Елену Ивановну. И тут, улыбаясь, Милана спросила Гюльчатай, а знает ли она о фантومه кота в кабинете. На что та совершенно серьёзно ответила: «Конечно, знаю. Все тут знают. Я как-то взяла с собой в ночную смену младшего сынишку, оставить не с кем было. Часов в десять вечера отвела его спать в ваш кабинет, так он минут через двадцать прибегает и жалуется: «Мама! Я не могу уснуть! Мне кот мешает! Прыгает на столе и бумагами шелестит! Прогони его!» Я, конечно, не стала ему всё подробно объяснять и уложила на двух креслах в подсобке. Так он ко мне ещё потом долго привязывался: «Мама! А разве кошек можно на работе держать?» Ну я ему что-то насочиняла, типа кот с улицы пробрался, а мы и не заметили сразу...»

С собрания Миланочка шла задумчивая и грустная: «Так значит, это не большое воображение, не ночные фантазии. Не может же весь вахтенный персонал умишком тронуться. Значит, Тишка и теперь рядом со мной, – сердце сжалось, как тогда, пять лет назад, брызнули слёзы от невосполнимой потери. – Прав муж, когда на очередную просьбу завести нового котика категорично заявляет, что Тихона Клотильдовича заменить невозможно. А если не хватает чего-то пушистого и тёпленького, приглашает согреться под одеялом на его шерстяной груди...»

Дома она рассказала Василию о драматических эпизодах появления Тишки в стенах Дома культуры. Он вежливо выслушал, а часа через два вручил жене диск с музыкально-фотографическим роликом.

«Фотогра-а-фия девять на двена-а-дцать с наивной подписью на па-а-мять...» – пел знакомый голос Ирины Аллегровой, листая запечатлённые образы Тишуни. Вот он зеваает, как лев, вот пузом кверху нежится на диване, вот трескает минтай на кухне, вот на шведской стенке кувырывается, а вот у неё на руках – весёлый, озорной и такой любимый...

...Осенью Милана Григорьевна вместе со своим литературным кружком и нажитым добром в Доме культуры перебралась в Центральную библиотеку. Увы, в новом кабинете не было дивана, а вместо ночных сторожей трудилась сигнализация. Но каждый раз, уходя с работы и закрывая дверь на ключ, она нежно шепчет: «Тиша, не шали тут! До завтра, мой хороший...»

22.12.2017 г.

P.S. Уважаемый читатель! Именно так всё и было. Изменены лишь некоторые имена.

Яков ЧИСТЯКОВ

Конъюнктура рынка

Рассказ

То, что я никогда в жизни не смогу стать бизнесменом, то есть предпринимателем, в частности «торгашом», я узнал со школьной скамьи. Тогда, на заре теперешней нашей власти, когда только еще зарождались рыночные отношения, об этом объявила мне тетя, Луиза Эдуардовна, которая к тому моменту успела с головой окунуться в стихию, называемую частной торговлей. До сих пор помню не только ее «суровый приговор», но и то непростое время, и те обстоятельства, в которых он был «оглашен».

Было это так.

В тот год в последних числах августа в нашу Михайловку, ютившуюся на живописном берегу маленькой тихой речки близ большого кедрового бора, что километрах в тридцати от райцентра, на новенькой белой «Ниве» с прицепом-багажником из Екатеринбурга нагрянули неожиданные гости – наши ближние родственники: младший брат отца, дядя Петя, и его жена, Луиза Эдуардовна.

Нежданные потому, что еще года три-четыре назад, во время очередного их приезда на малую родину дяди Пети, они, особенно Луиза Эдуардовна, нажимали на нашу семью, чтобы мы отдали им половину крестового дома как часть оставшегося наследства стариков. Хотя поселиться навсегда в этой глухой деревеньке они явно не собирались и тем более продать: кто мог купить полдома, если рядом пустовали другие такие же крепкие избы? Потом запросили соответствующую цене сумму денег. Но её у нас не было. Так и уехали ни с чем, разгневанные, угрожая больше никогда не вернуться.

И вот вернулись. Словно забыли о тогдашнем обещании. Приехали в середине теплого солнечного дня по сухой и пыльной дороге. Веселые, без тени смущения.

Отец и мать, увидев незнакомую легковушку, остановившуюся напротив дома, не спеша вышли за ворота. Сразу же узнав гостей, не бросились им навстречу, даже не сделали и шага вперед. Ждали, когда те выйдут из машины. Первым, не торопясь, вышел дядя Петя. Хлопнул дверкой, попинал переднее колесо, словно убеждаясь, целое ли оно. Обошел прицеп и «Ниву», открыл ее дверь с другой стороны и подождал, когда выйдет жена.

После этого, перебросившись парой фраз, оба двинулись к воротам, на ходу стряхивая с одежды и волос пыль. Дядя Петя направился к отцу, а Луиза Эдуардовна – к маме. Братья поздоровались по рукам, крепко, по-мужски обнялись и, отстранившись, взглянули в глаза друг друга. Отец прослезился, а дядя Петя, улыбаясь, произнес:

– Решил отдохнуть в родном краю, вспомнить детство, молодые годы, соскучился. Сколько лет в городе, а никак не привыкну к нему.

– Поди, дача есть?

– Есть. Да разве она заменит родную сибирскую природу? Здесь все знакомое, родное. И этот кедрач, и эта тихая речка, и эти луга... Вот только наша Михайловка, – махнул дядя Петя рукой в сторону деревни, – изменилась, состарилась и вроде стала меньше... Свиноарник совхозный, наверное, обветшал. Свиноферма-то все еще держится?

– Доживает свой век.

– Грибы, ягоды, орехи в кедраче есть? Рыба в речке еще не перевелась?

– Все есть. Куда подевается? Братъ некому: людей почти не осталось...

– Значит, – засмеялся дядя Петя, – нам больше достанется... Примешь?

– Ну, – проявляя сдержанное радушие, ответил отец, – раз приехали, как говорится, рады будем.

Луизу Эдуардовну, которую я даже в мыслях не именовал тетей после того последнего приезда к нам, трудно было узнать. Располнела. Голубой тренировочный костюм, такой же как у дяди Пети, вроде был ее размера, но в иных местах врезался в рыхлое тело.

Прежде чем подойти к маме, гостья, замедлив шаг, коснулась рукой кудряшек черных волос, подведенных бровей, подкрашенных ресниц, провела языком по густо намазанному помадой губам и как-то неестественно заулыбалась.

Обнимать и целовать маму она не стала, хотя та стояла готовая к такой встрече: с широкой улыбкой, протянутыми вперед руками.

– Не сразу узнала, – будто извиняясь, негромко сказала мама, обращаясь к остановившейся в паре шагов Луизе Эдуардовне. – Встреться где-нибудь без Петра, прошла бы мимо.

– И я тебя не признала... Богатой будешь, – пошутила гостья.

– С чего богатеть-то? – возразила мама. – Сейчас такое время, такая жизнь, что последнее проживаешь... Работаем с мужем без праздников и отпусков, а заработной платы не получаем.

– Насчет времени ты зря, – заговорщически произнесла Луиза Эдуардовна. – Только в это «непонятное» время и богатеть-то, особенно вам, деревенским. У вас – кругом деньги, – повела она рукой в сторону леса, речки и остановила на огородах.

По пути в дом они вели речь о дачах, хозяйстве, рынке, работе. В комнате мама посетовала, что для угощения гостей ничего не приготовлено.

Я видел, как Луиза Эдуардовна достала из сумки колбасу, булочки, еще что-то в кульках и передала маме. Она взяла, занесла в кухню да так там и осталась, загремела посудой, засуетилась.

Гости привели себя в порядок: умылись, причесались, уселись на диван. Отец устроился за столом и решил поразвлекать их. Начал рассказывать о погоде, местных дорогах, об урожае хлебов, овощей. Его слушали невнимательно, без интереса. Вскоре Луиза Эдуардовна вообще перебила его рассказ и обратилась к мужу:

– Петя, может, не будем зря терять время? Займемся делом, – и пояснила отцу: – Мы, собственно, приехали не только отдохнуть, но и порешать кое-какие коммерческие вопросы.

Мама, удивленная, выглянула из кухни. Отец насторожился, видимо, вспомнил про давнюю дележку дома:

– Какие?

– Сейчас увидите, – загадочно подмигнула Луиза Эдуардовна. – Пошли, – кивнула она дяде Пете.

Тот тоже улыбнулся, но как-то виновато, и вышел за женой.

– Че это они? – насторожилась мама, глядя в окошко.

– Чего-нибудь привезли. Наверное, гостинцы.

Те с трудом втащили в избу баулы, сумки, картонные коробки, пакеты и положили на середину пола.

– Это товары, – выпрямилась Луиза Эдуардовна. – Будем продавать вашим деревенским.

– Зачем? – еще больше удивилась мама. – Куда столько-то?

– Вы живете вдали от... – тут она ввернула не всем понятное слово, – цивилизации и многого из того, чем живет народ в нашей стране, тем более в мире, не знаете. Посмотрите, приобретете и будете рады.

При этих словах Луиза Эдуардовна, как фокусник, начала тормошить сумки, вынимать из них различные вещи, встряхивать и раскладывать на столе, койке, диване, креслах, подоконнике, некоторые подавала дяде Пете; он вешал их на вешалки, на гвоздики в стенах. Появлялись куртки, майки, ветровки, брюки, рубашки, кофты, халаты, а также туфли, тапочки, сандалии, босоножки, сапожки; последние ставили на пол вдоль стены. Многого мы прежде действительно не видели и не подозревали о его существовании в мире.

Пока дядя Петя ходил за оставшимися в машине сумками, Луиза Эдуардовна, демонстрируя товар, прикидывала вещи то на себя, то на маму, то на отца и с удовольствием тыкала пальцем с длинным накрашенным ногтем в красивые этикетки, приговаривая:

– Это из Турции, это – тоже, а то – немецкая фирма, то – итальянская...

Мама, как замороженная, смотрела на «заморское» богатство, прикасалась пальцами к иным вещам, пытаясь оценить их качество. Я заметил, как она набросила на свои плечи расшитый блестками халат, видимо, особенно ей понравившийся, и хотела показать отцу. Но Луиза Эдуардовна, небрежно перехватив его, прошептала: «Да, хорош, но, думаю, не для тебя. Тебе нужен другой». И положила обратно на койку.

– Ой, – растерялась мама и заспешила на кухню, – кажется, закипело...

Больше она ни к какой одежде и обуви не прикасалась. Отец, молча подержав «плетенки», поставил их на место, будто обиделся.

Появление в Михайловке незнакомой легковушки с прицепом не осталось незамеченным местными жителями. В дом потянулись любопытные. За день в нем побывала едва ли не вся Михайловка.

Первым на пороге появился Илья Игнатьевич Тетерин, старик-инвалид, которого из-за сильной глухоты многие называют просто Тетеря. Его сопровождала жена Екатерина Петровна, обычно выполнявшая роль «переводчика» при нем.

Этот дед пришел не случайно: он знал дядю Петю с рождения. Помнил, как он начинал работать в совхозе простым рабочим. Провожал его на службу в армию, а потом встречал, когда тот приезжал на побывку после увольнения в запас. Очень сожалел, что, получив специальность шофера, не остался в родной деревне, а выбрал для жительства Екатеринбург – место службы. А еще больше жалел, когда дядя Петя там женился на горожанке, не пожелав взять в жены дочку старика, с которой дружил еще со школы. Однако смирился с этим, когда его несостоявшийся зять приехал в Михайловку с женой Луизой, красивой и грамотной женщиной. Тогда она понравилась не только старику, но и многим деревенским. Вот теперь он пришел на встречу с ним.

– Это ты, Петр Константинович, навез столько добра? – увидев обилие товаров, а возле них дядю Петю, «глухим» голосом спросил старик.

Дядя Петя, широко улыбнувшись, шагнул ему навстречу, поцеловал в щеку и утвердительно закивал. Затем провел в передний угол и усадил на диван. Рядом присела и жена старика.

– Тут его на три Михайловки хватит, – удивился Илья Игнатьевич, – да еще останется. Выходит, у вас в городских магазинах от товаров полки ломаются? А у нас не только нет этих самых товаров, но и магазина. Года два назад закрыли.

Екатерина Петровна продолжила разговор, заметив, что в соседнем Ново-Михайлове магазин хоть и остался, но товаров в нем – шаром покати. Пусто!

Старик не согласился и, «шутя», добавил:

– Ну как же? Есть там соль, спички, банки с икрой кабачковой двух-годовалой давности, соленая селедка, слипшаяся карамель. Ту, правда, сразу на брагу разбирают...

– При закрытии михайловского магазина, – напомнила Екатерина Петровна, – туда передали всякую мелочь: деревянные скалки, пестики, плечики, привезенные еще при прежней власти.

– А одежды и обуви нет, – шутил дед.

– Два или три пропыленных пальто, суконные бурки, изъеденные мышами, – перечисляла Екатерина Петровна. И вдруг замолкла, перевела взгляд на входную дверь, в которой показались хорошо известные в деревне женщины-подружки, прежде работавшие в деревенском магазине, – продавец Анна и уборщица Мария. – Да вон они лучше всех знают, что было и чего не было в их сельмаге, – указала она на вошедших. Но те не слышали. Увидев неожиданную картину, растерялись, замешкались у порога и не знали, как быть.

– Ой, – восхитилась бывшая уборщица. – Товаров-то сколько. Как в кино.

Поздоровавшись, подруги устремили взгляды на вещи. Бывшая продавец, проявляя профессиональный интерес, начала бойко ощупывать каждую, поднимать, осматривать и вскоре заключила, что импортные.

Бабушка Тетерина, наблюдавшая, как и остальные, за действиями Анны, решила «уколоть» ее.

– Да, не то что в вашем магазине когда-то.

Но та парировала реплику:

– Тот магазин был такой же наш, как и ваш. Он был сельповский. Сельпо и закрыло.

– И правильно сделало, – одобрила Луиза Эдуардовна. – Надо и само сельпо распустить.

– Но мы с Анной без работы остались, – посудачила Мария.

– Так свой откройте, – посоветовал дядя Петя, – да и торгуйте.

– Ишь, какой деловой, – без обвиняков упрекнула его Анна, хорошо знавшая дядю Петю еще со школы. – Для кого открывать-то? Тут покупатели – только одни Тетерины, только они при деньгах. Им пенсию платят. Вот сегодня будешь продавать эти шмотки – увидишь, кто будет брать и сколько.

Илья Игнатьевич, услышав свою фамилию, встрял в разговор.

– Моей пенсии только вон на ту обувку хватит, – указал на итальянские сапожки, – если их покупать вот здесь. В сельповском – дешевле, но там их не бывает.

– Вот и купи своей старухе, – посмеялся дядя Петя.

Но Илья Игнатьевич не остановился. Стал вспоминать, как создавались и хорошо работали сельпо, райпотребсоюзы, оптово-торговые базы, что он много лет был членом-пайщиком потребительского общества.

– Знаю я эти базы, – выкрикнула бывший продавец, – через них только районное начальство наживается. Бывало, приедешь туда за товаром, а он уже по спискам распределен чиновникам. А те еще в магазинах из-под прилавка берут. Без стеснения...

В разговор вступила Луиза Эдуардовна и опять в защиту частной торговли.

– Сельские и прочие потребительские общества, ну эти самые сельпо, свою роль в прошлые времена исполнили, а теперь только мешают населению, бездействуют, очереди создают.

Илья Игнатъевич, как и все пожилые люди, воспитанный в духе отрицания частной собственности, разного предпринимательства, не унялся. Заспорил с ней:

– Тогда скажите, милые мои, где вы будете брать товары на продажу?

– А там же, где этот взяли. Я два раза в Турцию съездила. Там всего полно.

– Каждый в Турцию да в Америку не поедет. Это надо всю работу бросать и только торговлей заниматься. Вот ты кто такой, – уставился Илья Игнатъевич на дядю Петю, – что смог набрать столько добра для спекуляции? Ну кто?

Дядя Петя улыбнулся добродушно, скользнул взглядом по строгому лицу жены, словно спрашивал: отвечать или нет дотошному старику? Та одобрительно кивнула, мол, давай.

– Бизнесмен, – внятно сказал дядя Петя, приблизившись к деду. Потом нараспев повторил: – Биз-нес-мен!

Илья Игнатъевич уже зашевелил губами, пытаясь повторить, но, видимо, почувствовал, что получится неприличное слово, пожевал что-то во рту, склонил голову на бок и погрозил сухим длинным пальцем:

– Ладно. Не хочешь сказать правду, так не надсмехайся над стариком.

Пока шел разговор, подруги рылись в вещах, перебирали платья, кофты, купальники, женские брюки, пытались примерить...

Мама, опираясь на дверной косяк, смотрела на них из кухни и улыбалась. Видимо, представляла этих сорокалетних женщин в новой красивой одежде и обуви, шагающими по грязной деревенской улице. Видела, как расставались они с понравившейся вещицей, укладывая ее на прежнем месте.

– Бери, – посоветовала она Анне, облюбовавшей платье. – Как на тебя шито.

– Взяла бы, – кольнула та взглядом советчицу, – да карман пуст.

– Муж-миллионер, а прибудняешься.

– Так и твой Константинович тоже, хоть и механизатор. Слышала, по совхозу таких человек полдесятка числится.

Луиза Эдуардовна удивленно заморгала:

– Что значит – миллионер?

– А вот так. На бумаге, то есть в ведомости на выдачу зарплаты, действительно написано более миллиона рублей, – жестикулировала Анна. – А получить не могут.

– Требовать нужно! – возмутилась Луиза Эдуардовна. – Идти к прокурору, в суд, писать президенту...

– Не помогут, – обреченно вздохнула мама, – хоть самому Богу жалуйся.

Луиза Эдуардовна, ничего не поняв, только руки в стороны развела да ярко накрашенные губы выпятила вперед. И выжидательно смотрела на отца, будто просила объяснения.

– Тут, – начал он, – такое дело получается. Совхоз, как и раньше, продает продукцию государству, а у того нет денег для расчета. Касса у совхоза почти пустая. Вот и накопились долги в миллионы.

Илья Игнатъевич встрепнулся:

– Да что говорить? Рабочего человека обманывают все. Вот я много лет числился в очереди на покупку мотоцикла с коляской, но не дождался, когда она подойдет. Не купил! А ты, – кивнул он на дядю Петю, – вон какую легковушку отхватил, и без очереди. Еще неизвестно, как будут торговать новые купцы. Торгаши. Спекулянты.

Луиза Эдуардовна, чувствовалось, засердилась и готова была достойно ответить старику. Но в этот момент около ворот остановилась автомашина. Отец взглянул в окно и, переведя взгляд на дядю Петю, сообщил:

– Михайлов подъехал, с тобой повидаться захотел.

– Какой Михайлов? – удивился тот. – Их у вас полдеревни.

– Ленька, дружок твой, с которым в школе учился, в совхозе работать начинал. Теперь он Леонид Романович. Ишь, перебрался в город и друзей забыл, – укорил брата отец.

Леонид широко распахнул дверь и, шагнув через порог, выдохнул:

– Ух, сколько вас, собрание что ли? – и, взглядом отыскав дядю Петю, направился к нему. В больших пропыленных сапогах ступал между расставленной обувью. Дядя Петя поднялся навстречу другу, который сразу же обхватил его, не опасаясь, что запачкает своей грязной робой костюм. И продолжал:

– Еду, смотрю: незнакомая «Нива» у ворот. Сразу смекнул: Петька к брату в гости нагрянул. Не грех повидаться. Редко родину навещаешь. Мы тут вкалываем, в земле копаемся, за скотиной ухаживаем, а ты в городе в кино, в театры ходишь, – похлопывая по плечу земляка, приговаривал друг. А потом спросил: – Надолго?

Спросил, видимо, для проформы, потому что сразу же отвернулся и стал рассматривать собравшихся, заваленную товарами комнату.

– Это что за базар? Чье барахло, шмотки, обувки?

Он спросил ни к кому конкретно не обращаясь, но Луиза Эдуардовна, хотя и оторопела от такой бесцеремонной напористости шофера, сразу же ответила:

– Ну раз друг приехал, стало быть, все это «барахло» его.

А Илья Игнатьевич пояснил:

– Теперь твой друг знаешь кто? – и опять попытался выговорить то новое, непонятнее ему слово, но снова только пожевал что-то во рту. – Теперь он... – торгаш!

Леонида трудно было удивить таким зрелищем. Он часто бывал в городах и еще в прежние годы видывал подобные базары. Да и в это время в дальних рейсах встречал «челночников».

– Неужели и ты коммерцией занялся? – взглянул он на дядю Петю. – За баранкой машины тебя еще представляю, а за прилавком – нет.

– Да вот, – коснулся рукой плеча жены дядя Петя, – она меня сомучила, убедила, что самое время бизнесом заниматься, в первую очередь – торговлей.

– И ты согласился?

– Надо же кому-то вашего брата, покупателя, снабжать товарами, если государство не может.

– Не мо-о-жет! – спародировал Леонид друга. – Может! Только ему разный народишко мешает, который желает нажиться.

Тут он словно опомнился и извиняющимся тоном досказал:

– Я, конечно, не вас имел в виду.

– А мы тут причем? – строго спросила Луиза Эдуардовна. – Мы к государству не лезем. Я, например, за товаром два раза в Турцию ездила. Вон он... Погляди на этикетки...

Растерявшийся Леонид машинально взял что-то с дивана, взглянув, отбросил на подоконник и сел рядом с Ильей Игнатьевичем. Анна и Мария тоже сдвинули вещи на койке и присели на краешек. Отец устроился в кресле у окна. Луиза Эдуардовна подтолкнула кухонную табуретку дяде Пете, а сама осталась стоять у дверного проема на кухню.

В этот момент в дверь вошел еще один Михайлов, Федор Васильевич, бригадир местной свинофермы, высокий, худощавый мужчина лет тридцати пяти. За ним – три женщины, свиноводки. Столпились у порога, зашептались.

– Во, – обрадовался старик Тетерин, – на ловца и зверь бежит. Вон сколько покупателей!

– Не зашли бы, – ответил бригадир, – да Леонидову машину увидели.

– Мы ее на ферме с утра ждали, – пояснила жена бригадира, свиноводка.
– Куда, мол, шофер делся?

– А он ишь, – указала на диван вторая свиноводка, Нина Степановна, – как голубок, посиживает, ему и горя мало...

– За кормами надо ехать, – напомнила третья свиноводка, Светка.

Леонид взъелся:

– С утра на ремонте стоял. Сюда только что зашел, с другом поздороваться.

Бригадир, оглядевшись, усмехнулся и тоже, как Леонид, произнес:

– Я подумал: на собрание попал. Народу – полная изба. А тут – базар.

– Ууу, – затаила Степановна, – сколько тут всего. Откуда столько? Не вовремя явились...

– Почему не вовремя? В самый раз, – пригласила посетителей Луиза Эдуардовна. – Проходите, смотрите, выбирайте. Из города привезли.

Мама выставила из кухни еще пару табуреток: для бригадира и его жены.

Вещами больше других интересовалась Светка, вчерашняя школьница, не поступившая в учебное заведение и решившая подзаработать, а потом продолжить учебу. В деревне она единственный представитель «трудящейся молодежи». Время проводит на работе и дома. Светка на год старше меня, и мы с ней встречаемся, болтаем. Знаю, что ей хочется хорошо одеваться, выглядеть нарядной. Она кое-что присмотрела, но Степановна засмеялась:

– Куда ты в этих золотых сережках? На ферму?

– Не все же буду в деревне жить. Потребуются, – возразила она.

Больше никто ничего брать не стал. Все отказ объясняли одинаково, мол, в доброй одежде и обуви выйти совершенно некуда. Ни зимой, ни весной, ни осенью из деревни без труда не выбраться. Бездорожье. А в ней – ни клуба, ни ресторана, ни танцплощадки.

Старик Тетерин, хотя не все разговоры слышал, но тут подтвердил:

– Глушь у нас. Живем в лесу, молимся колесу. За все лето только вы приехали, и то потому, что дождей не было. А зимой дорогу до большака снегом забьет, и ее неделями никто не чистит. Как говорится, нет следа ни конного, ни пешего, ни дьявола, ни лешего.

Луиза Эдуардовна стала понимать, что среди собравшихся, видимо, нет покупателей, и обратилась к Федору Васильевичу с шуткой.

– Тебе как начальнику, как руководителю коллектива женщин обязательно нужно носить белую сорочку с галстуком, хотя бы в праздники. Вот эту...

Бригадир посмотрел на свиноводку, выпрямился, напыжился, погладил волосы, а потом сник:

– У меня белая рубашка лет пятнадцать лежит в комод. Еще к свадьбе купил. Только раз и надевал. Пожелтела от времени.

– Почему раз? – повернулась к нему лицом жена. – Помнишь, лет пяток назад в район в ней ездил?

– Аа... Почетную грамоту за работу получал. Верно, в той рубашке был.

Луиза Эдуардовна подошла к прикрытому одеждой окну, убрала вещи и громко объявила:

– Посмотрите косметику. Не предлагала, думала, вам не до нее. Повыбирайте.

– Это еще что такое? – тихонько спросила Степановна, склонившись к Светке.

– А вот что, – услышав вопрос, показала Луиза Эдуардовна на подоконник, уставленный флаконами одеколона, духов, баночками, тюбиками с кремом, помадой, косметичками. Она открыла одну коробочку, другую, пробовала проводить помадой по губам. Женщины смотрели равнодушно, особого интереса не проявляли. Только Светка взяла в руки косметичку и долго рассматривала содержимое, трогала. Пообещала: «Возьму».

– А вы? – Луиза Эдуардовна в упор взглянула на Степановну и предложила: – Духи французские. Больше нигде не найдете. Купите?

Нина Степановна, сорокапятилетняя женщина, треть жизни отдавшая работе на ферме, – самая старшая из свинок. Из-за своей тяги к спиртному прогуливает, в передовиках не числится. А еще позволяет над собой посмеяться, пошутить и никогда не обижается на шутников, не сердится.

– Их и искать не надо, – засмеялась она, – у нас в свиномнике духи почище французских. Целый день нюхаем, еще домой натащим. Их никакой аромат не перебьет, – закончила она под общим смех.

Луиза Эдуардовна не отступала: подала ей тушь для подкраски ресниц, потом тени, пояснив:

– Этими тенями можно веки подкрасить. Модно, красиво.

Бригадир, услышав такое, пошутил:

– Ей сожитель свои наводит. Поставит «фонарь» под глазом, и «тени» полмесяца с лица не сходят. Так что их покупать не надо.

Вместе со всеми засмеялась и сама Степановна, сказав: «Да ну вас...»

Больше никто ничего не выбирал. Ждали, когда дядя Петя и Луиза Эдуардовна направятся к машине и поищут в ней резиновую обувь. Наконец, все хлынули на улицу.

Отец попытался задержать Леонида, чтобы пригласить на обед, где бы он смог пообщаться с дядей Петей. Но тот отказался, заявив: «За рулем не употребляю, иначе останусь без прав».

Потом был обед, точнее, ужин, потому что день склонился к вечеру. Когда все прибрали, накрыли стол, похожий на праздничный – со спиртным и хорошей закуской, отец сел на свое привычное место у окна. Тихо расселись остальные.

– Чем богаты, тем и рады, – каким-то вовсе не «праздничным» голосом пригласил он поднять рюмки. – Выпьем за встречу.

И, видимо, не почувствовав особого желания гостей поддержать тост, обратился к брату:

– Так сколько годиков мы не виделись?

– Четыре, – безрадостно произнес дядя Петя.

Мне такая обстановка за столом не нравилась. Стал соображать, что случилось? Гости хмурые – понятно: не удалась торговля. А родители-то чем подавлены? Радоваться бы надо гостям. Напряженность в отношениях чувствовал не только я.

Поднялась Луиза Эдуардовна, выпила одним глотком рюмку и начала речь:

– Я, – обратилась она к родителям, – вижу вашу скованность, вашу озабоченность нашим присутствием и знаю причину этого. Вы, видимо,

все еще подозреваете нас в том, что мы приехали продолжать спор из-за части этого дома. Нет, не за этим. Давайте забудем то, как в прошлый раз мы требовали возмещения за оставшуюся вам половину. Прошу извинения.

Родители, ожидавшие всего, только не этого, воспряли духом, оживились. Мама пролепетала:

– А мы че? Мы ничего. Мы не помним уже.

– Ну, – протянул отец, – ежели так, то забудем... Было да прошло.

– Тогда те деньги, – продолжала подбодренная словами отца Луиза Эдуардовна, – нам были очень нужны: мы начинали свое дело.

– Какое дело? – не поняла мама.

– Да это же самое, – кивнула она на сумки с вещами. – Надо было закупить товары на продажу. Теперь мы в деньгах не нуждаемся, – улыбаясь, скосила глаза на мужа и добавила многозначительно: – Хотя деньги никогда не лишние.

Выпили все. Отец, морщась, продолжил тему, повторив сперва слова только что услышанные:

– Деньги никогда не лишние. Вот я заработал миллион рублей, а еще вкальваю...

– Сиди ты, миллионер липовый, – усаживала мама отца на место. – Может, умрем, а твой миллион так и не увидим. Кто заплатит, если совхоз почти развалился?

Луиза Эдуардовна, как и час назад, опять посоветовала:

– Президенту надо жаловаться на это безобразие.

Мама, выпив, осмелела и сказала в ответ:

– Вам хорошо: каждый день – «живые» деньги. Знай шмотки продавай да цену набавляй.

Я ожидал, что Луиза Эдуардовна начнет отчитывать за такие слова маму, но она неожиданно накинулась на мужа.

– Чего с ним продашь? – указала на дядю Петю. – Он не учитывает конъюнктуру рынка. Вырос в деревне, а не знает, какой товар в ней пользуется спросом: вместо сапог, галош да телогреек привез «плетенки» да купальники.

Дядя Петя неожиданно заартачился.

– Ты тоже хороша! Разве не знала, что через неделю ребятишки в школу пойдут? А школьникам ничего не взяла.

– Знала, что в твоей деревне, в этой дыре, учеников нет, потому и не взяла.

Отец, успокаивая гостей, предложил:

– Выпьем за конт... за коню...

– За конъюнктуру рынка, – подсказала Луиза Эдуардовна. И уже спокойно, с улыбкой продолжила:

– Бизнесу, той же торговле, как и всякому другому делу, надо учиться.

И тут на глаза ей попал я, сидевший на диване.

– Вот из него можно сделать предпринимателя. После окончания школы отправьте сына в Екатеринбург, к нам. Я через знакомых устрою его на учебу в финансово-торговый институт, и дорога в бизнес ему будет открыта.

Отец сразу же воспротивился такому предложению Луизы Эдуардовны:

– В какой институт, если мы с трудом учим его в райцентре, за тридцать километров? Средств не хватает. Хорошо, что квартира бесплатная. Живет у нашей родственницы, бабушки Веры. И нынче к ней отправим.

На том разговор о моей учебе и закончился. Луиза Эдуардовна при упоминании райцентра оживилась и предложила ехать завтра не в соседнее

село Ново-Михайлово, как договорились, а туда. Поскольку, мол, там и покупателей побольше, и они побогаче.

– И вы, – взглянула на маму и отца, – что-нибудь из своего хозяйства и огорода продадите.

Мама испуганно взмахнула руками, словно от кого-то отбивалась:

– Избави Бог от этого дела, – запричитала она. – Не привыкли торговать. Стыдно кому-то что-то предлагать, навеливать. Лучше даром отдать. Как с родного да знакомого деньги брать? Грех.

Отец поддержал:

– Знакомые увидят за прилавком – засмеют. Да и день потеряешь, а у меня смена. Не поедем.

– Да вы и так не поедете, – успокоила Луиза Эдуардовна. – В машине места не хватит. А вот его, – указала на меня, – возьмем. Приготовьте ему молока, сметаны, творогу да зелени огородной, помидорок, огурчиков, морковки для продажи.

– Сын пусть съездит. Базар покажет, говорят, новый строят, – согласился отец. – Торговать поучится...

Они решили вопрос, даже не спросив меня. Ехать мне хотелось, а торговать – нет. Но раньше времени протестовать не стал: утро вечера мудренее. Может, все изменится. Вдруг дождь пойдет... Взрослые выпили, как говорится, на посошок. Вышли из-за стола. Всем хотелось на улицу, на свежий воздух, поговорить.

– Ну что, братья, молчите? – спросила Луиза Эдуардовна, – давайте посмотрим хозяйство, огород. Хозяйка, – позвала она маму, собравшуюся убирать со стола и мыть посуду, – пошли.

В огороде медленно двигались по бороздам между грядок. Некоторые гряды пустовали. Мама пояснила, что лук, чеснок уже убраны, зато морковь, кабачки растут буйно. В теплицах – помидоры, огурцы тоже пока нежатся. Пришла пора собирать ягоды, кусты которых растянулись вдоль забора. Луиза Эдуардовна подошла к крыжовнику, бросила в рот несколько ягод, разжевала и обратилась к отставшему мужу:

– Петя, заметь: мы же, можно сказать, по деньгам ходим. Если это все пропустить через рынок – озолотеть можно!

– Кто все это может купить? – зарассуждал отец. – В деревне такого добра у каждого полно. Возить в город – дорого: одного бензина не напасешься. Да и машины нет...

Меня удивляла находчивость Луизы Эдуардовны, которая во всем видела товар для продажи. И уж совсем удивился, когда она, увидев у хлева кучу навоза, сказала, что это самые что ни на есть деньги, выброшенные на улицу.

– В городе, – доказывала она отцу, – любой дачник это удобрение у вас с руками оборвет. Говоришь, не на чем увезти? Да тот же Леонид попутно, когда порожний поедет в рейс, за самогон может куда захочешь доставить. Только подход к человеку найди...

Все чувствовали, что гостья, принявшая за столом лишку, стала разговорчивой, никого не хотела слушать и даже похвалялась, мол, она рождена для бизнеса, а работа в отделе рабочего снабжения крупного завода дала ей необходимый опыт. Дядя Петя подсказал отцу:

– Веди в ограду, посмотрим, что там есть.

В просторной и чистой ограде, раскинувшейся между домом и рядом хозяйственных построек – гаража, бани, сарая – гидом экскурсии стал отец. С удовольствием показывал верстак, инструменты, деревянные заготовки

для поделок и сами поделки. На все это гости смотрели равнодушно. И вдруг что-то Луизу Эдуардовну заинтересовало под навесом.

– Что это? – громко спросила отца, ткнув пальцем в сторону штабеля строганого и кромленного теса.

– Пиломатериал для обшивки веранды.

– Петя, Петя, – пригласила мужа под навес, – ты только посмотри: чистое золото! А он говорит: «На веранду».

Понизила голос, но так, чтобы слышали все мы, и заговорщически произнесла:

– Да из него гробы надо делать. В городе они нынче знаешь по какой цене? Дефицит...

– Но есть, – попытался урезонить жену дядя Петя. – В «Ритуале» сам видел.

– Но такие, – разошлась Луиза Эдуардовна, – что в них только полежать, а купить – денег не хватит. Обшитые, разрисованные, с прибамбасами. Только очень богатым по карману. А умирает-то больше всего бедных. Для них и делать.

Отец от неожиданности открыл рот и перестал моргать, соображая: не во сне ли слышит эти слова.

Мама, наоборот, замигала быстро, начала креститься.

– О, Господи... зачем же так-то?

И я подумал: не ослышался ли?

– А вот так, – не унялась возбужденная Луиза Эдуардовна. – Надо учитывать конъюнктуру рынка: что требуется, то и предлагать. А товар может быть разный. Вот те же гробы...

– Луиза! – одернул жену дядя Петя.

– Что – Луиза? Их, несмышленных, надо учить наживать капитал, – произнесла она с достоинством и отошла пощупать «золото».

Дядя Петя виновато улыбнулся, кивнул в сторону Луизы Эдуардовны и тихонько произнес:

– Не обижайтесь. Выпила лишку, а у таких что на уме, то и на языке.

Дальше разговора не получалось...

Дома долго не могли уснуть.

Назавтра встали рано, но еще раньше поднялась Луиза Эдуардовна, хмурая, помятая, подавленная, вроде недовольная собой. Привела себя в порядок. Как только проснулась мама, подошла к ней, подала сверток, перетянутый лентой. Угадывался халат, который та примеряла днем, и, словно искупая какую-то вину, объявила едва слышно:

– Прими как подарок. Он как будто на тебя сшит...

Мама растерялась, пыталась сверток отвергнуть, говоря:

– Бесплатно не возьму, только за деньги.

А когда все же неохотно взяла, вымолвила, что обязательно рассчитается. Только после этого, будто загладив какую-то вину, Луиза Эдуардовна вновь стала сама собой: волевой, напористой, рассудительной, способной давать всем советы и указания. В ней закипела энергия, она быстро задвигалась. Торопила дядю и меня.

Вскоре мы уже были готовы выехать в райцентр.

Мама напутствовала меня, сообщая, что приготовила пару больших банок со свежим молоком да литровую банку сливок и еще...

– Зелени не возьму, – осек я ее, – не буду взвешивать и считать штуки на виду у всех.

– Пусть банки продаст. Цены тамошние назначу. Сама преподам ему урок частной торговли. Пусть делу учится, – успокоила маму Луиза Эдуардовна.

Я не возразил. И не потому, что побаивался своей строгой тети, а не желал скандала. Хотелось побывать в райцентре.

– Так что, – прошептала мама, – там тебе будет не до бабушки Веры. Она живет на другом конце села, и сбегать туда не успеешь.

На площадку, отведенную под рынок в центре села, мы приехали не первые. Дядя Петя машину припарковал рядом с другими на обочине дороги, у самого перекрестка. Огляделись. Кто-то из приезжих занял готовые прилавки, кто-то устанавливал тенты-палатки, кто-то раскладывал товары на привезенные из дому раскладушки, а кто-то на крыше и капоте легковушки.

Луиза Эдуардовна, оценив обстановку, приказала дяде Пете разложить вещи на крыше прицепа-багажника, на откуда-то взявшемся раскладном столике (из багажника, конечно). Мой товар – банки с молоком и сливками – выставила на капот машины и велела находиться рядом с «Нивой». Сразу же отправилась в торговые ряды для выяснения ассортимента товаров, цен на них.

Сперва я помогал дяде Пете разбираться с вещами, раскладывать и развешивать. К своему «прилавку» близко не подходил, опасаясь, что меня могут увидеть «за работой» знакомые, прежде всего, одноклассники и учителя. Заметят – засмеют, мол, в торговлю ударился.

Дядя Петя, выполнив задание жены, тоже не стал «маячить» у товара и сел в салон «Нивы»: боялся глаз знакомых.

Появились первые посетители рынка. Одни мельком оглядывали товар, спешили на работу. Другие, напротив, не торопясь, обходили ряды, переговаривались со знакомыми продавцами.

Прежде я тоже бывал на рынке, бродил просто так, без надобности. Мне было интересно, как это люди, хорошо зная друг друга, торгуются. Не стыдятся, называют цену, повышают или понижают ее. Мне казалось, что я так никогда не смогу вести себя за прилавком.

В этот раз я наблюдал за рынком с другой целью. Пытался заметить учеников или преподавателей, чтобы вовремя успеть скрыться. Но вдруг услышал рядом знакомый женский голос:

– Гутен морген, Михайлофф!

Сразу же увидел перед собой смеющуюся преподавательницу немецкого языка Татьяну Альбертовну и учительницу начальных классов, ее подругу, такую же молодую. Обе были в ярких тренировочных костюмах, белых шляпках, потому я их не сразу узнал. Они расхохотались.

– Где продавец? – показывая на банки, спросила «немка». – Решили молока купить.

Мне хотелось сделать женщинам приятное: вдруг во время учебы это зачтется.

– Продавец ушла, – махнул я рукой в сторону машин. – Скоро будет.

И тут меня дернуло ляпнуть:

– Могу продать, – и назвал цену, по какой иногда покупают молоко в нашей деревне, не зная, что она намного ниже местной.

Педагогов цена устроила. Поболтав о предстоящем учебном годе еще пару минут, они удалились, попрощавшись:

– Ауф видер зеен!

Я походил вокруг машин, понаблюдал за людьми. Потом решил прикрыть газетой банку сливок, чтобы на ярком и жарком солнце вдруг не закисли, но понял, что просто спрячу их от покупателей. Обернулся и – глазам не поверил: на меня смотрела моя дорогая бабушка Вера и улыбалась.

– Думаю, ты или не ты? Пригляделась – ты, – начала она дрожащим голосом, держа перед ртом носовой платок. – Приехал, а не заходишь. Навестил бы. Я, видишь, прихворнула. Поднялась и – на базар. Хочу купить что-нибудь молочного: сметанки, творожку. Продают там, но дороговато. У пенсионеров пенсия-то сам знаешь.

Слушал ее, а в душе моей одно решение боролось с другим: то ли продать, как приказала Луиза Эдуардовна, то ли пожалеть старушку и подарить ей эту банку сливок. Конечно, тетя будет недовольна, но ведь сама она свой товар – халат – тоже отдала маме бесплатно. Ну а я всю зиму привозил своей квартирной хозяйке такие же сливки, такое же молоко и не жалел их. И потому сказал ей:

– Вот родители отправили специально тебе, – и суетливо подал свой «товар» с «прилавка», чему она несказанно обрадовалась, даже попыталась поцеловать меня. Вдруг начала доставать кошелек, но я не дал сделать этого.

На прощанье пообещал, что привезу еще, когда приеду на учебу.

– Да ты уж прямо ко мне на жительство настраивайся.

Я стоял довольный своим благородным поступком, хотя и ожидал «выговора» от Луизы Эдуардовны: я напрочь сорвал запланированный ею показательный урок по теме: «Частная торговля...»

К машине она вернулась возбужденная, радостная: у местных «торгашей» не увидела таких товаров, какими собралась торговать. Ну а раз не было конкурентов, стало быть, можно ожидать наплыва покупателей и хорошую выручку. Проверила, как дядя Петя справился с раскладкой вещей, и – ко мне, видимо, намеревалась сообщить местные цены на молочные продукты. Но, не обнаружив на капоте товара, насторожилась:

– Успел продать? Почему? Где деньги?

Увидев выручку, глазам не поверила.

– Все? И это все? – трясла она головой...

Не буду описывать, что было дальше и вообще, как прошел тот злополучный день моей жизни.

Скажу только, что закончился он дома ужином с выпивкой. Выпивали все, кроме меня. Луиза Эдуардовна живописала, как шла торговля на рынке, как я сорвал урок частной торговли. Потом огласила тот самый «приговор», причем касался он не только меня, но и всей нашей «непутевой» семьи.

– Нет, – произносила она негромко, но веско обидные слова. – Теперь я убедилась: вы не рождены для бизнеса, для предпринимательства, даже для такой простейшей торговли, как частная. Вы не умеете «делать» деньги и, видимо, не научитесь. А сынок, – кивнула Луиза Эдуардовна в мою сторону, – точно не станет, как вы выражаетесь, «торгашом». Он, видите ли, не усматривает в человеке потенциального покупателя и готов отдать ему, если не даром, то за бесценок свой товар. Вот сегодняшний пример. Ну хорошо, подарил он бабке-пенсионерке целый литр сливок, а учителям-то, людям денежным, уступил молоко меньше чем за полцены. Почему?

Луизе Эдуардовне никто не ответил. Только дядя Петя сделал жене знак, чтобы она поубавила пылу. И она смягчила тон.

– Но не расстраивайтесь. Не всем же, в конце концов, надо стоять за прилавком и что-то продавать. Это «что-то» необходимо еще сделать, произвести. Так что вам можно заняться этим важным делом...

На следующее утро провожали гостей. Без слез, без нежных слов, без обнимания и лобзания. С рукопожатиями.

Случается, хотя и нечасто, люди, даже такие проникательные, как моя незабвенная тетя, Луиза Эдуардовна, в своих предсказаниях ошибаются.

К сожалению, нет, конечно же, к счастью, ошиблась и она. Правда, убедиться в этом она не может. Ни она, ни дядя Петя вот уже несколько лет после того памятного приезда в нашей Богом забытой Михайловке не показываются. Видимо, как говорят в народе, стали богатыми. Вернее всего, обиделись за недостойный прием. Ну и мы к ним – ни ногой. Даже я не поехал на учебу в их город после школы, хотя и был приглашен.

Не знаю, как родственникам, а нам, по правде сказать, и разъезжать-то по гостям некогда.

Так вот, вопреки предсказаниям Луизы Эдуардовны, наша семья завела свое «дело». Вышло все как-то, на первый взгляд, стихийно, случайно.

Разваливающийся совхоз так и не смог выдать отцу причитающуюся зарплату в сумме более одного миллиона рублей наличными. Мама тоже не получила заработанную четверть миллиона. Но зато нашей семье было предложено взять в счет зарплаты тот самый свинарник за деревней, который опустел. Вначале родители возмутились: зачем им старье? Но когда в качестве имущественного пая оставили отцу трактор, на котором трудился последние годы, да еще кое-какой инвентарь, он согласился взять двор. Земельные доли выделили рядом. Мама уговорила его завести мини-ферму.

У меня судьба складывалась так. Закончив школу, отслужив в армии, получив профессию в местном ПТУ, вернулся в Михайловку механизатором.

Вернулась после учебы в сельхозколледже Светка, бывшая свинарка, с дипломом зоотехника и стала моей женой.

Она-то и повела наше «дело». Свиноферма расширилась, окрепла. Основную часть кормов производим на своих полях, в огороде.

Но Луиза Эдуардовна в одном оказалась права: не торгую я за прилавком выращенной продукцией, так же, как и мои дорогие родители, рожденные для физического труда. Сбытом произведенной продукции – свинины – занимается Светлана, хорошо изучившая конъюнктуру рынка. Мясо обычно оптом сдаем в колбасный цех знакомого предпринимателя.

Работаем дружно, чаще всего без выходных и без праздников. Дела идут неплохо.

Собираясь иногда за праздничным столом, вспоминаем наших городских родственников, приобщавших нас к рыночной экономике. Хвастаемся их подарками: отец – «плетенками», мама – халатом, Светлана, смирившаяся с судьбой жить и трудиться в «глубинке», – дорогими сережками в ушах, правда, купленными у них же за трудовые деньги. А мне похвастаться нечем: в памяти – несбывшееся предсказание, или, как я его называю, «приговор», что я никогда не стану предпринимателем, впрочем, как и вся семья.

Но вся семья – предприниматели, хотя как сказать. Отец во время застолий говорит так: «Наше дело – произвести товар, сделать, как выражалась Луиза Эдуардовна, «что-то», которое можно продать. А продает его пусть другой, тот, кто хорошо знает кон... конт... конъюнктуру рынка».

– Может, базара? – смеется мама.

– Рын-ка, – твердо отвечает отец.

ПОЭЗИЯ

Лидия ЖЕБУТИНСКАЯ

* * *

Обычный зимний день,
Стоят на страже ели...
Крещенская метель
Целует карусели.
Январские ветра
Со снегопадом спорят
И злые холода
Сочувственно им вторят.
Нежданный снегопад
Запорошил округу.
Тревожит чей-то взгляд.
Мы всё ж нужны друг другу.
Дрожание свечи,
И теплота ладони...
Ответов не ищи,
Не вспоминай о боли!

Валаам

Суровая природа Валаама,
Но как необычайна красота...
И нет здесь петербургского тумана,
А грусть и бесконечна, и легка.
И узкие извилистые тропы.
И спуски, и подъёмы до небес,
И сосны гладкоствольные
Высоко здесь вознеслись...
Вот корабельный лес!
Извилистые тропы Валаама...
Вся благостность
Священных островов...
К полуночной спешит
Паломник рано,
Не досмотрев конец
Последних снов...
Вокруг и благолепие, и благость,
Лишь путник нарушает тишину,
Неся в себе испытанную радость
И сердцем ощущая глубину.

* * *

Как серебрится снег на солнце
И брызжет искорками слез...
И я смотрю в мое оконце,
А за окном – немой вопрос...
И светлой памяти предавшись
Я вспоминаю про сирень,

Что для меня была однажды,
Как у Есенина плетень
С заманчивою недотрогой...
И чем-то давним, и былым...
Моей неспешною дорогой,
Тем, что в душе всегда храним.

Греческий дневник

Какая легкая вода,
Как пенятся морские волны...
Забросила меня судьба
На дальний берег
Эгейский, скромный,
Здесь очертанья не видны
Другого берега, он где-то...
Ну, нет же в том ничьей вины,
Что я встречаю здесь рассветы...
То выбор мой и интерес.
Я к Греции не равнодушна.
И сколько б ни было повес,
Средь них один и с ним нескучно...
Хотя повесою он не был,
В нем полководческий был дар.
И были быстрые победы.
Всегда он чей – то идеал...
На карте древнего Олимпа
Предгорья, спуски, виражи.
Деревня – старая гордячка,
Что отстояла рубежи...
Все солнечно, душа открыта,
История страны в веках...
Ты в этом мире не забыта,
Ничто не превратилось в прах!

Тарханы

В Тарханах воздух
чистый и глубокий,
И небо смотрит
словно с поволокой.
Пшеницу покосили,
пруд не зелен...
В манеже бегают
счастливые мерин.
Лошадка быстрая
меня помчит по кругу
И дальний сад
откроется пред лугом.

Усадьба барская Тарханы –
все привольно!
И в нежном трепете
Тарханское раздолье.
Поэт жил здесь...
Его дыханье всюду,
А малый пруд
слегка подобен чуду.
Само спокойствие
разлито по оврагам.
Цветных лугов
беспечная бравада.

ПРОЗА

Иван БАРКОВ

Последний чебак

Я убирал картофельную ботву, а он не давал покоя и отвлекал от дела. Ссохшаяся, как бы смятая спинка. Прихваченные жарким солнышком охристые плавнички даже не полностью выцвели. С хвостика свисает капля желтого жирка.

Такой аппетитный, что хотелось тут же все бросить и немедленно его съесть! Но этот некрупный чебачок был один – последний, и собравшись с духом, я решил полакомиться позже.

Для скорости высыхания часть улова была вывешена прямо на солнечной стороне дома, для чего на вбитых в стену гвоздях я натянул толстую леску. Подвяленный чебак – лакомство знатное, и те, что покрупнее, давно разошлись. Остался один и настойчиво уводил мысли от дела, заставляя часто сглатывать слюну. Всё же преодолеваю соблазн и добросовестно завершаю начатое.

Наконец-то! Уже протянута рука, делаю шаг к искушению... Тресь!!! Искры из глаз! Ошалело отступаю на шаг. В полном непонимании предпринимаю ещё попытку. Опять искры и звон в голове! Ничего не понятно, обидно, даже боль не чувствую! Что за шутки!? Вот он, а взять не могу. Машинально протягиваю руку, шагаю – ощущения те же... Наконец догадываюсь отступить на пару шагов, но по-прежнему ничего не соображаю. Мистика какая-то. Машинально потираю припухшую переносицу. Пома-лу прихожу в себя. Внимательно рассматриваю объект моего вожделения.

Стена из тёсаных брёвен почти белая от яркого солнца. На её фоне – вяленая рыбка. Вижу – висит на леске, почти не видимой на выгоревшей стене. Но почему не даётся?! Внимательнее всматриваюсь... Фу черт! (И помянешь ведь в сердцах).

Рядом с чебаком, буквально в пол-ладошки от него, замечаю тоненький сосновый черенок от сенных грабель. В солнечном свете напрочь слился со стеной! Опускаю глаза: в траве у завалинки – сами грабли!!!

И хорошо, что этого никто не видел. Зато при случае всегда можно повеселить друзей этой поучительной историей.

Ведь не дважды – трижды!!! И на одни грабли.

Аленький цветочек

Тёплый летний день проступает из памяти, как картинка в причудливой виньетке, яркий к центру и несколько теряющийся в очертаниях по сторонам.

Высоченные сосны, шелестя на легком ветру золотистыми чешуйками коры, процеживают тонко-белые облака сквозь зелёные шевелюры крон.

Шуршат слюдяными крылышками стрекозы, атакуя мошкару. Жуки-стригунцы, усатые и страшные, проносятся с шумом, подобно гулу небольшого самолёта. Воздух наполнен запахом хвои и солнцем.

На обочине тракторной колеи на корточках сидят двое: русоволосая девочка лет семи-восьми с двумя косичками, заплетёнными простенькими ленточками, в ситцевом платьице и явно в мамином, не по росту, переднике, и мальчик немного младше её. Он в самошитых штанах из «чёртовой кожи», облупленных башмачках с загнутыми носами и несмотря на очень тёплую погоду в кепке. На неё повязана сетка-накомарник.

Низко склонившись, они внимательно разглядывают что-то под ногами. Это совсем небольшой, всего в один побег с двумя листочками, росток шиповника. Его венчал чудесный, как показалось детям, сказочной красоты алый цветок. Нашёл его мальчишка. Хотя невдалеке можно было найти множество кустов, благоухающих буйством цвета, его заинтересовал именно этот. Тем более чудесно было, что крохотный росток сохранился и расцвёл прямо на дороге, выбившись из-под затвердевшего следа гусеничного трака.

Но попробовав сорвать находку, мальчуган пребольно исколол пальцы.

Мигом сбегав за сестрой, своим весьма возбуждённым видом отвлёк её от домашних хлопот и уговорил пойти с ним.

Вдоволь налюбовавшись замечательным цветком, но желая спасти его от неминуемой гибели, дети всё же решили хоть ненадолго сохранить это чудо.

Девочка, сложив вдвое краешек передника, бережно сорвала росток. И прекрасный аленький цветочек ещё некоторое время жил в фаянсовом кувшинчике, радуя глаз и источая тончайший аромат.

Настроение

Тундра с высоты более семидесяти метров кажется слегка овальной, как глаз на лице Земли, опушённый по краям обгорелыми ресницами редких сосен и лиственниц. Только с одной стороны, по пойме речушки, бровью выгнулась кромка сохранившегося леса.

Земля просыпается, подставляя лицо тёплому весеннему солнцу, слезится хрусталём озёр, наполненных талыми водами. Мелкие ручейки— капилляры тщетно пытаются освежить воспалённую, израненную огнём поверхность.

Посередине, в самом зрачке, как инородная соринка – буровая вышка. Человек на самой её вершине – на флагштоке. Его переполняют противоречивые непонятные чувства. Поёт ли душа от избытка эмоций, вызванных созерцанием окрестностей с высоты птичьего полёта? Сжалась ли, переживая и сострадавая боли, пережитой некогда этой цветущей бескрайностью? И стон, и песня, так и не вырвавшись из груди, вязнут в широком безмолвии тихо плачущего глаза – тундры. Человек бредёт по окрестности – пустыне, когда-то покрытой мягким ковром мхов и лишайников, на ходу отмечая, что идти легче, чем обычно. За ноги не цепляются карликовые берёзки и переплетения багульников. Мягкие подушки кочек не мешают ходьбе.

Что я здесь делаю? Кому нужен мой след, оставленный на выжженной до блеска поверхности? ЧТО или КТО я на зрачке этого воспалённого глаза? Бездушная соринка, от которой легко проморгаться? Мошка ли, нечаянно застрявшая под веком и не дающая покоя? Сердце придавила тяжесть.

Поток

Жизнь текла половодьем! Берега не могли удержать поток в своих объятиях. И он, переполненный, выплёскивался и разбегался всё дальше и дальше. Дни лепестками черёмух беззаботно и расточительно слетали в него. И несло их, несло вперёд – к неизвестному, но манящему. Туда, где гладкие воды сливались с бескрайней голубизной глубокого Неба. И не было предела свету и Времени...

Постепенно, слегка усмирив неистовство, полые воды открывали цветущие бесконечными желаньями и возможностями просторы. Полный силы поток возвращался в берега и двигался дальше. И теперь уже лепестки других цветов безмятежно качались на его волнах. В пойме рождались молодые родники и питали его своими ручьями. И казалось, нет преграды, способной помешать его течению.

Но как-то незаметно небо потемнело и опустилось. Зрелые травы повыцвели и пали ниц под его тяжестью. И уже Осень, слепо путаясь в них, бродит окрест. Обнажились нависшие берега. А в холодный поток падают не радужные лепестки, а опавшая листва и сор. Тоненькие льдинки назойливо цепляются за надломленные кусты осок, которые, впадая то ли в сон, то ли в гнетущую бессонницу, больше не в силах распрямиться. Ветви кустов и деревьев, опутав чёрной сетью уставшее небо, не могут удержать ускользящий свет. Над стылыми протоками озябший длинный ветер гонит в последний путь разрозненную стаю запоздалых птиц. И только жалобный их плач, упавший в леденящую тишину, словно драгоценный хрусталь, нанизанный на позднюю паутину, всё звенит отголосками Лета.

Поток загустел и потяжелел, очарованный волшебным звоном. И Зима укрыла его тёплым одеялом снегов, чтобы он мог сохранить и передать свои силы юным потокам новой Весны.

Сон

Он приходил несколько раз, причём в разное время жизни, но в мельчайших подробностях и, кажется, всегда в цвете. Во всяком случае, так казалось. Со временем сон уходил, растворялся, согрев мою взрослую жизнь лучиками доброты из детства.

Ясно виделось: конец августа. Вода в протоке уже вошла в предосенний уровень. Мальчишка в шортиках с помочами накрест гуляет по берегу. Обнажилась полоска илистого дна, испещрённая бороздками, оставленными ракушками-перловицами. И вот сандалии сброшены, и пацан бродит по тёплой воде. Заходит глубже, где дно сплошь устлано раковинами. В чистой воде эти создания водились в изобилии. Создавалось ощущение, что ступаешь по булыжной мостовой.

Вдруг икры ног чувствуют лёгкое прикосновение, ещё и ещё, будто их трогает множество нежных пальцев. Да это же рыба! А точнее, косяк чебака, спешащий на зимние квартиры в глубокие омуты лесной речки Хатас.

...Ещё не построили железную дорогу, и её насыпь не перекрыла извечную дорогу косякам. Рыбы было так много, что даже ребёнок, опустив руки в воду, мог легко ухватить одну-две.

И мальчишка кидал и кидал в прибрежную траву живое серебро, отливающее благородным червлением спинок, и гора этих «самородков» на берегу, радужно переливаясь и пестря бледно-оранжевыми искрами плавников, росла и росла. А рыба всё шла и шла...

И тут я просыпался. На душе было тепло и немного тревожно, как после нечаянно-короткой встречи с добрым другом.

Андрей ЛЕОШКОВ

«Васенька, не бойсь!»

Как-то летом ехал я из родного села на первом рейсовом автобусе в Тюмень. Солнце ещё только собиралось проснуться. И в эту прохладную рань пассажиров собралось только пятеро. Подъехал зелёный пазик с надписью на борту: «Губернатор – селу!». Молодой водитель ушёл оформлять путевку. И тут, как говорится, на горизонте появилась тёмная сгорбленная фигура с посохом в руках и какими-то сумками за плечами. Все уже подошли к автобусу. Мужики закурили.

Фигурой оказалась старушка с долговязым лицом, исполосованным морщинами, и блестящими молодыми глазами. Если бы она выпрямилась, то была бы ростом метра два, не меньше. Она шла стремительно и резво. Поздоровалась со всеми.

– Пока корову выгнала, думала, не успею, – прогремела бабка.

– Ещё десять минут, – успокоил её кто-то.

– У-у-у. Так я ещё на дорожку успею татарину долг отдать, – заявила она. Повесила свои котомки прямо на автомобильный номер и зашагала к синему железному строению с буквами «М» и «Ж». Когда вернулась, подошёл веселый водитель.

– Васенька! Сядне ты нас покатишь?

– А ты, бабка Нюра, никак в город?

– Ой, милый, делов у меня там – по горло. Вечером назад надо.

Василий сам надорвал всем билеты, дверь захлопнулась, и мы покатали.

– Васька нас быстро дотаргует! – заверила старушенция и так лихо подмигнула, что трудно было сдержать смех.

– Не сглазь хоть! – выкрикнул Василий.

– Не бойсь! – ответила та.

Эта бабка, усевшаяся впереди салона на сиденье, спиной к водителю, всем обликом своим напоминала булгаковскую Аннушку из «Мастера и Маргариты».

Село еще дремало в утреннем тумане и было безлюдным. И тут до рогу перегородило собиравшееся на выпасы стадо частного скота. Одна чёрно-пёстрая бурёнка преспокойно пила из лужи и даже не собиралась уходить с асфальта, как бы ни сигнализировал истошно автобус. И объехать её никак нельзя было.

– Да это ж моя коровёнка! – спохватилась бабка. – Вот склероз-то! Я ж её напоить забыла. Чёрта с два она щас сдвинется. Открой-ка, Васенька! – сунулась наша попутчица к двери.

– Стала, зараза! Стала, зараза! – заорала она и замахала длинными руками со своим неизменным посохом.

Корова подняла голову на старуху, жалобно и протяжно промычала, хлебнула ещё пару раз и лениво, вальяжно направилась к обочине. Бабка резво заскочила в салон, бормоча что-то под нос.

На выезде из села стояла машина гаишников. Один из патрульных жезлом делал какие-то странные жесты.

– Здорово, Андрюха! – тормозя автобус, крикнул в окно наш шофер.

Из милицейского жигулёнка вылезли ещё двое гаишников с хохотом и, так же как первый, стали показывать на автобус пальцами.

– Вась, далеко ли собрался? – спросил Андрюха, еще больше разливаясь задорным смехом.

Эта картина смутила Василия.

– В Тюмень! Не видишь, что ли? – показал он на табличку с указанным маршрутом на лобовом стекле.

– Гостинцы тёще повёз? – продолжали ржать гайшники.

– Да какие гостинцы?! – выскочил тот из автобуса.

– Вот же!

Тут всем нам стало интересно. Кто привстал, кто приблизился к окну. Теперь смеялся и мотал головой сам шофер. В руках у него были сумки, которые он снял с автомобильного номера.

– Это чьё? – нервно смеясь, потрясал он авоськами, усаживаясь на место.

– Моё, Васенька! Моё! Ой, склероз-то! – запричитала бабка.

...И десять километров до ближайшей деревни весь автобус смеялся, а шофёр задавал жару:

– Прикинь, бабка Нюра, как бы я по Тюмени поехал?!

Доехали мы до города без других приключений. Бабка вышла у нефтегазового университета.

– Смотри, за троллейбус не зацепляй свои сумки! – крикнул ей напоследок Василий.

– Не бойсь, Васенька! Будь здоров! – бодро ответила она и помчалась вдоль по улице Мельникайте.

– А ведь ей уже восемьдесят два! – сказал нам изумлённый водитель.

Девушка на выданье

На днях встречаю свою старую знакомую Екатерину Петровну. Она какая-то нервная, возбужденная. Вместо «здравствуй» – вопрос:

– Андрюша, слышал, Верка Сердючка поет: «Если вам немного за тридцать, есть все шансы выйти за принца»? Так вот, – продолжает Петровна, а сама посмеивается так нервительно. Ну, думаю, сейчас что-то интересенькое услышу.

– Соседка моя, Галина Евстафьевна, уболтала меня, мол, я ещё женщина-красавица, хватит вдовой ходить. Прямо внушила, да и только, будто я баба – самый смак. Говорит, вспомни Зыкину или Гурченко, они же по пять раз замуж выходили. Или на меня (это она про себя намекает)! Возражаю: я ж не артистка, какая там!

А натура человеческая на лесть податлива. Я – домой. К зеркалу. Наряды повиныла, шляпки там всякие, косметичку откопала. Ну и самой смешно стало – как мартышка перед зеркалом. И так, и этак приглядываюсь. А что!? Очень даже вполне! Ночь не спала, сомневалась. С утра – к Евстафьевне. Мы ж на одной площадке, дверь в дверь.

«Согласна!» – заявляю с порога Евстафьевне. – Звони дочери, как там её бюро ритуальных услуг называется, «Кому за 90»?!

– Да не бюро, – говорит, – а служба знакомств «Надежда».

Ну в общем, нашли жениха, молодого, 68 ему. Встречу назначили. Мы с Евстафьевной пельменей настряпали, стол накрыли. Она настойку вишнёвую принесла. Ждём.

Является. Весь при параде. С цветами, тортом, шампанским.

Сидим. Знакомимся. Евстафьевна ещё за наливочкой сбегала.

Хорошо сидим, молодость вспоминаем, песни поём.

Подружка домой засобиралась. Говорит, мол, желаю счастья в личной жизни и так далее! Жених мой захмелел совсем, да и я тоже разомлела.

Ну думаю, не девушка же, чтобы церемониться. Начинать совместную жизнь, так сразу. Уложила его в постель. Сама с краешку пристроилась.

Молодожён-то захрапел моментально.

Утром просыпаюсь. Чем-то воняет. Глядь – а кавалера-то нет.

Первая мысль: ограбил, сбежал. Нет – пиджак на месте... Он в ванной булькается. Одеядло сбрасываю. Простыни нет. А на матрасе коричневый круг... вонючий. Всё ясно. Обделался ухаждёр-то новоявленный. Вот тебе, Евстафьевна, и наливочка-настоячка! Конфуз, да и только.

Он выходит. Всячески извиняется. «Пойду, – говорит, – неудобно».

А уж мне-то как неловко. Дар речи потеряла. Провожая на площадку. Думаю что-то сказать хорошее на прощанье, успокоить немного. Свесилась в пролет, да и кричу: «По-большому захочешь, так приходи!» И смех на меня напал, удержаться не могу. Евстафьевна выходит: «В чем дело?» Рассказываю трагикомедию эту. А Галина и говорит: «Надо было сказать, чтоб в следующий раз с уткой приходил».

Позвали её мужа Михаила и пошли наливочку-настоячку допивать, мою несостоявшуюся свадьбу отмечать. Вот так, милый Андрюша, я теперь снова девушка на выданье.

Фирменные зубы

Записался я к стоматологу в частную клинику. И с первого приема мне здесь понравилось всё. И идеальная чистота, и приветливые улыбки, ненаигранное внимание медперсонала, и вообще культура рабочего процесса, так сказать, культура производства. Да и цены оказались сравнительно приемлемыми. Особенно было приятно узнать, что здесь нет очередей, которые всегда раздражают. Клиенту назначают удобное для него время посещения и отводят, скажем, тридцать минут только на него.

И вот ко второму приёму прихожу за две минуты до появления моего врача. Сквозь стеклянную дверь вижу, что он уже надевает белый халат, резиновые перчатки. Тут рядом со мной присаживается молодой человек, какой-то нервный, приבלатнённого вида.

– Сейчас ты идёшь? – обратился он ко мне.

– Ага.

– Я только узнаю, примет или нет?

– Спрашивай, – говорю равнодушно и замечаю у него под глазом свежевывлитый фингал.

В эту секунду врач выходит и приглашает меня в зубодробильное кресло. К их разговору не прислушиваюсь. А доктор, казавшийся до сего времени строгим и невозмутимым, изменился. Даже через его марлевую маску замечаю, что сначала он не мог сдерживать усмешку и только повторял: «Ну и ну!». Затем, казалось, улыбался, когда колдовал над моим зубом. Его задорное настроение передалось и мне, а профессиональному любопытству моему это был предел. Сплюнув ватку, интересуюсь, что его развеселило.

– Этому парню два месяца назад я поставил мост на четыре верхних зуба. Через пару недель он снова пришёл. Без моста и плюс без двух нижних. С гарантийным талоном. Я вам, кстати, тоже талон выпишу по окончании лечения, на год. Тогда юноша сказал, что в драке их потерял. И заявил, раз я ему гарантировал прочность моста, то обязан восстановить, а за пару нижних он заплатит. Что делать? Такого пациента первый раз встречаю. Сделал всё как надо.

Доктор уже хохотал.

– А сейчас? – спрашиваю. – Снова драка?

– Вот именно.

– И что, опять по гарантии?

– Придётся, – смеётся он в ответ. – Дело чести, как говорится, марка фирмы. На этот раз паренёк оба моста с собой принёс. Вон они, на салфетке лежат.

Это я – ваша совесть

С этой удивительно заводной, энергичной и никогда не унывающей моей знакомой я давно не виделся. И рад был встрече. Екатерина Петровна всю свою жизнь посвятила воспитанию подрастающего поколения. Вела кружки краеведения, декоративно-прикладного искусства, выжигания, аппликации. В свои семьдесят лет ходила с разновозрастными подопечными в турпоходы, руководила «штабом» военизированной игры «Зарница». Словом, несла детям и юношеству светлое, доброе, вечное. К моему удивлению, на расспросы «как жизнь, как здоровье?» приложила руку к сердцу и поведала о своей тревоге.

– Живу всё там же, знаешь, в двухэтажке возле училища. Так вот, дорогой мой, испытала я на днях чувство неопишное. И признаться-то стыдно... Они же мои воспитанники вот с таких лет, – показывает она, вытянув ладонь. – Ребятишки все хорошие. Так вот, посиживаю я на своем балкончике. Ласковому тёплому осеннему солнышку радуюсь. Тротуар под самым домом. Любуюсь на милые лица прохожих. Я же в душе художник, люблю на лица смотреть...

– Слушай дальше! Шагает группа пацанов. Ну, думаю, из училища ребята идут. А они семечки плюют, курят и так страшно матерятся, что я в жизни никогда такого не слышала. Думаю, мне на это вредно глядеть и по возрасту, и по состоянию моего тонкого здоровья, и по воспитанию. Собралась только уходить, но пригляделась и узнала в них всех моих бывших кружковцев и туристов. Я, как выражается современная молодёжь, обалдела. Боже мой, как же так!? Что же делать? Пока я охала-ахала, они удалились. Ладно, соображаю. Завтра, братцы вы мои милые, я вас проучу! Расстроилась так, сил и нервов нет. Валерьянкой успокаивалась. План свой продумала...

Поджидаю их на следующий день «в засаде». Балкончик из деревянных реечек у меня – с наклоном – одна на другой – так устроены, что прохожие меня из-за них не видят, а я их наблюдаю.

В тот же самый час пацаны мои идут. Матерятся громко. Приближаются. Я – за перила. Да таким вот громовым протяжным и внушительным почти басом как заору: «Как вам не стыдно, мальчики, так материться!». Они опешили. По сторонам, по балконам глазают, замешкались. А я им из своего укрытия: «Это я вам говорю! Никогда не материтесь!» Один из них, любимец мой Димка, на балконы вверх смотрит, ничего понять не может, потом кричит: «А кто это?» Я в ответ вдохновенно так, душевно: «Это я... Ваша со-о-о-весть!»

И представляешь, что услышала?! Димка мой гаркнул: «Да пошла ты на х...!» Вот так, дорогой мой Андрюша! А ты спрашиваешь, как дела? Я ползком почти – в комнату, на четвереньках, чтобы соседи меня не увидели, от такого сраму подальше. А ты спрашиваешь, как жизнь? Я и сама не знаю, как?..

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЕВА

«Родился смертным, в делах приобрел бессмертие» или «Энергия доброй памяти»

Перед организаторами II регионального детского художественного конкурса «Азбука Тюмени: предприниматели и меценаты» стояла непростая задача – создать своеобразный детский альбом-энциклопедию по тюменскому предпринимательству второй половины XIX – нач. XX вв. Это определило выбор конкурсной тематики и структуры альбома: «Город в лицах», «Их именами названы улицы», «Усадьбы и их владельцы», «Круг жизни. Век развлечений» и «Обряды и праздники тюменского купечества. От Рождества до Пасхи».

Около двухсот работ юных художников было прислано для участия в конкурсе. 150 лучших из них представили на страницах яркой иллюстрированной книги-картинки. Среди ее авторов – учащиеся детских художественных школ, школ искусств, а также творческих мастерских и студий изобразительного искусства Тюмени в возрасте от 4 до 17 лет.

Смело и свободно фантазируя, используя все богатство ассоциаций, отвагу воображения, юные мастера продемонстрировали умение находить неожиданные повороты тем и сюжетов, оригинальные образно-пластические и композиционные решения. Для осуществления своих замыслов они использовали самые разнообразные техники и материалы. Карандаши, мелки, краски, гелевые ручки, фломастеры оказались их незаменимыми помощниками, чуткими и надежными партнерами в творческом процессе.

Содержание альбома включает разнообразные сюжеты и композиции, привлекающие непосредственным, очень личным, порой забавным их толкованием. Авторы попытались представить, как выглядели Тюмень и ее именитые горожане 100-150 лет назад? Что они любили, как проводили свой досуг и чем занимались? К сожалению, дух, образ «того» города остался лишь на дореволюционных фотографиях, почтовых открытках и в воспоминаниях старожилов. Каким огромным зеркалом событий и фактов располагали юные художники! Город и лица, выхваченные объективом фотоаппарата, кистью или карандашом мастеров прошлого помогли юным художникам перенестись на целое столетие назад, сделать близким, почти осязаемым свет той эпохи.

«Город в лицах» – один из самых интересных разделов – открывает альбом.

Вторая половина XIX–нач. XX столетия – «золотой век» тюменского предпринимательства. На этот период приходится становление и расцвет самых выдающихся купеческих династий Тюмени – Иконниковых, Решетниковых, Шешуковых, Подаруевых, Машаровых, Текутьевых, Колокольниковых, Колмогоровых... Являясь крупными промышленниками, общественными деятелями, благотворителями, меценатами, на свои огромные пожертвования они строили заводы и фабрики, железные дороги и мосты, судовой верфи и пароходы, церкви и больницы, учебные заведения и библиотеки...

Юные художники создали портретную галерею известных и именитых предпринимателей Тюмени, оставивших яркий след в истории города. В их детских по восприятию, но очень выразительных по воплощению

портретах оживают знаменитые персонажи, «рассказывающие о себе и своем времени». К примеру, во внешнем облике многих тюменских предпринимателей: Ф.С. Колмогорова – кожевенного короля, владельца одного из лучших кожевенных заводов России, В.П. Буркова – хлеботорговца, владельца кирпичного завода и собственной типографии, Н.Д. Машарова – основателя и владельца чугунолитейного завода – неожиданный контраст являют старообрядческая борода и светский стиль одежды. «Здесь купцы и мещане, даже молодые, почти все носят бороду, но одеваются по-европейски», – писал о них историк-краевед XIX века И.И. Завалишин.

Значительную часть альбома составили рисунки учащихся творческой мастерской «Радужный город» детско-юношеского центра «Пламя». Сколько прелестной живости и детской непосредственности в их работах. Удивительно точно подмечены характеры персонажей, каждый интересен сам по себе, в своей неповторимости – чертами индивидуальности, биографией, положением в обществе.

В процессе работы над портретами героев юные художники нередко в качестве документального, иконографического источника использовали фотографии из семейных альбомов, а также изучали живописные и графические произведения известных тюменских художников второй половины XIX века – И.А. Калганова и В.Г. Федорова.

Путешествие по портретной галерее, созданной юными художниками, доставляет большую радость. Объединенные вместе работы образуют своеобразный «иконостас», навеки запечатлевший тюменское именитое общество ушедшей эпохи.

Благотворительность и меценатство в среде тюменских предпринимателей были обязательным делом. На свою деятельность они смотрели не только как на источник дохода, но как на миссию, возложенную судьбой. Благодарность современников запечатлелась в названиях городских улиц – Машаровская, Серебряковская, Подаруевская, Войновская, а также переулков Трусовский, Текутьевский, Колмогоровский.

Во втором разделе альбома «Их именами названы улицы Тюмени» юные художники приглашают совершить прогулку по старинным переулкам и улочкам города, которые и спустя два столетия продолжают помнить своих героев.

«Усадьбы и их владельцы» как бы элегический раздел альбома. Здесь представлены работы юных художников на самые любимые им темы: «Тайны старинных усадеб», «Путешествие по старому дому», «Живые картины купеческого быта», «В гостях у тюменских купцов. В кругу семьи».

Многие из изображенных купеческих усадеб стали знаковыми зданиями и символами ключевых моментов в истории Тюмени. Недаром они всегда имели собственное название: «Усадьба Буркова», «Дом Колокольников», «Дом Машарова»... В последних двух открыты мемориальные музеи, где воссозданы интерьеры купеческих усадеб. После их посещения юные художники говорили, что старинные тюменские особняки будто ожили для них и открыли каждому свои тайны.

Биография зданий переплетена с биографиями их обитателей, сквозь облик дома просматривается его хозяин – привычки, манеры, статус и вкус. За каждой семьей скрывается своя интересная история, очень часто – история любви. Семейные портреты, представленные в альбоме, носят камерный, интимный характер. Эти работы дышат жизнью и переносят нас в совершенно особый мир, где царят гармония, нежность, любовь,

уважение, взаимопонимание. Особенно много работ юные художники посвятили усадьбе Буркова и ее владельцам. В процессе их создания авторы использовали старинную фотографию, которая чудом сохранилась в семейном альбоме Бурковых. На ней запечатлены молодой хозяин усадьбы Василий Петрович и его жена Евдокия Ивановна. Фотография была выполнена в ателье В.Ф. Соколова в Тюмени в конце XIX века.

В разделе «Круг жизни. Обряды и праздники тюменского купечества» представлены работы юных художников, посвященные светским развлечениям, а также традиционным религиозным и народным праздникам и забавам тюменских предпринимателей. Они не только много работали, но и отдыхали с весельем, удалством и размахом. Развлечений и зрелищ у наших предков было ничуть не меньше, чем сегодня. Театр и кинематограф, цирк и музыкальные вечера, маскарады в приказчиьем клубе и катание на коньках, гулянья в Загородном саду и бега на ипподроме, это не считая общенародных и христианских праздников. Немало зрителей собирали первые частные электротeatры города: «Весь мир», «Модерн» и «Вольдемар».

Любимой забавой тюменского купечества было также катание на лошадях. На Масленицу катания приобретали наиболее массовый характер, купцы имели возможность показать роскошь своих экипажей, украшенных на сибирский манер нарядными махровыми пушистыми коврами с яркими цветами на черном фоне.

Много фантазии, мастерства, выдумки проявили юные художники при создании больших, сложных по композиции, рисунку, цветовому строю работ на тему старинных сибирских забав, праздников и обрядов: «Масленица», «Шумная и веселая ярмарка», «Рождество», «Пасха» и др.

Время неумолимо бежит вперед, стирая из памяти имена тех, чьи судьбы и дела сыграли важную роль в истории Тюмени. Как духовное завещание нам, сегодняшним, воспринимаются слова выдающегося русского историка Василия Ключевского: «Изучая предков, узнаем самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем пришли в мир, как и для чего мы живем, как и к чему стремимся».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

Кирилл РУСОВ

Жить

Помню отца Кирилла, что был моим Учителем. Он не читал молитв, не ходил в церковь и не соблюдал пост, как это делали почти все православные люди в нашей деревне. Признаюсь, даже я, глядя на них, поначалу грешил сим, но Учитель отучил. В его доме не было ни одной иконы, а Библия стояла между Заратустрой и Илиадой. Слой пыли, примагниченный к корешкам, зудил моё чувство чистоплотности, и когда я посягнул протереть книги, чтоб хоть увидеть истинный цвет обложек, больно получил тростью по спине.

Вместо рясы Учитель носил трико с тремя полосками и шестиклинку. Порой – в особо плохую погоду – надевал галоши, а зимой – валенки. На голой обвислой груди кучерявился седой мох. Нательный крест в нём точно утонул бы.

Одним морозным утром мы отправились в лес «врачевать» молодые берёзы. Коченеющими пальцами я завязывал на стволе одной из них ленточку, как вдруг услышал зов Учителя. Подойдя, увидел: в снегу, харкая кровью, кривлялось нечто.

– Чё это? – спросил Учитель, ткнув тростью в нечто.

– Тварь какая-то...

– Божия, – старик хмыкнул, развернулся и поковылял прочь.

Я, присев, стал разглядывать тварь. Шкура слиплась, уши прижаты, глаза навывкате, зубы стучат. Не сразу узнал я зайца. Окровавленный, весь переломанный, зверёк издыхал и всё никак не мог. Из жалости я захотел прекратить его мучения, начал искать взглядом что-нибудь потяжелее, но вот заметил: несчастный перестал дёргаться, затих. В странном порыве я припорошил его снегом, перекрестился украдкой и поспешил догнать Учителя.

– Кто ж его так?

Старик остановился, подтянул штаны, почесал во мху груди, вскинул взгляд к небу и вымолвил:

– Бох ваш...

Я посмотрел вверх и увидел белую сову. Птица, щурясь, следила за нами. Не спится же...

– Идём, – сказал Учитель. – Подмёрз я децл.

И мы пошли. Я, закутанный в дутый пуховик, и он, в неизменных псевдоадидасовских трениках.

Тем же вечером сидел я у окна. Небо впервые за долгое время оказалось свободным от туч, и звёзды вместе с ополовиненной луной проявляли всю улицу. Перекошенные, словно горбуны, мёртвые домики, щербатый часток-кол, дорога с ледяной колеёй – всё это я заносил в блокнот.

Учитель спал. Казалось, что пламя свечи подрагивает не от сквозняка, а из-за неистового храпа. Я изредка оборачивался на кровать, будто это могло сделать мешающий звук тише. Увы, тот с каждым разом становился лишь громче.

– Ты чортей видишь? – раздался голос.

Я подскочил – карандаш и блокнот полетели куда-то в темноту.

– Господи! – зло шепнул я, схватив нательный крест, и хотел уж матюгнуться, но Учитель перебил:

– Бох ваш не поможет.

Старик стоял в шаге от меня. Его фигура тенью нависла надо мной. Он стал вдвое выше и ссутулился, придавленный потолком.

Кишки сжал ледяной кулак. Я пытался вдохнуть, но не мог. От бессилия и дрожи ноги отказали, и тело опустилось на пол.

– Не бойсь, – сказал Учитель, сев на мой походный табурет. – Не меня страшиться надобно, а этих.

Я поднял глаза. Увидел, что старик стал самим собой – нормальным, каким я знал его вот уже второй месяц. Он смотрел в окно и грозил кому-то пальцем.

* * *

Вчерашнее происшествие я списал на обман зрения: пламя свечи преломило тени, и Учитель показался гигантом. А черти... Так он называл здешних пьяниц, то и дело бродящих в ночи по главной улице. Наутро, особенно после праздника, двух-трёх таких находили на обочине окоченевшими.

А днём, вернувшись из гастронома и ещё раздеваясь в сенях, я услышал:

– Молодость на старого растрчивает... Ходит всё: научи, научи. А чему? Жизни? И сам увидит. Опыту? Обретёт. Вере? У меня и нет её.

В прошлом отец Кирилл был служителем местной церквушки. Я спросил о нём у пары тройки жителей: говорят, после похорон жены старик скинул рясу, снял крест, швырнул в чашу со святой водой и больше в храме не появлялся.

– Учитель, – обратился я к нему в обед, – почему ты не веруешь?

Тот, тщательно пережёвывая дёснами похлёбку, ответил:

– А чё это? Не надобно мне.

– Но ты же был церковником, почему тогда?

Старик вздохнул.

– Нету Боха, – сказал он. – Есь Мир, в Миру – эти лице... лицемер...

– Лицемеры?

– Они. И ещё есь я.

Помолчали.

– А почему лицемеры?

Учитель хмыкнул, брякнул ложкой о пустую миску и привстал.

– Да потому, чё не веруют они истинно, а всё напоказ, и желая подачку за веру получить... от Боха или кого ещё, – старик отвернулся и быстро заговорил: – Я был таким же: верил ради спасения души. Отрёкся. А истинно верующий лишь один в нашем мире, и того казнили.

Эта его манера – говорить нормально наедине с собой, а при мне кривлять слова, казалась обидной. Неужели со мной нельзя так же?

– Кто же тогда создал Мир?

Учитель обернулся, пристально глянул и, прикрыв глаза ладонью, прошептал:

– Я создал... и ты создал.

Слова эти показались мне богохульными – сделал вид, что не расслышал. А старик вновь отвернулся.

– Думает, я богохульствую... А богохульство – верить в догму ради того, чтобы Бог помог, чтобы утешил, чтобы дал силы пережить, чтобы сделал чудо, чтобы была надежда... верить ради себя. Даже если просишь Бога о помощи другому человеку, всё равно делаешь это ради себя, ради своего спокойствия. Лицемерно и эгоистично.

– Но в Новом завете...

– В Новом завете говорится о том же, – старик ссутулился, напрягся.
– Старый лицемерный храм рухнул, и на его камнях воздвигнут новый: точная копия ветхого.

Я не понимал, о чём говорит Учитель. Мои руки привычно потянулись к карману с блокнотом и карандашом. Я начал зарисовывать обстановку, как делал это всегда в таких неудобных ситуациях.

* * *

После разговора мне захотелось побыть одному. Собрался и вышел из дома, побрёл, оскальзываясь, по дороге. Мысли, воспоминания закружились в голове, и я отдался на их волю.

Из города я уехал во время глубокой депрессии спустя месяц после того, как моя любимая девушка оставила нашу съёмную квартиру и ушла к другому. В дороге читал уже третью книгу об одном мексиканском шамане.

Отца Кирилла встретил в местном гастрономе. Старик показался мне обыкновенным нищим, чьи дети и внуки давно позабыли дорогу в родную деревню. Поэтому я не отказался помочь в выборе покупок, ведь мой будущий Учитель совсем не видел цифры на ценниках. После я донёс пакеты до его дома и, с позволения хозяина, остался. Поначалу мягко говоря специфический запах жилища вызывал омерзение, и я старался больше бывать на свежем воздухе. Сейчас же по привычке и почти не чувствую.

Дорога, по которой шёл, вывела к лесу. В задумчивости не заметил, как позади оказалась половина деревни.

В первые дни пребывания здесь удивлялся запущенности, мертвенности поселения. Каждый второй дом заброшен, разрушен или сожжён. Людей почти нет, да и те одни старики либо пьяницы средних лет.

Никогда не ходил один по лесу. Тропы, тропы... Снег хрустел под валенками, и больше никаких звуков. Воздух застыл, оледенел. Что-то красное мелькнуло впереди. Я подошёл ближе и увидел свою вешку: ленточку на берёзе. Значит, где-то рядом – «могила» зайца.

По вчерашним следам, нога в ногу, пошёл. И увидел: снег разрыт, вокруг – комья багрового. Зайца нет.

На обратном пути решил зайти в церковь, единственное в округе строение из кирпича. Прихожане – в основном старушки. Держа свечи почти над головой, они подносили их к иконам, пытаюсь разглядеть лики святых, и шептали. Шёпот, эхом отражаясь от стен, заполнял полумрак залы. Слова сливались в одну громадную молитву, казалось, говорит само Провидение на непонятном небесном языке.

Странно, подумал я, вот – старики. К концу жизни они всё отчаянней верят в Господа. Но отец Кирилл... Неужели потеря близкого может так подкосить человека?

* * *

– Фроська померла, – сказал старик. Он, по-видимому, тоже только вернулся, грел руки у печи. – И Михалыч, и Петька-дурак. Петька-то померз давеча.

Каждую неделю Учитель доводил до меня подобный некролог. Похоже, старая профессиональная привычка: знать обо всех смертях в селенье. Только вот теперь отпевать усопших некому.

– А где твоя жена? – спросил Учитель.

Я выронил куртку, пытаюсь повесить её на крючок, молча посмотрел на старика.

– Чё тарачишься? – усмехнулся он.

– У меня нет жены, – ответил я.
Справившись с курткой, прошёл в хату и сел на свой табурет.
– Как это, нет жены? Возраст – само то.
– Была девушка, – я не смотрел на старика. Отчего-то именно сейчас не хотел разговаривать на эту тему.
– Красивая?
Я промолчал.
– Померла что ль?
– Нет. Просто ушла.
– А моя-то померла...
– Сочувствую, – после недолгой паузы сказал я.
Старик, опершись на трость, поднялся.
– Идём.
– Куда? – я тоже встал.
– К жене. Возьми лопату. В сенях.

* * *

Кресты торчали из сугробов. Редкая могила была прибрана, очищена, подметена. Могила жены Учителя не отличалась от других – заброшенных.
– Во, – сказал старик, – тута она, ведьма старая.
Я смутился, перехватил лопату поудобнее и начал чистить.
Вспомнился двор среди многоэтажек. Я собираю снег в одну большую кучу, строю горку для местной ребятни. Любимая девушка стоит рядом.
«Через год, – говорю я ей, – сделаю такую же для нашего ребёнка».
Она многозначительно молчит. А спустя неделю нахожу справку: сделала аборт.
За спиной раздался кашель, затем – хрип. Я обернулся, увидел: отец Кирилл, весь посиневший, лежит.

* * *

«Твои картины никому не нужны! – кричит она. – Ты ни гроша этим не заработаешь!»
Вещи разбросаны по комнате. Она подбирает их и швыряет в чемодан.
«И заberi своё кольцо! – она срывает его и кидает в меня. – Прощай!»
Хлопает дверь. Я один в опустевшей квартире.
Я вздрогнул и открыл глаза. Воспоминания исчезли, появилась реальность: душный полумрак хаты. Учитель лежал на своей койке.
На кладбище, когда ему стало плохо, я, признаюсь, испугался. Подскочил, начал дёргать, хлопать по щекам, затем попытался поднять, но не смог. И вот, бросив полуголового старика на морозе, побежал за фельдшером. Благо, что медпункт находился неподалёку.
Когда вместе с врачом затащили старика в помещение, я представился как внук. Врач, поверив, сказал, что отцу Кириллу давно пора, за восемьдесят уже. Сделав Учителю укол и подождав, пока тот придёт в себя, отправил домой.
Старик заворочался, повернулся ко мне.
– Зачем ты здесь? – спросил он. Еле говорил.
– Я здесь, чтобы найти выход.
Учитель вздохнул.
– Просто освободись, – сказал он. – Освободись от прошлого и живи, создавая Мир вокруг себя. Никто за тебя это не сделает, ни я, ни твой Бог.
Я молчал. Блокнот и карандаш вновь были в моих руках. Рисовал вслепую.

* * *

– Помру скоро, – сказал старик под утро. – А этот всё сидит и смотрит, чёркает в книжонке своей...

– Что? – спросил я, подняв голову.

– Его ведь нет на самом деле. Зачем ему отвечать? Я умру, и он исчезнет.

– Отец Кирилл, я не понимаю...

– А чё-й понимать тут? – Учитель смотрел на меня. В сумерках его глаза сверкали. – Не хорони меня. Снегом припороши, как зайца тогошнего, мне сойдёт...

Уже бредит, решил я. Думает, что я галлюцинация.

* * *

В обед был фельдшер. Посмотрел, послушал, померил. Покачал головой и шепнул, что завтра придут забирать. Откуда-то узнал – не внук я вовсе, посоветовал собирать вещи. Похоже, решил, что я какой-то аферист.

Прошел день, вечер. Настала ночь. Старик за всё время не ел и не пил, не вымолвил ни слова, даже когда к нему обращались.

Я сидел у окна, разглядывая морозные узоры. Думал. И правда, зачем я здесь? Какой выход ищю? Откуда?

Да, я каждый день вспоминаю о ней, о том, как мы были вместе, как любили друг друга... как у неё прошло чувство, и она ушла. Как спустя время я увидел её с другим. Как звонил каждую ночь, но не дозванивался. Как караулил у работы, но каждый раз её встречал этот. Как начал пить. Как порвал свои картины, виня их во всём. Как решил, что без неё не смогу жить...

Старик что-то прошептал. Я переспросил и вновь не расслышал. Тогда подошёл и сел у койки.

– Исповедуй меня, – попросил он.

– Хорошо...

Учитель взял мою руку.

– Я... сделал много ошибок. Пережил такое, после чего многие ломаются. Близких – никого. Последним остался. Ведьма моя почти до конца рядом, любила крепко, и ту Бог отнял... Я не жалею. Почему? Потому что всё заканчивается. Любовь, дружба, жизнь... подходят к концу. Даже вера кончается.

Старик помолчал.

– Остаётся только... жажда жить. Я очень хочу жить... Жить!..

Он дёрнулся, будто собираясь встать. Его дряхлое тело словно засветилось силой, глаза жадно впитывали мрак хаты, ноздри со свистом вдыхали спёртый воздух...

Рука Учителя ослабла.

Всё закружилось. Я почувствовал, что проваливаюсь в пустоту, что понемногу исчезаю.

* * *

Утром пришёл фельдшер с двумя мужиками. Я дал им денег в надежде, что не пропьют, а купят хороший гроб и похоронят как положено. Всё-таки отец Кирилл отпел всю их родню. Погрузили тело на носилки и, недоверчиво поглядывая, ушли.

Я снова один в пустом жилище.

* * *

Мой походный рюкзак стоял у порога. Остался лишь блокнот и карандаш. Их я держал в руках.

Что-то сломалось во мне в ту ночь, прошедшую у кровати покойного. Когда очнулся, будто бы врезался в реальность, и всё встало на свои места. Последние слова учителя – клеймом в голове.

Я открыл блокнот, начал листать с конца. Вот лежащий на койке старик, затем церковный зал, обеденный стол со скудной едой, зимняя улица в окне, мёртвый заяц... лицо отца Кирилла, что нарисовал сразу по приезду. Остальные листы чистые. Но... я давно рисую в этом блокноте, не мог же всё стереть, всё своё прошлое.

– Мог, – сказал я себе.

Снял крестик, положил на печь. Оделся. Поднял рюкзак, ещё раз оглядел хату. Солнечный свет показывал каждую пылинку в воздухе. Стол пуст. Полка забита нечитаными книгами. Койка застелена.

Я улыбнулся и вышел.

Жить.

2018

Нина КОРЯКИНА

Пичуга

Шла четвёртая зима военного лихолетья. Хотя на Урале не знали войны, эхо её раздавалось в деревнях каждый день. Голодное, до опухания тела, и босое, до единственных штопаных-перештопанных пимов на зиму и лето. Водной из таких уральских деревушек, Томоле, жила с матерью и сёстрами восьмилетняя Нина. Изношенная непосильной колхозной работой мать и рано повзрослевшие шестеро девочек дожидались в худой избёнке своего воина, тату, как на белорусский манер называли они отца.

Уральская зима ранняя. Не успеет сырая осень отплакать дождями, как укрывает землю снег. Бывало, что и в сентябре выпадает, а покровом уже в конце октября лежит. Долгая зима, суровая, тёмная. В такое время все жмутся поближе друг к другу да к тёплой печи, коли есть чем топить. Но не на печке грелась босоногая Нина, а просиживала у оконца, ковыряя пальцами намёрзший лёд, да прислушивалась к осторожным шагам матёрых волков, нагло забежавших под самые окна. А серых хищников в войну расплодилось без счёта и, казалось, будто они тоже сбились со всей страны в одну стаю. Слушала их частое дыхание, и сердце замирало. Недавно волки загнали маму и старшую сестру Марею на крышу бани, где те просидели на морозе до рассвета. Как они спаслись от верной гибели, Бог ведает.

Как-то утром Нина, едва спрыгнув с полатей, подбежала к окошку. Солнце светило сквозь лёд, да так сильно, будто возвращало в их полный скорби дом тихое счастье. И вдруг откуда ни возьмись пичуга! Яркая, с красной грудкой. Запорхала у окна, застучала носиком.

– Знать, весть принесла добрую, – улыбнулась птичке девчушка. – Может, войне проклятуцей конец?

А потом они с сёстрами носили воду, варили из крапивы и единственной сморщенной картофелины скудную похлёбку, нянчили младших, и утреннее происшествие с птичкой забылось. Но вечером вернулся с войны отец.

«Тату, родненький, тату!» – Нина кричала громче всех, когда солдат, весь в клубках морозного пара, переступил через порог и поставил у двери вещмешок. «Ну будет, пичуга! – отец чуть отстранил от себя Нину и девичью ватагу. – Дайте-ка Гашу обниму!» Худенькая мать, совсем ещё молодая, но в свои тридцать шесть выглядевшая старухой, сгорбленная, в какой-то дырявой кацавейке и всё в тех же штопаных пимах. Стояла, протягивая бойцу костлявые руки, сотрясалась от рыданий, беззвучных и бесслёзных, – уж выплакала, выкричала, что могла. «Н-да, вот как мужа встречаешь. – ухмыльнулся отец. – Ни слезинки. Знать, не горевала обо мне».

И всё. С того часу поселилась в доме лютая зима. За окном зима, и у печи стужа. Мать по-прежнему вкалывала на колхозной работе, надрываясь за трудодни, по-прежнему пухла от голода, получая от вечно теперь пьяненького мужа вместо ласки кулаки да издёвки. И толстая, дескать, она стала, и обувки-то у неё никакой, да и одеваться не умеет. А по пьяной лавочке тату, вернувшийся из Ленинградского госпиталя, вообще хвалился, что, мол, завёл там кралю-медсестричку. Уж какую стройную да красивую, в сапожках и платице. А если волосы на бумажки навертит, то от этих кудряшек он будто с ума сходил.

Нина плакала, глядя на горем убитую мать, и не верила, что этот чужак, хвастающийся медалью «За оборону Ленинграда» и своими любовными

подвигами, и есть их тату, умный и добрый, певчий на клиросе в церковном хоре, труженик и редкий семьянин. Был, да весь вышел. «Знать, война проклятущая всё забрала, – тянулись невеселые мысли. – И когда ж это кончится...» Но тогда Нина не ведала, что всему пришло лишь начало.

Зимним днём, когда матери дома не было, внезапно вернулся с колхозной работы отец. Весёлый, трезвый. «Таня, Нина, – позвал дочерей. – Мне лошадь в колхозе дали, надо в Пальмино съездить по делам. Прокачу?» Нинино сердце забилося часто-часто: «Та-ту! Та-ту!» Выскочили с Танькой в чём были, на босу ногу, насунув чуни, ай не всё ли равно, а в санях дохой тату укроет, как-нибудь вдвоём не замёрзнут, километров пятнадцать всего. Забрались в сани, накрыл их отец, укутал, стеганул по лошади, и айда через леса и деревни!

Приехали в Пальмино. «Мы нонче здесь жить будем. Меня завхозом взяли и комнатушку дали. На троих», – как гром среди ясного неба услышали сёстры тихий голос отца. И тут же рык: «Выл-лазь, кому сказано!» Нина не ожидала такого предательства, и от кого – от любимого тату. Надежда, что все изменится, вспыхнула на секунду, как сырая лучинка, и погасла. Навсегда. Замкнулась Нина. Почернело все вокруг. Беспроглядными стали дни и ночи. «Мама, мама», – горевала девочка, не замечая ничего и никого. И опять часами просиживала у окна в своей новой каморке, ковыряя бесконечные льдинки, растаявшие и тут же прихваченные морозом.

Отдали её в школу. Чужие дети, чужой класс, до учёбы ли. Везде она, мама. И на уроках чтения, и на уроках письма – думки о ней, тягостные, колючие, как иголки, и где-то там, на задворках души, остатки тепла: а ну как отец спохватится да одумается, ведь это же их тату, только сейчас каким-то непонятным образом в нём душа чужака, холодная, как зима.

На новый год отец женился. Просто съехался с красивой солдаткой Лизой, почти сразу обрюхатил её, и, как водится, о них с Танькой напрочь забыл. Зато Лиза не забыла. От убитого на войне мужа у неё уже был сын, и в ожидании нового ребенка эти две «оглоедки», как Лиза называла Нину и Таньку, в доме были совсем ни к чему. Лиза частенько давала затрещину то одной сестре, то другой, а еду приходилось выпрашивать, хотя бы кусок на двоих. Но Нина ничего не замечала, всё прощала и по обыкновению своему молчала.

Невесёлый пришёл новый 1945 год. О маме и сёстрах так ничего и не было известно, отец тайлся, а о том, чтобы сбежать в дырявой одежонке в 40-градусный мороз в неизвестную дорогу, Нина думать не хотела. Такие думки вытесняли нежный мамин образ, почти всё время стоявший перед глазами. Да и отчего-то мысли стали тягучими, как кисель. Но чего не замечала девочка, видели другие. Жившая этажом ниже тётя Варя частенько виделась с Лизой в общей кухоньке. Лиза заваривала при тёте Варе какую-то травку, а потом разливала это варево по чашкам для Таньки и Нины. «Что это у тебя?» – как-то полюбопытствовала соседка. «Витамины», – стиснув зубы, процедила Лиза. Варя давно уже догадывалась, что это были за витамины, и глядя на квёлую Нину, окончательно всё поняла. И как раз под Рождество не выдержала.

В тёмном общем коридоре схватила Нину за плечо, а та даже не испугалась. Девчонке давно было всё равно, бьют ли её, пугают ли. «Бежать вам надо, со свету вас Лизка сживёт», – горячий шёпот соседки будто будил Нину. – Сегодня же надо, как в школу пойдёте. Скажи сестре. Дорогу я

вам покажу. Ничего, Бог даст, выйдете в свою деревню. Бог даст, не замерзнёте. Бог даст...»

А дальше – как в беспокойном сне, когда лихomanка бьёт. Не помнит Нина, как Таньке сказала и как та согласно закивала, не помнит, как в школу пошли, а за углом их тётя Варя ждала и в другую сторону от Пальмино повела, не помнит, как на дорогу рукавом махнула да приказала строго-настроено не сворачивать. Очнулась, лишь когда в глаза что-то больно ударило – то был луч клонившегося к закату солнца. Холод добирался аж до сердца. Руки заледенели. Да ещё Танька, хоть и старше на два года, но глупая, как малый ребёнок, трясла Нину за воротник. «Ты, дурында, – плакала Танька, – вот куда идти-то щас?» «Как это куда, домой», – отвечала Нина, с трудом сама понимая, где он, дом. «Я у тебя сто раз спрашивала, куда свернуть, – надрывалась сестра, – ты что мне сказала: вон туда; а вон туда мы и пришли, не знамо куда... Дурында-а-а». «Сама ты чадо гнилое», – огрызнулась Нина, вспомнив, как их с сестрой «любовно» называла Лиза.

Девочка огляделась. Темнело. Кругом высокие сосны, через пару-тройку деревьев просвета уже не видать. И дорожка одна, едва различимая. Оглянулась, а позади плотным кольцом обступила чащоба. Деваться было некуда, и сёстры зашагали. Подмораживало. Танька, кутаясь в платок, молчала. Было и без слов понятно, что они заплутали. А тут ещё заледенелые сучья стали падать с громким стуком, будто их кто рубил. Внезапно позади затопало и запыхтело, и трусливая Танька, заорав, бросилась бежать. Нина – следом, хотя и была не робкого десятка. Тяжёлое дыхание и топот заполонили весь мир. «Волки!» – не оглядываясь, в один голос закричали сёстры. Но сделав пару шагов, Нина растянулась, зацепившись одежкой за куст, и зажмурилась. «Стойте, девки! Дайте отдышаться! – у самого уха раздался голос. – Не бегите. Болото там!»

...«Вы откель, бедолаги?» – дед в валенках и с топором за поясом усадил девочек в сани и накрыл дохой. «В Томоль идём, – за двоих ответила Нина, – домой». «Вот слушайте. Тут до Томоля ещё километров десять, почитай, будя. Заплутали вы. В лес идёте. А дороги дальше нетути. Я за дровами сюда из колхоза ездию. А мы вот так исделаем. Я вас чичас через Ермакова провезу, а уж дальше сами. А по лесу не бродить! Волков нонче страсть».

Замелькали вёрсты, лошадка бежит быстро, сон морит. Сомлевшую Нину толкнула чья-то рука: «Все, пичуги, вылазь, – это был их провожатый, – нельзя мне доле, лошадь уж давно пора в колхоз вертать. А вы по энтой дороге идите, ага, токма матрите, никуда боле не сворачивайте, она прямёхонько до Томоля-то. И вот, сухарь вам, что ля, хоть один, да всё ж не с пустым брюхом по морозу».

Сёстры, кивнув деду напоследок, затопали по дороге. Казалось, вот и все, почти дома. Только Танька через час загрустила и шаг поубавила. Снова куталась в платок, горбилась, ныла, плелась всё тише и тише. Видать, заболела. Уже и сухарь съели без остатка. И того и гляди ночь опустится на белый мир. А Томоли всё не видать. Но Нина верила, что за холмом их с Танькой ждёт мама. Цепляясь за эти мысли, она побежала, и только минут через десять поняла, что одна. Таньки нигде не было. Пришлось возвращаться и искать. Заболевшая сестра лежала тряпочкой прямо на дороге.

«Танька, дурында, чадушко ты моё, вставай! Немного осталось, вон избы видать, – плакала Нина. – Темно, страшно мне одной», – девочка заливалась слезами и звала сестру. И вдруг, словно из-под земли, из окоченевших и

побелевших Танькиных губ послышался тихий голос: «Нииин, смотри, звезда! Нииин, красиво-то как!» Девочки взглянули на небо. Оттуда, из холодной синей тьмы, подмигивала им сверху первая рождественская звезда.

А на Старый Новый год в доме появился отец. Мама как раз вернулась с молоканки, принесла немного обрата, и в хате настал настоящий праздник. Девчонки весело галдели и бегали, натываясь то на ведро, то на ухват, а мать беззлобно хлестала их веником. Вдруг распахнулась дверь, и в клубах морозного пара в проёме возникла фигура отца. Он зашёл, сел на скамью, положив у ног всё тот же вещмешок. Кашлянул. «Гаша, там это, калитку поправить надо бы. Я после Святков поправлю, ладно?» – ёрзая на скамье, выдал он. «Да не к спеху же, Егорушка», – вздохнула мать.

И Нине вдруг показалось, что в избе стало так светло и тепло, даже жарко, от пылающих в печи дров, лада меж домочадцами и хозяйствующего в доме светлого рождественского счастья.

Светлана ГЛЕБОВА

За часом час
Такая,
Знаешь,
Занавеска
Прикрыла
Голос мой рукой,
А мир всё
Катится
По рельсам,
А мир всё
Катится.
Пустой.

За часом час.
За слоем слой.
Всё за тобой.
Всё за тобой.

Такая
Искренняя
Вера.
Такая
Солнечная
Стынь.
Нет больше
Радостного
Смеха.
Осталась
Серая пустыня
И только
Тянущая боль.

Когда
Нет стимула
Подняться,
Когда
Нет знания пути,
Когда
На выбеленных
Рельсах
Нет направления –
Нет сил.
Когда
Руками закрываешь
Свою холодную
Печаль,

Когда
Назавтра
Ты не знаешь,
Что сердце
Делало вчера.

За часом час.
За слоем слой.
Ты сам не свой.
Ты сам не свой.

Такой вот
Кованый
Заборчик
Ты в мыслях
Выстроил себе.
Тебя теперь
Обида
Точит,
Тебе мешает
Быть ценней.

За часом час.
За слоем слой.
Постой, постой,
Ты сам не свой.

Такая,
Будто бы
Страничка,
Перелистнул –
И боли нет.
А за тобою
Электричка
Несётся вслед,
Несётся вслед.
И между вами
Две секунды.
Один бесценный
Slow-кадр.

И ты в поту
Проснулся.
Чудо!
Не опоздал.
Не потерял.

Hugge

Я завернусь в уютный плед
С горячей чашечкою чая.
Я вспомню горестный момент,
Но вспомню радостный сначала.

В моей душе покой молчит.
И только мерзостные кошки
Скребут по ней, крадут ключи,
Со мной играя понарошку.

Окей, великолепный гугл,
Быть может, всё-таки подскажешь,
Куда всё дни мои бегут
И почему я стала старше?

Под пледом мне теплым-тепло,
Тревоги растворились с чаем,
А на душе опять светло,
Хотя я только что скучала.

А кошки что? Они сбегут.
Душа же вырвется из плена.
Целебный плед и чай спасут,
Я получу покой бесценный.

Впусти весну в своё окно

Впусти весну в своё окно.
Пусть будет бесконечным воздух.
Не думай, будто это поздно
Или меняться тяжело.

Прочти послания её,
Пока ты дышишь кислородом,
Пока мечтаешь мимоходом
Найти покой в пути своём.

И досточтимая весна
Пришлёт нам аудиозапись,
Где птиц есть трели всем на зависть,
Где есть надежда и она.

Где каждый шаг – большая честь
Её приветствовать душевно,
Где всё надёжно и волшебю,
Где радость жить, где песня есть.

Без тумана

Когда рассеялись туманом
Мои сомнения в себе,
Я стала думать о желанном
И самом лучшем светлом дне,
О представлениях о счастье –
Избитой рифмой не прогнать,
О слове, что не в нашей власти,
Давать его или отнять.
Бескомментарная суббота
Лежит на жареном боку,
Поликом сливками, с компотом
От бабушки. По потолку
Гуляет муха, заматая
Едва заметные следы.
Снег неизбежно в парке тает,
Не создавая красоты.
Туман рассеется рассветом.
Вуаль иллюзий оборвёт.
Стихи напишутся поэтом,
Пока он никому не врёт.
Что дрожь сомнений

За искусство?

Что трепетно спешит обнять?
Что обнажили наши чувства,
На чьи очки теперь пенять?
Глаголом обнимаю мысли.
Глаголом бью в колокола!
Глаголом обжигаясь быстрым,
Пока могу, пока цела.
И сгустком искренней обиды,
Комком обычной пустоты
Мои слова летят от биты
Суровой жизненной лапты.
Когда не спится, а живётся
С собой такой наперевес,
Бывает, меркнет даже солнце,
За облаками без небес.
Бывает, одолеет скука,
Бывает, съест мою печаль,
А не поняв моих поступков,
Вернётся на родной причал.

29.03.2018

* * *

Вслед за тоской
Белой рекой
Я прошептала: «Таю»...

Только сама,
Только вперёд
Вслед за пушистым снегом.

Боготворю
Сонный покой,
В горечи пропадая.

Это потом
Выстывший дом,
Топленный накануне.

Солнце как мёд
Мрак разорвёт
Нитью сладчайшей неги.

Это потом
Жарким огнём
Прошлое боль остудит.

Мой мир

Мой мир не может
Чёрно-белым быть
По умолчанию
Или по зябкой сути.
Миг осторожен
И хорош в пути,
Другого мига-
Близнеца не будет.

«Я сама», решается
И плачется мгновенно.

За параллелью
Негативов сна
Осталась тень
Полууспешной дрёмы.
Звучит капелью
Зимнего тепла,
Пришедшего
В холодные хоромы.

Мой мир не может
Чёрно-белым быть!
То мой протест
Неоднозначной сути
Букета замороженного
В грусть.

Мой мир послушно
Чёрно-бел не будет.

За параллелью
Радуги зеркал,
За первым делом
После просветлений
Читается открыто

Зарыта в нём
Испытанности суть,
Заверены
Поспешные мотивы.
Прошу, не верь
И чёрно-бел не будь.
Пусть вопреки,
Я верю в светлый путь
Привычной грусти
Жадным переливам.

Ирина ВЫСОЦКАЯ

Птица моя Гамаюн

А моя Гамаюн кукушкой
Счет ведет – день за год – ку-ку,
Притворялась она простушкой,
На дубовом вопя суку.

А моя Гамаюн мне ласточкой
Рисовалась над полем ржи.
Где та кисть, карандаш, где красочки?
Где, вещунья моя, скажи...

Мне моя Гамаюн голубкою
Часто виделась в детских снах.
Детство вылетело скорлупкою
Из гнезда и разбилось в прах.

Мне моя гамаюн жар-птицею
Золотилась в простом окне.
Не скупая – плачу сторицею
За разводы на полотне.

Куковала, смеясь, курлыкала,
Ты ль, вещая в туманной мгле,
Мне моя Гамаюн накликала
Жизнь недолгую на земле.

* * *

Молчишь. В далёком далеке
Кривым узором,
Лаская тень на потолке,
По коридору,
Где шепот гложет тишину,
Свисает сонность
Ночей
 в бездонность,
 в глубину,
 в глазасто-чёрность...

* * *

Один. Одна. Наедине...
Мы не касаемся друг друга
Тайком на внешней стороне
Тоскливо-зябкого досуга.

Мы в олеандровых кустах
Не ищем запахов сирени,
Нас нет вдвоем. Мы – пустота
По одному – людские тени.

Полны пространством без границ,
О наши души безграничны,
Друг друга мы не помним лиц,
Так легче, проще, так привычно.

* * *

И сорок лун над башнею светило,
Сияло сорок лун,
И маятником звёздное кадило
Касалось звонких струн.

И чёту нечетом навязчиво грозило
Течение зыбких дней,
Из амбразур безудержно сквозило
И из глухих щелей.

И сад осыпал лёгкие соцветья,
И день раскинул свет,
И минули давно тысячелетья,
Сто тысяч долгих лет.

* * *

Всё напрасно. И ветер весенний,
Птицы с юга, берёзы поклон,
И вчерашний влюблённый Есенин,
И на вешалке – старый хитон.

Позабыто, заброшено, смято,
Ключья листьев чернеют в земле,
Со страницы шестьсот двадцать пятой
Блеском давишь мой звон в хрустале.

Не лепечут в углах херувимы,
Молча смотрят и ждут теплоты,
Каплет воском и слабостью винной
Сад, в котором не вянут цветы.

* * *

И шептались где-то клены
Далеко листвою зелёной,
И светило солнце мая,
По воде лучом играя.

И сплетались в нежно-синем
Апогее черт и линий
Васильковым небом струны
Наших дней, беспечно-юных.

* * *

В туманах, как в полуобъятых, Пойти отыскивать стихи, И робким голосом некстати Просить тепла чужой руки,	Стекать слезливым стеарином В немое отражение глаз.
Навстречу веять зябким ветром До соучастных лиц угла, Смотать в рулетку километры Времён, испепелив дотла	Родиться в страхе и от крика, Бежать по лицам и рукам Одной до одури безликой Рекой по скалам и камням
Свой дом, окутанный муслином Ночей, подстерегавших час,	К Твоим садам на побережье, К Твоим словам и свету дня, Мне не по силам безмятежье, Прости меня...

* * *

Я убегала в шумный город,
Меняла лица на дороги,
Но тщетны, жалки и убоги
Мои попытки влиться в холод.

Я растворялась зимней ночью
В прохожих, редких и хрустящих,
В позёмках, по следам скользящих,
И в белых-белых снежных клочьях.

Я заволакивала небо,
Дышала изморосью – просто
Надеялась, проглотят вёрсты
И отдалят тебя, как небыль.

ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ТАРКОВСКИЙ

Тобольский образ

*«...Пришед в Сибирскую землю, татарове же сего убояшася
русских вой много пришествия, избегоша от града своего,
иде же прежде сего быть в Сибири татарский их городок стольный
усть Тобола и Иртыша иже именуемый Сибирь, оставиша его пуста.*

*Русии же вои придоша и седоша в нём и утвердивше град крепко,
иде же бо ныне именуемый Богоспасаемый град Тоболеск».*

Из Есиповской летописи

Много на Руси, а особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, мест удивительных, овеянных легендами, напитанных древностью до какой-то сказочной недоступности, конечно кажущейся, но и справедливой, поскольку до каждого такого места надо дорасти и потрудиться. И до поры живешь без него, пока не одарит Божья воля силой, пока вдруг неумолимо не подойдёт решение, завораживая, маня, и не развернёт жизнь на несусветный какой-то градус. И уже непонятно, как можно было существовать таким обездоленным, спокойно дышать, ходить, спать, пока далёкий город, река, урочище существуют где-то там таинственно и полно... Но без меня.

Зима. Сибирь. Дорога. Ночёвка в дальнобойном заездем дворе на федеральной трассе. Раннее сине-чёрное утро. Свет фар на накатанном и сахарном снежном полотне, выезд на промороженный асфальт. Жар пещки. Голос Василия Вялкова, музыканта из Турочака, который всегда с нами. Песня омича Владимира Ворожко «Лодочка»:

Ой попутным ветерко-о-ом
Тихо лодочка плывё-от,
А на лодочке казачок
Песню вольную поё-от...

На Чувашевом мысу-у-у,
Потерял свово дружка-а-а...
Тихо лодочка плывё-ёт,
Грустно льётся песенка-а...

Вялкова мы слушаем всё время, его музыка будто озвучивает то, что проплывает за окном, наполняет новым объединяющим смыслом.

На Чувашском мысу произошёл бой Ермака Тимофеевича с войском хана Кучума.

В Тобольске мы никогда не были. Тобольск с 1590 года стал разрядным городом и центром освоения Сибири. Как написано в справочниках, по преданию, город основан в праздник Святой Троицы недалеко от места, возле которого высадились воины Ермака во время знаменитой битвы на Чувашском мысу, решившей вопрос о присоединении Сибирского ханства к России. Первой городской постройкой стала Троицкая церковь, а мыс был назван Троицким.

Бывает, представляешь пространство, куда держишь путь, по рассказам, картинам да фотографиям, и оно в душе разрастается огромно и былинно, а на

поверку оказывается будничнее, трезвее, тише и будто учит нас этой сирости, умению узреть глубину под неяркой оболочкой. И вот крепишь силой любви это серенькое, неброское, несёшь дальше в жизнь в его сирости, жалея и сострадавая, и то умиляясь сам себе, а то и устыдившись умиления и запутавшись сам в себе, в своём мудрствовании.

И вот Тобольск... Сколь раз глядел в его сторону с востока, с гористой таёжной выси, с заенисейской дали, чуя его примерно и снисходительно, особо и не различая, не расплетая речных завязей и слияний, зная, что да, есть заповедно-летописный город где-то там, в стороне от Транссиба, между Камнем-Уралом и Обью, затерявшийся на извилистых речках, в болотистой кедровой плоскотине. И что живёт там Аркадий Григорьевич Елфимов, знаменитый издатель и собиратель Русского мира, хранитель города. К нему и лежала наша дорога.

Далеко на востоке остались Красноярск и Новосибирск. Ночуем в деревне неподалёку от Ялуторовска. Наш путевождь Сергей Васильевич, приняв нас под свой надзор на Тюменской земле, завёз на постой к своему старинному товарищу, пенсионеру и специалисту по берёзовым веникам, заготавливающему ежегодно их тысячу на продажу в Тюмень. Напарившись с ночи в бане, идя хрустким снежным двором в избу, гляжу на звёздное морозное небо, обещающее ясное утро. И переживаю, выстоит ли яснец, не замутит ли хмарью наш въезд в стольный град Тобольск.

Но не стал Господь пытаться нас непогодой, тусклым взором слабеющих звёзд, серым налётом западного ветра, снегом в ветровое стекло, мокрой черканиной дворников.

Ясное морозное утро. Подъезжаем и видим по-над яром дивный белый кремль. Освещённый косым зимним солнцем, налитой нежным варенцом крепнущих лучей, он стоял в морозце, будто медный и впечатанный, как герб, в серебряную заиндевелую округу, ещё отходящую от ночи. Словно Господь Бог дарил образ раз и навсегда, пытая взор на крепость, а душу на выносливость, на ту же медность, печатность, способность додержать чеканку, не уронить силы и ясности.

«На Чувашевом мысу-у-у...»

Тобольск относительно небольшой (около ста тысяч населения) город, в котором эта некрупность только подчёркивает штучность, значимость. Плотность и концентрация прошлого здесь небывалая и какая-то ненатуральная. Дух места явственен. Плотно и творожно-свеже глядят известкой белёные стены. Многие памятники восстановлены, но ещё множество нуждается в возрождении.

С Аркадием Елфимовым я был знаком заочно и телефонно, и конечно, много о нём слышал. Масштаб его заслуг перед Отечеством представлял, но тоже издали, обобщённо, что да, есть такой знаменитый издатель, радеющий о культурном наследии, выпускающий богато книги и руководящий «Фондом возрождения Тобольска». Но одно дело представлять, а другое – увидеть.

Аркадий каждым движением своей жизни, её воздухом, даже просто своим видом созидает, продолжает образ старинного купца-собирателя Русской земли. Это касается всего: и его дома, где каждая картина, каждый завиток на письменном столе дышит обращением к истории, ходом жизни от прошлого к будущему, служит этому ходу сдержанно и собранно, как и сам хозяин. Вот он на одном из портретов – в бородке на этот раз, чуть задумчивый, далёкий какой-то, сумрачный, отрешённый и уходящий, уводящий и нас в сумрак времён, в старинную даль, где уже нет ни имени, ни личности, а лишь преемственность и память. Словно говорит этот обобщающе знакомый портрет: жизнь прошла, а созданное осталось. Вот в этой отрешённости и обобщённости, возможно, и есть загадка Елфимова, созидательный мир которого настолько говорящ сам по

себе и настолько работает на многовековое, что давно уже отделился от своего автора, и тот существует близь него ненавязчивой тенью, его малой, естественной и сдержанной частью, давно не принадлежащей себе.

Аркадий Елфимов создал из своей судьбы поступок, который многократно перекрыл, перевесил личное, человеческое, деловое, эгоистическое, и мы, с благодарностью глядя на изданные им книги или заложенный парк, чувствуем, что это лишь закрайки, надводные части того огромного и нематериального, что делает человека принадлежащим тайне истории уже при жизни. Это то, с чем, покидая дорогое такое место, ещё долго пытаешься осознать увиденное, услышанное и пережитое. Именно оно даёт небывалые силы на созидание и служение Отечеству, в котором мы ещё вчера казались себе такими бессильно одинокими.

Образ... Как не пытаюсь обойтись без этого слова – не выходит. Один издатель сказал, глядя на дорогие и прихотливо оформленные фолианты, изданные Елфимовым, что мол, я бы на эти деньги сотни тысяч дешёвых книг издал. Ну издал бы. И добавил своё суетное слово в брошюру времени, в нынешнюю литературную макулатуру несметных дяляческих тиражей на газетной бумаге, унижающих книгу по содержанию, и внутреннему, и внешнему, яркие снаружи и рыхлые внутри книжонки, жалко-одноразовые и бросаемые в придорожных уборных.

А Аркадий Елфимов вопреки всему возродил и терпеливо несёт образ книги как драгоценности, реликвии и свидетельства, чего-то именного, отмеченного клеймом личного, сокровенного и ответственного, как картина или оружейный ствол.

Конец февраля в Сибири. Зима, а мы садим дерево в парке у Аркадия Григорьевича. Здесь много деревьев, и одно из них посажено недавно ушедшим от нас Валентином Григорьевичем Распутиным. И настолько ещё зияет пустота от его ухода, что кажется, и наше дерево тоже связано с ним, тоже садится в его память. Солнце. Кругом сияет снег. Просторная лунка для саженца. На срезе от лопаты грань, плоть земли на удивление талая, искристая, влажная и живая, готовая принять, вырастить, выкормить наше дерево памяти. И эта неожиданная готовность земли к поддержанию жизни, к умножению и продолжению – как урок и напоминание, какое духовное богатство нам завещано и сколь неотвратима кара за нерадение.

Заканчивается наше пребывание в Тобольске. Темнеет и надвигается зимний и предвесенний вечер, бежит асфальт под белый капот и отгорает, удаляется город-символ, город-герб, навсегда отпечатавшись в душе и догорая там, созревая и достывая.

Как часто недоглядываем настоящее, ещё недочеканное, не достывшее, не додержанное оптикой дистанции. И всё ждём, пока затуманится, удалится, чтоб уже, держа на отлёте, взглянуть осмысленно на отступившее близкое, и маемся этой близостью, стыдясь в ней личной привязи. И всё любуемся прошлым, что с годами набирает притягательности, сквозь завесу лет выглядя всё затёртей и дороже, и этот тусклый и драгоценный блеск почти в прелесть уводит очарованные души.

В том и пожизненное чудо Тобольска, что неисповедимым образом прошлое происходит здесь сегодня и среди бела дня. И переходя в будущее, явью стоит пред очами, даруя настоящее. Это и есть неделимость русского времени, слияние смыслов. Будто драгоценный нимб вечной России сияет над святым и удивительном этим местом. На Чувашевом мысу.

Анатолий Омельчук и прекрасная Оэлун, мать Чингисхана

*(интервью с Натальей Дворцовой по случаю получения писателем
Большой литературной премии России)*

Наталья Дворцова: Начнем с вопроса серьёзного. Все знают, что существует два результата творчества художника, впрочем, как и творчества любого человека: с одной стороны, – это произведения, книги, картины, фильмы, спектакли и т.д., с другой стороны, – это жизнь. И мой вопрос имеет отношение именно к этому факту. Что для вас важнее: сочинение книг или сотворение собственной жизни?

Анатолий Омельчук: Я думаю, пишущему человеку, даже сумасшедшему пишущему, даже человеку не от мира сего, естественно, в первую очередь важна его жизнь, а творчество в любом случае только часть её. И это несравнимые величины. Наш общий любимец Михаил Михайлович Пришвин давно очень четко сформулировал мысль о жизнетворчестве, жизни как творчестве. Нас боженька выпускает в этот мир для творчества жизни. Творчество жизни, конечно, это основное.

Н.Д.: В русской культуре по меньшей мере трёх последних веков главное искусство для художника – это искусство жизни. Для русских писателей книга – лишь момент жизнетворчества. Вы сейчас подтвердили свою причастность к этой традиции русской культуры. Но вернёмся к современности. В этом году вы получили Большую литературную премию России, учреждённую Союзом писателей России. Кроме того, вам вручили медаль Филофея Лещинского.

А.О.: Начнём без всякой гордыни с Филофея Лещинского. Действительно, приятно получать награды, в том числе церковные. Но с благодарностью принимая эту награду от нашего Митрополита Тюменского и Тобольского владыки Димитрия, я должен честно сказать, что не заслужил этой медали. У меня сложные отношения с моим атеистическим прошлым. Я бы сказал о себе так: я крещённый человек, верю в Бога, но скорее всего, я не религиозен. Мы давно сотрудничаем с епархией, и может быть, такая оценка меня как руководителя ГТРК «Регион-Тюмень» возможна. Но ещё раз говорю, честно считаю, что не заслужил её. Что касается Большой литературной премии России, для меня здесь, естественно, самое основное, что вручена мне она за свод произведений о Сибири, за «Книгу Сибири». Сама «Книга Сибири» как флеш-бук достаточно оригинальна, это смелое издание, на мой взгляд, хорошая форма книги найдена издателями Тюменского государственного университета Сергеем Симаковым и Дарьей Власовой. Но я бы не стал неосторожно говорить о подведении итогов. Подводят итоги те, кто собрался уходить из этого брэнного мира. У меня – никаких подведений итогов. Человек – как живой родник: если иссяк в своём творчестве, это другое дело.

Н.Д.: Вообще-то у нас каждый год принято подводить итоги. В советские времена были пятилетки. Древние говорили: *memento mori*. Почему бы и не подвести итоги, промежуточные, так сказать?

А.О.: Я, конечно, *memento mori*. Но это не имеет никакого отношения к премии Союза писателей России.

Н.Д.: Тогда поговорим о значении слов. В Москве вас наградили за свод произведений «Книга Сибири». Ключевое слово здесь «свод». Насколько я понимаю, это слово имеет два значения: свод – это собрание, сборник чего-нибудь, например, свод законов Российской Федерации или свод русских летописей. Вместе с тем свод – это несущая конструкция здания: свод неба и так далее

и тому подобное. Вопрос мой таков: что является сводом, то есть несущей конструкцией «Книги Сибири»?

А.О.: Я не аналитик своего творчества. Более того, я автор, скорей всего, очень легкомысленный, точно не очень серьезный. И вопрос о том, что представляют собой несущие конструкции в моих книгах – это не для меня и не про меня.

Честно говоря, о таких вещах я просто даже никогда не задумывался, и слава Богу. К слову «легкомыслие» отношусь, как к слову о лёгких мыслях, легко воспринимаемых мыслях. Поэтому ничего, надеюсь, никаких несущих конструкций в этом своде нет. Есть только повод для читательских эмоций, всхлипов, ругани, критики или восторга. Почему бы и не представить, что один абзац из какой-нибудь моей книги может повергнуть читательницу в восторг. Больше ничего и не надо.

Н.Д.: *Давно известно, что писатели ошибаются в оценке своих произведений. Классический пример – оценка Сервантесом «Дон Кихота»: он считал, что это не главная его книжка. Я хочу сказать, что Вы не исключение в этом смысле. Мне кажется, что у ваших книг, которые объединены в единое пространство «Книга Сибири», есть вполне иррациональная и тем не менее понятная несущая конструкция. Она предельно проста и, может быть, является самой большой загадкой человечества – это любовь к родной Сибири, к родине, разве это не так?*

А.О.: Называть любовь несущей конструкцией!? Я не воспринимаю такую метафору: любовь – несущая конструкция. Любовь – это субстанция трепетная, неопределяемая, человеком она никогда не будет понята, и это вы называете несущей конструкцией?

Н.Д.: *Почему нет?*

А.О.: Есть арифметика любви, грамматика любви, но архитектура любви – это непонятно, это надо запатентовать.

Н.Д.: *Я подумала. Продолжим говорить о значении слов. Свод, как мы с вами договорились, это некое собрание. Поэтому хочу спросить: в каком собрании или сообществе писателей вы ощущаете себя как дома?*

А.О.: Иосиф Виссарионович Сталин и Алексей Максимович Горький совершили, с одной стороны, замечательное дело, создав Союз писателей в нашей стране. С другой стороны, это преступление против творящего человека. Писатель – одиночка. Союзы конкурентов никому не нужны, тем более союзы писателей. В советское время вступление в Союз писателей, может быть, действительно давало что-то для осознания значимости твоего литературного труда и, может быть, какие-то другие преимущества. Я вступал в Союз писателей Советского Союза. Евгений Григорьевич Шерман потом меня перетянул в Союз российских писателей. Я даже был на его первом учредительном съезде, в котором принимали участие мои тогдашние кумиры Бэлла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Анатолий Гладилин. Так получилось, что я сегодня член Союза писателей России. На писательские собрания, слава Богу, не хожу. Очень уважаю своих коллег. Может быть, маловато их читаю, редко читаю. Писателю нужен клуб: прийти поболтать, потрепаться, морду набить, выпить, это вполне уместно. Но всё-таки писатель должен держаться себя и, может быть, своих редких читателей.

Н.Д.: *Я спрашиваю не о писательских союзах, а о каком-то более общем содружестве, может быть, даже о писательском братстве. Например, вы для меня совершенно немислимы без Андрея Платонова и Ксении Некрасовой. Среди каких писателей вы чувствуете себя как дома?*

А.О.: В вашем вопросе путаются принципиальнейшие понятия. Чукча – не читатель, чукча – писатель, это касается меня. Я могу ответить, что как писатель я единственный. Все мои достижения и все мои оплошности – это только мое творчество. И я ни на кого ссылаться не могу. Круг моих читательских предпочтений – это совершенно другое.

Н.Д.: *А круг ваших писательских предпочтений? Учились же вы у кого-то?*

А.О.: Ни у кого. Я учился только у русского языка. Вот если какое-то слово мне подавалось, я учился. Нельзя научить быть писателем. Всё это дается свыше, а не методом долгой тренировки. Вдохновению, если оно бывает, не научишь. В любом случае удачная строчка – это какое-то вдохновение. Трагедия советской и постсоветской литературы в том, что считается, можно научиться писать. Почему сейчас не читают книги? Потому что большинство из них написано, чтобы денег заработать или человека научили «на писателя».

Н.Д.: *С вами можно поспорить. Горький, как известно, создал Литературный институт, и когда его попытались закрыть, между прочим, люди взбунтовались.*

А.О.: Минуточку. К творчеству это не имеет никакого отношения. Можно научить любви? Технике секса можно научить. Любви и творчеству не учат.

Н.Д.: *Откуда же берутся писатели, Анатолий Константинович?*

А.О.: Все от Бога. Настоящие писатели – все от Бога.

Н.Д.: *У меня ещё есть один вопрос. Мы живём в эпоху книжных экспериментов. Вы упоминали о такой особой форме книги, как флеш-бук. У вас вообще очень много книг-экспериментов: аудиокнига, автоаудиокнига, радиокнига, у вас есть книга-календарь, перечислять, наверное, можно очень долго. У вас экспериментальный книжный ум. Хочу спросить: о каком книжном эксперименте вы ещё мечтаете?*

А.О.: Я бы дал два ответа на этот вопрос. Во-первых, я не экспериментирую. У меня не экспериментаторский книжный ум. Книга возникает, если есть потребность, естественная необходимость, причём в жанре, в котором я работаю, – он называется Омельчук. Для этого жанра нужна естественная, а не придуманная несущая конструкция. Я не изобретаю аудиокнигу, я понимаю, что писатель – это и слово, и голос. Это совершенно естественное, естественная потребность и естественная необходимость. Никого, кроме самого себя, не хочу удивить. Я хотел бы сказать, что все эти книжки – это такой же естественный процесс творчества, естественный процесс. И о мечтании ещё и о мечтах. Я человек, совершенно лишённый такого качества, как способность мечтать, фантазировать. Я очень чёткий, чётко иррациональный человек.

Н.Д.: *Рацио... или иррациональный?*

А.О.: Иррациональный человек. В иррационализме мечты – это, наверное, грубая рациональность. А в процессе творчества важно, что где-то когда-то что-то проскочило в голове помимо твоей воли, и это отложилось. Вот совершенно случайно, не готовясь к встрече... Посмотрел, у меня лежит такая папочка с надписью: «Стоянка Тохтамыш». Известно, что покоритель Москвы хан Синей Орды, во времена которого появилась, скорей всего, Тюмень, где-то около Тюмени и похоронен, и здесь была его ставка. Я вместо «Стоянки Тохтамыш» поставил «Последняя ставка Тохтамыш». Вернусь я к этой теме, не вернусь, – неизвестно, но где-то там в душе что-то потихонечку копошится, рождается. Мы ездили в Тыву совершенно по другим делам, и я попал в центр бурятской ксилографии в Улан-Удэ, в Бурятии. А мы собирались ещё в тот раз доехать до устья Баргузина, памятуя, что мать великого Чингисхана – сибирячка с берегов Байкала, с Баргузина. Я до сих пор туда не доехал, хотя собирался. И вот в музее, в центре ксилографии, его возглавляет кандидат физико-математических наук Олег Ринчинов, бурят, княжеского или вообще царского

рода, молодой, современный человек, мы разговорились о прекрасной Оэлун, матери Чингисхана. И оказывается, об этом сказано в древних рукописях. Мы считаем, что разбойник Ермак пришёл в Сибирь, и царь Иван Грозный получил сибирское царство.

Сибирь – перекрёсток народов, сокровище народов. Главное сокровище Сибири – это, конечно, народы, которые сейчас живут и которые жили здесь. Иван Грозный получает небесный ярлык на правление Сибирью от Чингисхана. Не случайно мать Чингисхана – сибирячка, может быть, скорее всего, этническая бурятка. И никаких мечтаний. Значит, это где-то заложено, к этому и возвращается. И как я понял, однажды, когда сдуру перечитал свою первую книжку про Салехард, такой, честно говоря, заказной исторический очерк о городе, исторической родине моих детей. Все мои книги вышли оттуда. Какие мечты?

Н.Д.: *Вот и замечательно, собственно, теперь стала вырисовываться основа вашего творчества.*

А.О.: Несущей конструкции.

Н.Д.: *Архитектоника вашей художественной мысли, скажем так. Я правильно понимаю, что жанр Омельчука – это своего рода приключение мысли? Причём это жанр документальный, нон-фикшн? Сейчас документальная литература – мировой тренд.*

А.О.: Моё творчество, я так думаю, лучше всех поняла Людмила Дюрягина из райцентра Большое Сорокино, когда она запела мои прозаические тексты. Запела! А вы мне говорите: нон-фикшн, документальное начало. Омельчук – это тексты, которые можно петь.

Н.Д.: *И про мать Чингисхана?*

А.О.: Ну кто поёт нон-фикшн? А про мать Чингисхана поют: о прекрасная Оэлун! Не переводите меня к мечтателям и рационалистам. Мы всё-таки надеемся, что мы – стихия, а не приключение мысли. А у вас – приключение заблуждения. Стихия сметает все несущие конструкции. В музыке может быть несущая конструкция? Там могут быть только ноты. И вдохновение.

Н.Д.: *Вы в своих произведениях не раз пишете о том, что Сибирь – это опасная земля или последний шанс неразумного человечества. Но несмотря на все мои усилия, я не нашла какого-нибудь вразумительного объяснения, даже стихийного объяснения того, что, собственно, стоит за этими словами. Вот сейчас я вас чётко и однозначно спрашиваю: стихия стихией, а всё-таки что стоит за этими словами, Анатолий Константинович?*

А.О.: Мы сосредоточимся на эпитете «неразумное»? Если говорить о неразумном человечестве, это, с одной стороны, боль за родное человечество, а с другой стороны, – гордость. Я вообще считаю, что естественный человек не должен быть очень разумным. Его сердце должно доминировать над всем остальным. Инстинкт, которым живёт всё живое на земле, – это всё-таки не разум, это выше разума. Поэтому неразумное человечество – это то человечество, которое самостоятельно, по собственной воле отказавшись от своей естественности на этой планете, ведёт дело к тому, чтобы исчезнуть с этой земли или исчезнуть на этой земле. А с другой стороны, неразумное человечество – это те народы Севера, которые сохранили воспитанное в них планетой чувство естественной сопричастности ко всему живому на планете. В мудрых изречениях ненецкого народа, которые сформулировала Анна Павловна Неркаги, мы слышим голос естественного человечества. Неразумного – с точки зрения так называемых цивилизованных людей. Естественное человечество – это то, что осталось от правильного понимания человеческого предназначения человека как божественного создания. Это мы прочитываем и у Анны Павловны Неркаги, и у Юрия Вэллы, и у Еремея Айпина. Мы слышим не просто голос Анны Павловны, мы

слышим всхлип, боль, слёзы, счастье этого естественного человека, который, может быть, был единственно правилен для этой жизни.

Н.Д.: *Я правильно вас понимаю, что история развивается разрушительно в силу того что мы живём среди людей, которые уничтожают свою землю?*

А.О.: Человечество развивается разрушительно, история развивается так, как развивается.

Н.Д.: *Хорошо. Так почему Сибирь – это запасная земля и последний шанс?*

А.О.: Может быть, я преувеличиваю. Но считаю, что именно в Сибири осталось больше всего естественного, природного. Человечество уже, конечно, не переубедить, оно за благами цивилизации будет гоняться безудержно. Мысль о запасной земле человечества пришла мне, когда я оказался, это было очень давно, в тех местах, где сегодня на полуострове Ямал строят Сабетту. И мне рассказывал простой зоотехник, как они попали в метель и 15 суток без пищи, без огня выживали со своими оленями, он при этом вообще не считал, что произошло нечто экстраординарное. Я, честно говоря, подумал, что если случится ядерная зима или ещё что-нибудь такое, то выживут только они. Потому что они слушают голос земли, понимают её, и не завязаны на всю эту пресловутую цивилизацию. Если планета сможет возродиться, то только потому, что останутся они. Только они имеют шанс. Я так предполагаю. Вот поэтому и говорю, что в Сибири это есть, а везде это практически исчезает. По крайней мере, человечество должно обратиться к этому опыту, который великолепно передает та же Анна Павловна Неркаги, чтобы знать, что единственный шанс на спасение, может быть, у них, в Байдарацкой тундре.

Н.Д.: *Фактически вы говорите о том, что коренные народы Сибири – это не только прошлое человечества, но и его будущее.*

А.О.: Может быть, будущее. Будущее этого сегодняшнего неразумного человечества.

Н.Д.: *Хотелось бы об этом более подробно поговорить. В Сибири, насколько я знаю, живет 40 коренных народов, и я всегда с большим восхищением читаю ваши произведения, посвящённые именно коренным народам Сибири. У вас много таких произведений. Совершенно замечательные очерки о Юрии Вэлле, Еремее Айпине. Коренные народы живут на всех континентах земли. И сейчас, в условиях глобализации, эта тема особенно важна. Поэтому у меня возникает вопрос: не хотите ли вы сделать свод своих произведений о коренных народах Сибири, издать о них особую книгу?*

А.О.: Нет, не хочу.

Н.Д.: *Почему?*

А.О.: Вы как систематический учёный прекрасно понимаете, что я пишу не о коренных народах и не исследую их устои, обычаи, нравы, я пишу об отдельных творцах из каждого народа. Не могу я написать мудрые изречения ненецкого народа. Не могу. Опыт моих размышлений – это всё вторично.

Н.Д.: *Не писать, а издать книжку своих произведений об этих народах.*

А.О.: Нужно читать книги того же Айпина и Вэллы, а не о них в моём переложении. Я рассказываю о творцах, художниках, творчестве, но не о народе. Ключевое слово в моих размышлениях: я не хочу быть вторичен. И, слава Богу, есть люди, которые могут быть голосом народа.

Н.Д.: *В чём, по-вашему, феномен Анны Павловны Неркаги? И почему вы её поддерживаете?*

А.О.: Сильные люди в поддержке не нуждаются.

Н.Д.: *Тем не менее идея о Нобелевской премии для Анны Павловны Неркаги принадлежит вам.*

А.О.: Разве это поддержка? Это просто обязанность обратить внимание. Мы же понимаем, что неразумному человечеству и особенно неразумному

Нобелевскому комитету по литературе можно подсказать. Но это не Анне Павловне я оказываю поддержку, она в ней не нуждается. Она самостоятельная личность. И я так думаю, куда мощнее, чем мы, слабые современные авторы.

Н.Д.: Тем не менее она пишет, что иногда месяцами не видит русского человека, а потому нужны посредники, которые бы рассказали другим людям о феномене Анны Неркаги. В чём всё-таки, по-вашему, феномен Анны Неркаги?

А.О.: Мы уже, наверное, об этом сказали. Анна Павловна – не просто голос своего народа, а голос естественного народа и голос если не тысячелетий, то столетий. То, что она написала, совершенно так же естественно, как если бы до нас дошёл голос человека, который жил 6–7 тысяч лет назад и не обязательно на Севере. Её принципы существования с природой близки к первобытному и первобытийному.

Н.Д.: Вы уже говорили о своём особом отношении к Михаилу Михайловичу Пришвину. Он в дневниках говорил о том, что от него останутся незабудки. А как вы думаете, что останется от вас?

А.О.: Мне ещё рано об этом думать, и вообще никогда на этот счет не замораживаюсь. Я верю не только в общечеловеческое бессмертие, но и в собственное бессмертие. И что от меня останется, не знаю, видимо, бессмертный Омельчук.

Н.Д.: С чем для вас ассоциируется художник, вот Пришвин ассоциируется с незабудками, а Омельчук-писатель – для самого себя с чем?

А.О.: Только с любовью.

Н.Д.: Но это же нечто невещественное.

А.О.: Пространство – это вещественно?

Н.Д.: Нет, пространство – это тоже некая абстракция.

А.О.: Пространство не вещественно? Вот вы подниметесь на Константинов камень, видите пространство перед собой – и всё это невещественно?

Н.Д.: Омельчук ассоциируется с Константиновым камнем?

А.О.: Нет-нет, он ассоциируется, польщу самому себе, только с пространством Сибири. А откуда оно начинается: с перевала Сотка, или с Константинова камня, или с береговой скалы на Байкале, на которую мне не удалось заманить Валентина Григорьевича Распутина, это неважно. Мы приглядели симпатичную скалу, вот думаю, сейчас поднимемся с Валентином Григорьевичем и побеседуем, глядя на пространство Байкала и на пространство Сибири. Но не получилось.

Н.Д.: Пространство – это вещь трудноуловимая и даже в общем страшная. А что такое пространство с вашей точки зрения?

А.О.: Это любовь.

Н.Д.: Пространство – это любовь?

А.О.: Время – любовь, пространство тем более любовь.

Н.Д.: Продолжим разговор о словах. Вы вообще-то любите сочинять всякие невиданные слова: например, люблюмама как одно слово. У вас есть слово «зачем» без знака вопроса. Что оно означает, можно сказать или это сфера невыразимого личного, куда люди не должны вторгаться? «Зачем» без знака вопроса, что это такое?

А.О.: Я должен рассказывать филологу, что нет ни одного слова в русском языке с обязательным знаком препинания? Я изобретатель слова без всяких знаков. Не может быть у слова «зачем» обязательного вопросительного знака. Когда мы видим голое слово, оно, конечно же, более глубоко, чем с каким-то знаком.

Н.Д.: Вот я вас и спрашиваю: что у вас стоит за этим словом «зачем»?

А.О.: Это изначальное слово «зачем». А знак вопроса подставили суеверные люди, которые задаются дурацкими вопросами. Но известно, что самые

мудрые вопросы – дурацкие. Мы вернулись к первоначалу. «Зачем» без знака вопроса – это первоначало. А потом поставь «зачем» со знаком вопроса, поставь с восклицательным знаком. Ты получишь бездну смыслов.

Н.Д.: Вы много путешествуете. Куда собираетесь в этом году?

А.О.: У меня большие долги перед прекрасной Оэлун, матерью Чингисхана, нашего сибирского родственника. Хотелось бы, конечно, побывать и на Константиновом камне. Это рядом, кстати, с Анной Павловной Неркаги, недалеко от неё, она туда не ездит, но это недалеко. И есть ещё долг, есть красивейшее место на сибирской планете или в нашей сибирской Вселенной, она, кстати, шире, чем Вселенная земного шара, это так называемые Ленские столбы.

Н.Д.: Вы уже много лет живёте в Тюмени. За что любите Тюмень и что бы в ней хотели изменить?

А.О.: Я родился в Могочино. В Салехарде родились мои дети. В Тюмени родились мои внучки. Это не географические места, а моя родная кровь.

Станислав ЛОМАКИН

Траектория жизни одной судьбы К 90-летию Фёдора Селиванова

*Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.*
Николай Заболоцкий

У каждого творческого человека – учёного, писателя, художника – своя судьба, она связана со временем, с частью нашего опыта, повседневной обыденной жизни, и мы не просто переживаем их всей силой своих чувств, с ними мы обретаем наши интересы, устремления, страсти.

Хочу написать небольшое эссе о человеке, которого знал более сорока лет, работая вместе с ним на кафедре философии Тюменского нефтегазового университета. Общались, начиная со студенческих лет, когда он читал на нашем курсе философию в Томском государственном университете. Имя этого человека – Фёдор Андреевич Селиванов (1928–2012).

Не претендуя на полноту, понимая, что вряд ли возможна объективная оценка столь противоречивой личности, попытаюсь эскизно отразить деятельность ученого и писателя. При этом сразу замечу, что отношения наши не всегда были благостными, не всегда имели дружеский характер, они иногда носили непримиримую мировоззренческую основу, связанную с религией.

Реальная жизнь всегда была и будет не только скольжением по течению, но и противостоянием напору обстоятельств, соизмерением их с положениями и изменениями в жизни человека и общества. Я не рассматриваю здесь те случаи, когда груз тяжких воспоминаний сменялся добрыми, близкими отношениями с его стороны, можно было бы проиллюстрировать это дарственными надписями подаренных мне почти всех его книг. Мои воспоминания об учёном, учителе не вытеснены временем, потоком новых дел, новых друзей.

Отправляясь на первую лекцию по философии, мы, второкурсники, знали от студентов старших курсов, что Селиванов строгий преподаватель, недавно защитил кандидатскую диссертацию, является автором книги «Этика. Очерки», изданной в Томске в 1962 году. Пред нами предстал молодой доцент роста выше среднего, с небогатой шевелюрой волос, высоким лбом, энергично подвижными губами, чуть выдвинутым подбородком, свидетельствующим о силе характера и духа, способности постоять за свои идеалы и принципы. Он говорил негромко, не растекался по листу многословия и бесплодного мудрствования, не пользовался написанным заранее текстом, редко доставал листочки из кармана, чтобы процитировать какого-нибудь автора. В речевом действии лектора на нас было много тайн, он говорил просто и ясно, но так умел составить слова, что они входили в нас и наводили в сознании порядок.

Подобное впечатление своими выступлениями Селиванов производил на слушателей во время дискуссий «Искусство и духовный мир личности» в клубе, который он вел при Тюменской областной библиотеке, литературном объединении в нефтегазовом университете, на научно-практических конференциях разного уровня. На заседаниях кафедры, когда анализировались коллективные посещения лекций и семинаров преподавателей, когда обсуждались интересные работы философов. Во время вечеров вопросов и ответов в студенческих общежитиях, организованных кафедрой

философии перед рабочими бригады каменщиков В. Скорикова, кафедра шефствовала над ней несколько лет.

Надо признать, образ жизни, который исповедовал и практически осуществлял Фёдор Андреевич, не каждый, наверное, мог выдержать. Будучи заведующим кафедрой, он наравне с другими коллегами вёл учебную нагрузку, не снижая ни одного часа, имел аспирантов, часто встречался с художниками, артистами драматического театра, музыкантами. Я не помню ни одной выставки тюменских художников, новых спектаклей театра, презентаций книг, на которых он отсутствовал, все ждали его выступления, он отвечал на многочисленные письма корреспондентов, на всё у него хватало сил и терпения.

В то же время Селиванов много писал, выходили его монографии, книги, статьи. Ни разу не слышал от него, что ему не хватает времени, он никогда не жаловался на отсутствие здоровья, хотя перенёс несколько сложных операций, эти табуированные для него темы не поднимались коллегами в его присутствии. В его научных и художественных произведениях также наличествовала простота и ясность. Очень часто за анализом научных, художественных текстов, учёного, писателя, образов положительных персонажей, противоречий теряется сам автор. Этого не происходит, когда читаешь Селиванова, впечатление такое, что слышишь его голос.

Научные интересы Селиванова впечатляют. Чем только он не интересовался и, соответственно, не выказывал всеохватность профессор: этика, эстетика, логика, эвристика, истина и заблуждения, диалектика, разум, культура поведения, публицистика, сказки, рассказы, стихи и многое, о чём он успел написать. Он словно искал настоящее призвание, пробуя себя в разных жанрах литературы, науки, культуры.

Одна из центральных тем его научного творчества – соотношение разума и познания. Во все времена эти составляющие не утратили гармоничного синтеза и равновесия двух начал человеческой деятельности. Он сам образовывал свой ум путём самостоятельного и произвольного чтения. Особо хочу подчеркнуть влияние на формирование Селиванова выдающегося философа П.В. Копнина, директора института философии АН УССР, перед авторитетом которого Фёдор Андреевич преклонялся, он считал его своим учителем, наставником, слушал его лекции в Томском университете.

И всё-таки универсальным принципом, на мой взгляд, присутствующим во всех его научных и художественных работах, является культура, объясняющая мораль социальных изменений и превращений в стране. В статье «Теряем Родину», опубликованную в пятом номере журнала «Наш современник» за 2011 год, он писал: «Могущество страны определяется не только экономикой, но и культурой. Традиции в культуре выполняют роль обручей на бочке, скрепляющих общество. Возрождение лучших народных традиций чрезвычайно необходимо в эпоху анонии – распада норм в обществе. Традиции и Родина почти одно и то же. Любовь к Родине – это патриотизм, который является величайшей добродетелью».

Статья отражает не прекрасноту, а горестное ощущение реальности, жестокое чувство несправедливости из-за осознания невозможности осуществления возвышенных идеалов. Многие статьи и книги Селиванова наполнены реальными событиями, фактами, они получают соподчинённое место и истолкование, видение современной действительности. Он никогда не отворачивался от широкой общественной проблематики, всегда мыслил утилитарными категориями, являющимися следствием его неспособности к компромиссам. На этой почве у него возникали конфликты с коллегами

и друзьями. Приведу лишь один пример, касающийся меня, относящегося к Селиванову как к учителю.

Я опубликовал статью «О соотношении науки и веры», в которой попытался показать, что многие научные открытия предсказаны в «Книге книг», и какую роль в жизни великих людей сыграла Библия, сославшись на Бойля-Мариотта. «В сравнении с Библией все человеческие книги являются малыми планетами, которые свой свет и блеск получают от Солнца». И далее подчёркиваю, что религия не мешала верующим учёным в их деятельности, а наоборот, как писала директор института мозга РАН Н.П. Бехтерева: «Многие часто задают вопрос: а не мешает ли вам то, что вы верите в Бога? Нет, в исследованиях мне это помогает».

Вечером раздаётся звонок. Фёдор Андреевич без предисловий (цитирую по памяти): «Как вы могли написать такую статью, это же надо додуматься, что Библия является универсумом и её одной достаточно (изучить и понять), чтобы стать образованным человеком. Это какая-то поповщина». «Фёдор Андреевич, – объясняю я свою позицию, – речь в данном случае идёт о русских крестьянах, которые, по словам зарубежных авторов и немецкого историка Шубарта, читали одну книгу – Библию и поражали иностранцев мудростью и нравственностью, с этой книгой умирали не только простые люди, но с ней прощались с жизнью Лев Толстой и Фёдор Достоевский».

Наши диалоги продолжались, однажды я имел неосторожность сказать: «Вы писали о русском философе и поэте Владимире Соловьёве, а он, между прочим, был невысокого мнения об учёных-атеистах». «Где это вы вычитали?» – и далее следует монолог с нелицеприятными оценками в адрес поповствующих...

Рассказываю, что в письме к Е. Романовой В. Соловьёв пишет: «Все великие мыслители – слава человечества – были истинно и глубоко верующими (атеистами же были только пустые болтуны)». Его письма, т. 3, стр. 73.

Через три дня звонит, нашёл это письмо, не согласен с В. Соловьёвым, и сразу, чтобы закончить разговор на эту тему: «Вы не знаете, кто такой Жорж Блон?» «Знаю, писатель, историк, много написавший о морях, океанах и путешествиях, у меня есть его книга «Тайны трёх океанов». «Неужели? Принесите на кафедру».

Через некоторое время приносит рассказ «Панамская дама», связанный с Жоржем Блоном, в литературно-художественный альманах «Арион-14», где он и был опубликован. В этом альманахе, который мне пришлось редактировать более 12 лет, Селиванов опубликовал много рассказов, и после выхода нескольких художественных книг я дал ему рекомендацию для вступления в члены Союза писателей России. Однажды гуляя по парку и продолжая разговор о религии, я приобнял его за плечи и сказал: «Мы умрём, Фёдор Андреевич, оба православными». Он произнёс: «А я крещёный».

За несколько дней до его ухода в иной мир я увидел Селиванова в Знаменском соборе, он стоял перед иконой Божией Матери и молился.

Удивительный человек жил подле нас, это начинаешь осознавать с возрастом. Работоспособность Фёдора Андреевича поражала и удивляла, он до последнего часа сохранял память и ясность ума, в последний день жизни писал за столом. После праведных трудов прилегал отдохнуть и умер, не обратив внимания на смерть...

Николай ПАЧЕЖЕРЦЕВ, Виктор КОРЧЕМКИН

Старообрядчество: вчера и сегодня

Писатель Валентин Распутин отмечает, что «менее чем за столетие число раскольников в одной лишь Сибири возросло, по подсчётам, до ста тысяч. В действительности их было больше, учесть можно ссыльных, но не беглых... это была колонизация, имевшая для российских окраин не меньшее значение, чем Столыпинская реформа, но, в отличие от последней, она составлялась отборным народом». Эта колонизация в ходе освоения новых урало-сибирских территорий связана непосредственно с расколом XVII века в Русской православной церкви и продвижением вглубь неосвоенных территорий России значительных масс крестьянства, не принявших новообрядческого устройства в церкви, а оставшихся в православных дониконовских традициях.

Действительно, актуальность изучения раскола РПЦ на «никоновскую» и «дониконовскую» («старообрядческую»), а также теми последствиями социальной и религиозной жизни, которые раскол имел, в том числе в становлении капиталистических отношений в обществе, приобретает все большую значимость в российской истории, поскольку, по правильному замечанию исследователя старообрядчества Бориса Кутузова, «известно, что и до получения гражданских свобод старообрядчество оказало огромное влияние на развитие промышленных отношений в России».

По мнению писателя Валентина Распутина, «интерес к расколу появляется сейчас не из археологического любопытства, на него начинают смотреть как на событие, способное повториться, и потому требующее внимательного изучения».

С учетом необходимости изучения старообрядческих традиций в организации российского предпринимательства полагаем, что именно старообрядческие духовые традиции и стали тем центральным стержнем по становлению российского предпринимательства, ибо именно эта сфера деятельности была в основном и разрешена староверам.

Современным представителям «никонианской» церкви необходимо понять, как это понял писатель Валентин Распутин, что «никакими еретиками староверы не были, что раскол состоялся по границе, по которой внешние несогласия разводили страну по разные стороны от предначертанной ей судьбы». По мнению писателя Валентина Распутина, для православных россиян «собором 1666–1667 годов и петровскими реформами был оформлен окончательно и доведен до грани, от которой примирения не предвиделось. Это была трагедия народа, но в то же время она повлекла за собой необычный подъем, твердость, жертвенность, соединение и братство отделившихся, готовых за веру и убеждения претерпеть всё, что придумано человеком для унижения и человека».

Видным исследователем старообрядчества Борисом Кутузовым отмечается, что «целые столетия старообрядчество было гонимо и вело фактически подпольный образ жизни, легализация наступила лишь в 1905 г., после обретения основных гражданских свобод. Всего 12 лет относительно свободного развития было предоставлено старообрядчеству, но и за этот ничтожно краткий исторический период произошел его поразительный всесторонний расцвет, убедительно продемонстрировавший наличие в старообрядчестве неопенимых глубинных творческих сил, изучение которых весьма актуально и в наше время» как для современной России, так и для российского предпринимательства.

Действительно, среди российских промышленников значительную часть составляли представители старообрядчества. В частности, начиная с XVIII века старообрядцы вкладывали свой потенциал в торговые отношения, поскольку «Манифест 1762 г. Екатерины II, призывавший старообрядцев из рассеяния на родину, а также ряд указов, улучшавших их положение, дал толчок к быстрому росту старообрядческих общин в России и активному участию их в развитии экономики страны», как отмечает в своем исследовании Борис Кутузов «Феномен старообрядчества».

С конца XVIII – начала XIX вв. текстильная промышленность в России, как в Москве, так и на периферии, сосредоточилась в руках старообрядцев, значительная часть хлеботоргового бизнеса также находилась в руках старообрядцев, а также организация нижегородских и московских ярмарок были в руках старообрядцев. Действительно, старообрядцы внесли значительный вклад не только в экономику, но и в культуру Российской империи. Наиболее известными старообрядческими династиями, внесшими значительный вклад в экономику и культуру России, являлись династии Морозовых, Рябушинских, Гучковых, Солдатёновых, Хлудовых, Коноваловых (см. подробнее научно-исторические исследования Бориса Кутузова). Современный исследователь старообрядчества Дмитрий Урушев в работе «Возьми крест свой» также отмечает, что «к старообрядчеству принадлежали крупнейшие предприниматели, в чьих руках были сосредоточены основные промышленные и банковские капиталы страны. Имена многих у всех на слуху: текстильные фабриканты Морозовы, промышленники и финансисты Рябушинские, владельцы фарфорового производства Кузнецовы...»

Дореволюционный историк старообрядчества Иван Акимович Кириллов пишет, что «старообрядцы... благодаря своему трудолюбию и трезвости своим экономическим благосостоянием выделялись из общей массы крестьянства», что в конечном итоге приводило их на промышленные предприятия и казенные заводы Урала и Сибири в качестве наемных рабочих, управляющих и старост. Именно через старообрядческую систему ценностей, через старообрядческий социум получало сибирское крестьянство подготовку для дальнейшего обращения к другим сферам деятельности, в частности к предпринимательству.

Старообрядческое воспитание базировалось не просто на соблюдении православной дораскольничьей традиции, но на глубочайшем и всестороннем развитии личности. Необходимо отметить тот факт, оспаривать который чрезвычайно трудно: все старообрядцы поголовно были грамотными. Этот признак всеобщей грамотности старообрядцев характерен только для них из всего спектра христианских вероисповеданий в России, особенно, если мы будем говорить о государственной «никонианской» православной церкви. Главным для старообрядцев, по мнению Кириллова, является «всестороннее развитие личности – верный признак внутреннего роста и развития самого общества. Идеология старообрядчества включает в себе все необходимые положения для развития личности, а следовательно, – и самого общества. В идеях старообрядчества – залог возрождения русского общества; в них, этих идеях, заложено живое творческое начало».

Вместе с тем исследователями старообрядческого феномена отмечается, что на начало прошлого столетия никаких прав староверы не имели. Они не могли занимать государственные и общественные должности. Обязаны были нести рекрутские повинности, но не могли быть офицерами, не могли выступать свидетелями на суде против православных, то есть

последователей никоно-петровской церкви даже в том случае, если бы их судили за воровство, грабеж или убийство¹.

Исторически так сложилось, что старообрядчество являло собой некий закрытый социум, вектором развития которого явилось предпринимательство. Старообрядцы, как подлинные христиане, понимали, что их деятельность должна служить во благо народу, поскольку, как отмечает исследователь Хан Муссен в статье «Христианство и деньги», опубликованной в журнале «Церковь» (№ 4–5 за 2002 г.), «христианин-коммерсант – не только тот, кто торгует без обмана и продукцией хорошего качества, но и тот, кто стремится учитывать подлинные потребности своих современников, а не использовать их легковёрность и дурные наклонности. Он заводит новые производства и новый сервис, он изобретателен и эффективен в своей деятельности».

Российский предприниматель-старообрядец Владимир Рябушинский отмечал, что «в Америке сейчас господствует идея «хозяина»; в России – идея «завистника и неудачника». Отчасти это вызвано тем, что русский бесхозяйственный человек чрезвычайно самодоволен и самовлюблен, поэтому часто напорист в жизни и энергичен в споре. Талант в России скромнее, чем бездарность. У европейцев – скорее наоборот. Западный завистник тоже менее самоуверен, агрессивен и нахрапист, чем русский. Кто, например, не знает у нас одну из его разновидностей – «обличителя», вечного искателя чужих ошибок и проступков, вздорного, мелочного, придирчивого, пристрастного и всегда бестолкового. За границей этот тип менее известен. Зато у нас, как бы в противовес ему, еще сохранилось понимание хозяйственной святости и память о ней. Все это, также как и представление о хозяйственном грехе, почти пропало на Западе».

Не потеряли своей актуальности слова старообрядческого предпринимателя Владимира Рябушинского и в наше время. Рябушинский, разобрав западную модель предпринимательства, отмечает, что «протестанты, а особенно кальвинисты и пуритане, отличались большой строгостью жизни. Светские удовольствия презирались, роскошь изгонялась. Этот мирской аскетизм выражался хозяйственно в бережливости, доходящей до скарденности, в неприхотливости и трудолюбии. Одновременно наблюдалась необычайная преданность тому делу, которым человек занимался. Религиозная подкладка такой добросовестности заключалась в покорности Воле Божией, указывающей каждому тот жизненный путь, по которому он должен идти. Вера в предопределение у очень многих соединялась с уверенностью в принадлежности к числу избранных и с вынесенным из одностороннего чтения Библии убеждением, что материальное благополучие есть признак праведности и угодности Богу. В результате создалось настроение, которое постепенно превратилось в неудержимое стремление к наживе, в желание непременно разбогатеть. Достижение этой цели облегчалось все увеличившимся размахом экономической жизни. И здесь протестантизм сыграл большую роль, устранив главное препятствие на пути развития важнейшего фактора современного хозяйственного строя – кредита. Дело в том, что средневековая католическая церковь считала большим грехом и запрещала давать деньги в рост. Правило это постоянно нарушалось, но организация кредита все-таки тормозилась. Кальвин и другие протестантские богословы стали на другую точку зрения и открыто разрешили брать проценты. Снятие клейма неблаговидности с банковской деятельности привело к значительному её расширению, и вопрос о кредите стал на твердую и законную почву в протестантских государствах. Оттуда дух капитализма

(в связи с отходом Римской церкви от ее прежней непримиримости по отношению к процентам) распространился по всему Западу». Давая положительную оценку протестантской реформации, Владимир Рябушинский говорит о различии подходов протестантов и православных-старообрядцев по этической организации бизнеса. В частности, им отмечается, что «хозяин-православный во многом отличается от кальвиниста. Мирской аскетизм есть и у нас, но он не постоянный, а периодический, связанный с постами. Отношение к богатству тоже другое. Оно не считается греховным, но на бедность не смотрят как на доказательство неугодности Богу. Поэтому в России нет того сухого, презрительного отношения к беднякам, которое появилось на Западе после Реформации».

Таким образом, выстраивая свое экономическое благополучие, старообрядцы-коммерсанты исходили из несколько иных оснований, чем те, которые были заложены протестантизмом. В этом смысле традиционный российский производственный бизнес, практически полностью принадлежавший старообрядческому сообществу, вскормленный на старообрядческой этике предпринимательства, был также характерен и для Западной Сибири. В частности, в г. Тюмени предпринимателем, воспитанным старообрядцами, впитавшем их традиции и этические нормы поведения, был Николай Чукмалдин. Именно он, воспитанный в нормах старообрядческой духовной традиции, понимая нужду простого народа, рассуждает абсолютно справедливо о бремени косвенного налога. В частности, Чукмалдиным отмечается, «чтобы дать почувствовать богатому человеку действительную тяжесть косвенного налога наравне с бедным, надо бы заставить его заплатить косвенный налог во столько раз умноженный, во сколько раз он сам богаче бедняка. Поденщик, имея капитал только рубль, покупает 1/32 фунта чая и платит пошлины 2 копейки, т.е. одну сороковую своего наличного денежного состояния. Тот, кто имеет капитала 100 р., должен бы платить 2 р.50 к., имеющий 1 000 р. – 25 р., а имеющий миллион – 25 000 р. Согласитесь, что это невозможно, но ведь это было бы только справедливо и ничего больше. Как бы богатый человек тогда возроптал, какой бы он протест поднял против существующей системы косвенных налогов!» Очевидно, что написанное Н.М. Чукмалдиным о косвенном налоге не потеряло своей актуальности и в наше время, да и вывод, к которому приходит коммерсант, весьма и весьма злободневен. Он, в частности, пишет, что «мы, люди имущие, обязаны, кроме заповеди, преподанной нам Спасителем мира, помогать бедным, поступаем как раз наоборот и не возвышаем голоса против существующей системы, помогающей богатому и забывающей бедного. Пора нам прислушаться к голосу нашей совести и сказать во всеуслышание корпоративно, что все налоги должны быть несены людьми имущими и что налогом прямым и косвенным должен быть обложен не бедняк и его насущные потребности, а капитал, крупный промысел и роскошь».

Опыт организации бизнеса согласно этическим нормам старообрядческой традиции приобретает актуальность и в наше время. С тем, чтобы выстраивать грамотные отношения со своими экономическими партнерами, необходимо изучать и пропагандировать опыт ведения коммерции старообрядцами, которые являлись надежными партнерами по бизнесу как внутри России, так и с бизнесменами, воспитанными на традициях протестантизма.

Традиционное российское старообрядчество существует вот уже более трёхсот лет в российском социуме в положении пасынка. Почти на всём

протяжении времени своего бытования старообрядцы и старообрядчество были фактически нелегитимными деюре, но вместе с тем имели свои молельни, церкви, скриптории де факто. И, как ни странно, но основную борьбу с ними вело не государство как таковое, а православная церковь, именуемая со времен протопопа Аввакума православными старообрядцами не иначе как «никонианская». В настоящее время явных ущемлений прав старообрядцев не происходит. Более того, авторитет современного старообрядчества среди населения постепенно растёт, но все же нужно также отметить, что старообрядческие религиозные структуры, на наш взгляд, оказались недостаточно подготовленными для работы в секулярном российском обществе. Поэтому мы считаем, что в настоящее время процессы, происходящие в старообрядчестве, могут быть охарактеризованы весьма кратко: старообрядческая церковь в целом находится в структурном (не системном!!!) кризисе. Имеется ли выход из кризиса для всех направлений старообрядчества, осуществляющих легитимную деятельность на постсоветском российском пространстве, либо старообрядчеству, как исконно русскому явлению, необходимо смириться в будущем с участью «этнографического элемента».

Вопрос остаётся открытым, поскольку старообрядчество, как духовное и социальное истинно русское явление, продолжает оставаться «закрытым» для социума с одной стороны, и с другой стороны выходит ещё одна проблема – руководство Русской православной церкви Московского патриархата предпринимает все меры по включению старообрядчества и, соответственно старообрядческие приходы, в свою иерархическую структуру на правах единоверческих общин, что не может быть приемлемым для старообрядчества в целом, так и старообрядцами в частности.

Старообрядчество же, как система религиозных ценностей, по своему уникальна и имеет очевидные перспективы в России как исконно православная религиозная структура, сохранившая традиционное православие со времен Крещения Руси. С учётом того, что именно на российской почве возникло такое интереснейшее и глубокое духовное явление, как православное старообрядчество, мы полагаем, что именно ему уготована дальнейшая перспектива с весьма положительным потенциалом в реализации заложенных в нем духовных начал. Возникновение и развитие в прошлом исконно православных старообрядческих ценностей позволяет современным старообрядцам уверенно смотреть в будущее, оказывать позитивное влияние на общественную и религиозную жизнь в России.

Поэтому, полагая, что кризисные явления в старообрядчестве все же имеются и оказывают весьма влиятельные последствия на его развитие, остановимся на некоторых из них. В целях выделения элементов структурного кризиса в старообрядчестве, нами проработана периодика, выпускаемая старообрядческими религиозными объединениями в настоящее время. Изучая литературу Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ), Русской древлеправославной церкви (РДЦ), а также беспоповцев старопоморского согласия, мы пришли в ходе изучения данной старообрядческой литературы к следующим размышлениям и выводам. Наиболее многочисленной, авторитетной среди современных старообрядцев, а также в российских органах власти и управления в субъектах Российской Федерации, является религиозная структура Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ). Именно через исследование публикаций в журналах «Церковь» и в календарях РПСЦ, а также в выпускаемой литературе старообрядческими издательствами РПСЦ, мы пришли к выводу,

что структура РПСЦ имеет значительные преимущества перед другими религиозными старообрядческими объединениями. Однако данная старообрядческая структура не использует свои преимущества в полном объеме.

Мы полагаем, что если имеется структурный кризис в старообрядчестве, то любое изменение структуры не ухудшает её, поскольку она уже в кризисе, а только её улучшает. Улучшение же структуры может касаться как отдельных частей в целом в рамках церковной организации, так и церкви как социального института. По нашему мнению, видимыми элементами структурного кризиса являются следующие позиции.

В частности, старообрядческие религиозные объединения, осуществляющие деятельность в Российской Федерации, работают независимо друг от друга (лучше скажем так – почти автономно). В их деятельности, как правило, нет регулярного богословского диалога и видимых конструктивных контактов на уровне иерархов церквей. Вместе с тем нами отмечается, что, например, в структуре Русской древлеправославной церкви (РДЦ) прошли выборы старообрядческого патриарха, который не был признан иными старообрядческими религиозными объединениями, что само по себе уже звучит, как нонсенс – патриарх для всех старообрядцев. По нашему убеждению, такой шаг не будет способствовать диалоговому сотрудничеству между РПСЦ и РДЦ, поскольку такой путь РДЦ показывает то, что РДЦ имеет первенство перед всем старообрядческим миром, что не есть правда. Очевидно «беглопоповцы» считают, что РПСЦ не есть иерархически легитимное старообрядчество, поэтому первенство и легитимность РПСЦ ими не признается, а всячески критикуется. Полагаем, что в ближайшей перспективе вряд ли будет возможен конструктивный диалог между двумя крупнейшими ветвями российского старообрядчества. Выбрав себе патриарха, руководство «беглопоповцев» лишило иные направления старообрядчества (в частности РПСЦ) в участии избрания главы церкви для всего старообрядчества.

Мы полагаем, что в случае избрания патриархом из всего старообрядческого поповского сообщества, имеющего для этого все необходимые атрибуты (в частности трехчинную иерархию), то в результате могло бы привести к легитимно (соборно) избранному единому патриарху. Избрание единого старообрядческого патриарха получило бы всероссийскую или даже мировую известность. Данный факт привёл бы к фактическому единению всех старообрядцев, имеющих трёхчинную иерархию, но этого, к сожалению, не произошло, в ближайшей перспективе такой прогноз развития событий маловероятен. В настоящее время можно констатировать, и это вызывает весьма глубокие сожаления, что шансы на избрание Всероссийского старообрядческого патриарха упущены. Мы вынуждены с сожалением отметить, в ближайшей перспективе избрание единого старообрядческого патриарха нереально.

Существенным фактором структурного кризиса в старообрядчестве является исторически обусловленное и оправданное возникновение различных направлений беспоповских согласий, которые достаточно очень хорошо теологически и философски обоснованы, а также уже имеют глубокую историческую традицию. Вместе с тем полагаем, что беспоповские направления возникли в конкретных исторических условиях, и поэтому в современных реалиях должны все же прийти к постепенному изменению своих структур, направленных на сближение с РПСЦ.

Беспоповцы в перспективе должны пересмотреть свои теологические построения с тем, чтобы органически и обоснованно теологически войти

в поповские структуры старообрядчества. Полагаем, что в современном мире старообрядцам, чтобы выжить, необходим диалог внутри всего старообрядческого сообщества по вопросам единства и единения. В случае развития событий в рамках диалогового сотрудничества, хотя понимаем все трудности и препоны такого диалога, но мы также и понимаем то, что такой диалог необходим. Полагаем, что старообрядцам необходимо понять и прочувствовать что разрозненная старообрядческая церковь не позитивна, а старообрядческому сообществу крайне важно позитивное понимание и осмысление исторических процессов, которые бы привели как к значительному улучшению в деятельности всего старообрядческого сообщества в России, так и во всём мире.

На сегодняшний день, по сравнению с РПЦ МП, структуры РПСЦ и РДЦ в России все же крайне малочисленны и управляются незначительным количеством епископата, однако лиц, являющихся старообрядцами либо имеющих старообрядческие корни, как в России, так и в нашем регионе, весьма немало. Так, старообрядцев много в традиционно исторических местах их расселения, особенно в Урало-Сибирском регионе. Очевидно, что в основном своём большинстве это люди невоцерковлённые, вспоминают же они о своём староверии в определённых жизненных ситуациях. Но достаточно их «разбудить», и они придут в старообрядческую церковь. В старообрядчестве же с трехчинной иерархией сегодня имеется существенная проблема – острая нехватка духовенства, как рядовых священников, так и епископов, опять же по сравнению с официальной никонианской церковью. Нехватка епископата рождает вдовствующие епархии, что также является элементом структурного кризиса в старообрядчестве.

Выход же из структурного кризиса должен быть комплексным, целенаправленным по исполнению и постоянным во времени. По нашему мнению, необходимо при решении выхода из структурного кризиса выполнить ряд мер, которые бы способствовали возрождению традиционного православия в рамках существующего православного старообрядчества. Нельзя же выйти из кризиса, выполнив конкретный пункт антикризисной программы, необходима выработанная соборно система мер, позволяющая принимать правильные, стратегически выверенные решения.

В этой связи выскажем некоторые соображения, направленные на реальное возрождение старообрядчества в России. Во-первых, хотелось бы отметить, что старообрядцам необходим существенный материальный ресурс в случае принятия программы (которую необходимо разработать и выверить с особым знанием существующих реалий) старообрядческим сообществом по выходу из структурного кризиса. Далее, необходим состав лиц, крайне заинтересованных в выходе старообрядческих религиозных организаций из структурного кризиса и, главное, понимание необходимости в решении данной проблемы. Если старообрядцы согласятся с тем, что имеется необходимость по изменению (улучшению) деятельности старообрядческой церкви в целом, то в кратчайшие сроки необходимо выполнить ряд мероприятий по выходу из структурного кризиса.

Данные предложения исходят из того, что любая религиозная структура существует не в вакууме, а в социуме – тем более, что в наше время в секулярном социуме. Поэтому ряд предложенных нами мер, конечно же, может быть оспорен как старообрядцами, так и иерархами старообрядческих религиозных объединений. Но мы все же постараемся их изложить в том виде, в каком они нам видятся. Так, в частности, старообрядческим церквям в самые кратчайшие сроки необходимо организовать и наладить

деятельность старообрядческих монастырей на территории традиционного расселения старообрядцев в Российской Федерации. Монастыри же будут той организационной структурой, которая в дальнейшем позволит старообрядцам восполнить кадровый состав епископата.

Скорейшего решения требует вопрос по организации старообрядческого учебного центра, который должен включать в себя помимо миссионерских курсов перспективу создания старообрядческого православного духовного института. Необходимо осознать и понять, что на образование денег жалеть нельзя. Хотелось бы надеяться, что данное учебное заведение должно стать одним из лучших учебных заведений религиозного типа в России, в котором бы учились все представители старообрядчества. Вспомните, существовало же до 1917 г. такое учебное заведение, директором которого был Рыбаков! Следует отметить, что необходимо каждому старообрядцу осуществить повышение своего образовательного и социального статуса. Не бояться тратить деньги на обучение своих детей и внуков и на личностное постоянное, целеустремленное самообразование. Это одна из первостепенных задач для всех без исключения православных старообрядцев.

Назрела необходимость старообрядческим религиозным структурам, особенно это касается РПСЦ, по скорейшему созданию различных курсов в рамках старообрядческих церквей для мирян и священнослужителей по миссионерским, апологетическим и иным программам. Цель курсов – распространение старообрядческого мировоззрения в массах, включая как в старообрядческой среде, так и в среде с иной конфессиональной принадлежностью.

Необходимо создание старообрядческих культурно-просветительских обществ на всей территории Российской Федерации, как это имело место после 1905 года в Российской империи. Задачи их следующие: пропаганда старообрядческого образа жизни, лекционно-просветительские программы апологетического и миссионерского характера, а также иные формы пропагандистской и исследовательской работы, направленной на популяризацию старообрядческого образа жизни в социуме. Особую актуальность приобретает в настоящее время работа с детьми и подростками, их воспитание в патриотическом духе и подготовка к службе в Вооружённых силах РФ. В перспективе, на основе работы указанных обществ, можно создать организацию детских спортивных старообрядческих лагерей, негосударственных детских садов и средних школ.

По нашему мнению, пришла пора по созданию в России ассоциации старообрядцев-бизнесменов». Пора объединиться старообрядцам, а также бизнесменам, имеющим старообрядческие корни, под духовное окормление Русской православной старообрядческой церкви для организации предпринимательской деятельности по традиционным этическим принципам староверия. Старообрядческим религиозным объединениям, да и старообрядцам в целом, пора подумать про организацию научно-исследовательских фондов под эгидой старообрядческих церквей по исследованию раскола, а также пропаганду старообрядческого православия и иных старообрядческих ценностей, в том числе посредством художественного воплощения (художественные фильмы, книги, живописные полотна). Мы полагаем, что старообрядцам в ближайшей перспективе крайне необходимо увеличение своей паствы, для которой основным приоритетом должно являться решение вопросов по возрождению старообрядчества в России.

Мы уверены, что старообрядчество найдёт достойные ответы на поставленные секулярным обществом вопросы, на вызовы времени. Старообрядчество в целом имеет большие потенциальные возможности по организации

государством позитивных усилий, направленных на улучшение духовно-нравственного климата в жизни россиян, в воспитании патриотов России.

Мы убеждены, что высказанные в статье соображения позволят старообрядцам в возрождении и укреплении истинно традиционных православных ценностей в России. В заключение хотелось бы привести слова исследователя старообрядчества Кирилла Яковлевича Кожурина, с которыми мы полностью согласны, о том, что «опыт староверия уникален – староверам есть, что сказать всему миру... Тот бесценный духовный опыт, который староверы вынесли из своего «ухода», должен стать достоянием всего человечества, – это последний шанс не только для находящейся в глубоком кризисе России, но и для агонизирующего Запада, уже основательно забывшего о своем христианском происхождении. Ведь староверие – это не какая-то «национальная разновидность» христианства, а христианство в его самом чистом и универсальном виде. Причем уникальный опыт староверия должен быть воспринят не просто как информация для размышления, а как руководство к действию, как образ жизни, поскольку традицией нужно именно жить. Если этот опыт не будет воспринят, то в истории христианской цивилизации можно будет ставить последнюю точку».

Мы понимаем, что эти мысли носят дискуссионный характер, поэтому высказанные в статье соображения по возрождению российского старообрядчества, конечно же, не являются догмой к руководству, а призывают к обсуждению и критике, а также выработке конструктивных и положительных решений.

Полагаем, что наши размышления позволят взглянуть на ситуацию, сложившуюся в современном староверии, а также задуматься рядовым старообрядцам о происходящих процессах в самой, что ни на есть, традиционной для россиян религии, известной под общим названием как православное старообрядчество, и принять все меры по возрождению старообрядческого православия на Российской земле. Завершить статью хочется следующим рассуждением. Именно в поддержании старообрядчеством исторической и духовной традиции Руси видится его авторитет среди народа, о чем отмечает Кирилл Кожурин, который пишет, что в среде русского народа «нравственный авторитет староверия был необычайно велик... В старообрядцах видели подлинно духовных учителей, всем своим образом жизни следовавших по пути, заповеданному Христом».

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Природа в душе и вокруг

*Цевница. Усадебная лира. 1790–1820 /
сост. А.Н. Стрижев, М.А. Бирюкова. –
Тобольск: ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2017.
239 с., илл. – (Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь»).*

*При закате солнца красного,
При восходе светла месяца,
Как заря потухнет алая,
Воздух тихий не колеблется
И прохладой дышит сладкою.
Кн. А.А. Долгоруков*

Жизнь настолько быстротечна, так стремительна, что любое её проявление, даже самое драгоценное, очень быстро уходит в забвение или становится историей. Уходящее в забвение теряется безвозвратно, становящееся историей обретается заново как опыт – нравственный или эстетический.

Деятельность фонда «Возрождение Тобольска», который в следующем году празднует свой четвертьвековой юбилей, нацелена на сохранение разнообразных форм традиционной русской культуры, и подтверждением тому стало очередное издание, увидевшее свет в конце 2017 года. Издание посвящено совершенно особенной – усадебной – поэзии, поэзии отдохновения, размышления, восхищения природой и любования ей. «Цевница. Усадебная лира. 1790–1820» собрала в единое гармоничное целое стихотворные строки и изысканный иллюстративный ряд.

Слитность души, поэтического слова с природой и её стихиями – вообще характерная черта русской культуры. Русский человек неотделим от природы, от её разнообразных явлений и состояний. Он включён в этот природный мир как субъект, обладающий самостоятельной волей, но подчиняющий эту волю смыслу всеобъемлющему, ибо за материнским лоном природы он провидит волю Отцовскую – Божью. И человек, включённый в Божий промысел, участвует в жизни природы как часть Его всеобъемлющей воли, сознательная и свободно подчинённая ей:

Хочу и делаю: то в скромном огороде
Душисты рву цветы и гимн пою Природе;
То тропки по снуру прямыя провожу,
То за прививками молодых дерев хожу,
То гряды, не стыдясь, сам заступом копаю;
А иногда волов ленивых загоняю,
Иль весело бегу с барашком на руках,
Который позабыт был матерью в лугах.
Богам усердный жрец, я первенцы земные
Всегда приношу на алтари святыи;
Палесе жертвую домашним я млеко;
Помоне каждым вновь родившимся плодом...

Иван Иванович Дмитриев

Какую ценность, какой смысл эта особенность русского характера, русской души имеет сегодня? Сегодня, когда урбанизация, соби́рание населения в города приводят к запустению огромных пространств, прежде обжитых и цветущих, опыт гармоничного со-бытия человека и природы, – образ Сада, за которым сквозит образ мечтаемого Рая, становится своеобразным культурным символом, эстетическим и этическим проектом сосуществования стихий души и природы, которые по сути должны составлять единое целое.

Трагическое, гибельное противостояние природного, естественного – и урбанистического, искусственного бытия возникло далеко не в XX веке – оно обозначилось уже в XVIII, вот как звучит в строках Федора Михайловича Рындовского:

У вас всё куплей достаётся:
Бездедка всякая в цене;
А здесь обилье даром льётся,
И даром всё приходит мне.
Плоды собою сами зреют,
Прозрачные ручьи журчат,
Услужливы Зефиры веют,
Разносят всюду аромат.

...

Заря мое лице румянит,
Роса прохладою свежит;
Ничто дней жизни не туманит
И сердца грустью не томит.
Вы ж дни преобразили в ночи,
А ночи, напротив, во дни.
Что обольщает ваши очи
И душу? – призраки одни!
Вы сами – призраки живые,
Блудящие в туманной мгле...

Сад – универсальный культурный знак, и русская усадебная культура, расцветшая, как сообщает в предисловии к книге А.Н. Стрижев, один из её составителей в «век императрицы Екатерины Великой», вобрала в себя лучшие традиции – от глубоко древних античных до современных ей западноевропейских.

Периодов относительного благополучия в русской истории не так уж и много, но каждый из них отмечен каким-то культурным взлётом, стремлением «к изысканности и совершенству», желанием обустроить свой мир по законам красоты... Уже хотя бы поэтому исторические аспекты русской культуры заслуживают пристального внимания, изучения и сохранения.

Для создания своеобразной антологии усадебной лирики составители книги А.Н. Стрижев и М.А. Бирюкова изучили целый ряд уникальных изданий, в которых так или иначе затрагивалась тема сельской усадебной жизни. Чтобы сохранить аромат времени, тексты произведений решено было воспроизводить не в современной их интерпретации, а с тщательным учётом стилистических, фонетических и пунктуационных особенностей конца XVIII – начала XIX веков, то есть дать «аромат», обаяние того времени через выразительные средства языка.

Яркий иллюстративный ряд «Цевницы» составили репродукции произведений великих мастеров прошлого и картины из личных коллекций авторов. Иллюстрации оживляют ряд поэтических образов и воссоздают картины усадебного быта, столь сегодня от нас далёкие.

Вот как воспроизводит саму философскую концепцию со-бытия человека и природы в поэме «Ландшафтный сад» Клавдий Франсуа Адриан Лезай-Марнезий:

На тесной той земле, исполненной прикрас,
Где любопытный твой остановился б глаз,
Являй без роскоши пристойны украшенья,
Производя в душе приятныя движенья;
Соделай всюду их непринужденным вид,
И пусть улыбкою природа их почитит...
(Перевод Евстафия Станевича)

В примечании к поэме автор пишет о ландшафтных садах как об истинном предмете искусства: «Под словом «сад» должно разуметь не одно то место, которое занимали до сего времени для произращения питательных растений, но целое пространство, принадлежащее к замкам или важным сельским строениям, содействующее жилище их приятным, привлекательным и даже превосходным тогда, когда дарование и вкус соединят в нем все части для составления одной обширной картины. Картины сии, как совершеннейшия между всеми, потому что составлены из самых счастливых действий самой природы и доставляют наслаждения вдруг всем чувствам, требуют, чтоб их устраивали люди с воображением обширным, живым, деятельным, пылким, однако притом и благоразумием управляемым. Легче показать образцы, нежели дать правила к составлению их: но и самые образцы сии введут в обман тех, кои захотят подражать им раболепно; ибо самыя разительныя и истинныя красоты в тех местах, где природа их поместила, становятся несвойственными и несовершенными там, где она требовала иных красот. И так чувство сходства, сношения и согласия несравненно еще нужнее для искусства садов, нежели для самой живописи. Как бы план обширен не был, он будет всегда недостаточен и в противоречии с окружающими его местами, если слишком удалится от местного их свойства. Для того полотно живописца имеет рамы, отделяющия Ландшафт его от остатка вселенной, и не оставляют к сравнению предметом».

Уже перечисленные немалые достоинства нового издания фонда «Возрождение Тобольска» подкрепляются главным – широтой освещения такого явления, как усадебная культура и усадебная поэзия. Ведь хозяевами усадеб были заслуженные люди России из самых разных сфер деятельности (цитата по предисловию): «боевой генерал или сановник, успешный промышленник или обеспеченный мудрец, ищущий ключ к тайнам природы» ... И, конечно, по этой причине сама усадебная лирика оказывается не только сокровенно-лирична, но и многозвучно-многоотемна: в ней развиваются патриотические, философские мотивы, анакреонтика, находит своё законное место и особенная литературная форма: поэзия в прозе...

Причём эта поэтическая проза воспевает как само садовое искусство (как у Шарля Жозефа де Линя в переводе С.А. Немирова), так и отдельных обитателей сада, к которым поэт (А.Т. Болотов) обращает целые восторженные, искусные письма

«Я желал бы всем вперить мою охоту к садам. ...Нет ни одной добродетели, которой бы я не приписал любящему говорить о садах и разводить

оние. Он, будучи пожираем сею страстию, которая одна только умножается с летами, оставляет все прочие страсти, нарушающие спокойствие души или порядок общества. Когда он удаляется из города, из этого жилища нравственного и физического разврата, и идет работать или веселиться в деревню, тогда сердце его наслаждается природою, и вместе с легкими освежается благотворным дуновением прохладного ветра.

Отцы семейств! Внушайте детям вашим охоту к садоводству: они будут добрее от этого. Пусть они другими искусствами занимаются только для улучшения садового искусства, о котором я говорю. Кто заботится о каналах, ручейках, тот никогда не может быть вредным гражданином, опасным Генералом и пронырливым придворным. Если бы такой человек захотел писать против законов, спорить в военном совете, вооружиться против начальника или хитрить при дворе, то он стал бы опаздывать везде, ибо в голове у него были бы деревья, кустарники или цветы, за которыми надобно ему посмотреть...

Добро надобно делать не только себе, но и другим. И так станем увеличивать число живых существ; станем размножать воздушных, земных и водяных жителей: подобно древнему изречению: «Да будет свет, и бысть свет», я желал бы сказать: «Да будут птицы, рыбы и особенно лебеди».

А вот обращённая к природе прямая поэтическая речь А.Т. Болотова: «О натура! Как приятна ты в то время, когда начинаешь обновляться и когда бурая поверхность пажитей и лугов впервые воспринимает на себя зеленый колер. Какою сладостию напояется душа моя при обозрении тебя и в сие уже начальное время весны прекрасной...

...О ты, первая и едва только рождающаяся зелень на холмах! Как приятна ты мне! С каким сладким восторгом смотрю я на тебя! Как любитесь душа моя тобою и в самом уже рождении твоём! О буди благословенно первое явление твое, первое оживление бесчисленных травинки, составляющих тебя! Тысячи живых тварей разных родов радостно встречают тебя и веселятся уже тобою. Уже вижу разных четвероногих, ходящих с удовольствием по тебе, слышу нежное блеяние агнцов непорочных, прыгающих с радостию за матерью своими; вижу матерей их, любующихся рождением твоим и возжделеющих скорейшего возрастания твоего. Я сорадуюсь им и вместе с ними того же самого желаю.

Более пятидесяти раз видал я уже тебя возрождающуюся и более четырёхдесяти крат утешалась душа моя твоими прелестями, о зелень вешней первой травы!»

Только в прямом диалоге с природой, с её травами и цветами, может возникнуть, сформироваться «экологическое сознание», как сейчас принято говорить. Но всё-таки хочется сказать по-другому: человек может стать соратником Бога, его глазами и руками, когда научится чувствовать и понимать природу...

И неудивительно, что в книге возникает живая переключка исторического прошлого с нашим временем – ведь сегодня в Тобольске растёт и процветает ландшафтный парк «Ермаково поле», созданный руководителем фонда «Возрождение Тобольска» А.Г. Елфимовым, один из самых известных в Сибири. Он открылся 24 июня 2016 года в День города Тобольска.

Как пишет известный поэт и редактор серии «Тобольск и вся Сибирь» Ю.П. Перминов, в библиотеку которого входит и «Цевница», «более 20 лет назад территория бывшего дома отдыха в окрестностях Тобольска была неухоженной и заброшенной: в оврагах каменели свалки мусора, многие деревья почти обезжизнили, будучи уже не в силах воздуть к небесам в мольбе

о помощи иссыхающие, ломкие ветви. Потребовалось немало времени, сил и средств для восстановления былого великолепия природы, чтобы земля, освобождённая от смертельных для неё тонн хлама, «раздышалась»...

...И сегодня под открытым небом... здесь произрастают редкие для Сибири растения: актинидия, кирказон, лимонник, скумпия, бересклет, гортензия, барвинок, вейгела, ясень, пузыреплодник, несколько видов и форм клёна, барбариса, клематиса, можжевельника, ивы, спиреи, сирени и туи... 418 видов, форм и сортов растений на площади менее 27 га!»

Этот современный пример, завершающий историческое описание усадебных садов, ландшафтных парков, наглядно показывает связь и перекличку родственных форм культуры. Ведь культура всегда отвечает на вопросы бытия человека в этом мире таким образом, чтобы дать всему человечеству наибольший шанс выжить. Сегодня этот шанс – в диалоге с природой, в том, чтобы действительно стать глазами и руками Бога.

Книга «Цевница» обретает при этом особенное культурное значение – не только как тщательно собранный и бережно представленный исторический материал, но и как проект возможного будущего.

Наталья СЕВЕРОВА

Звёзды. Корабли. Душа.

К 80-летию Владислава Крапивина

*«<...> человек должен быть добрым, смелым,
честным, а иначе зачем он?»
Наталья Соломко, повесть «Горбунок»*

Свердловск. 1966 год. В свет выходит повесть Владислава Крапивина «Оруженосец Кашка». В этой повести автор с лёгкой улыбкой пишет: «Сейчас рыцари на земле вывелись. Но в далёкие времена, когда на высоких горах стояли каменные замки, когда в тёмных дубравах водились буйные разбойники, а учёные-астрономы носили остроконечные колпаки с серебряными звездами, рыцарей было видимо-невидимо» [1;15]. С улыбкой читают эти начальные строки повести свердловские мальчишки и девчонки, еще не зная, что держат в руках книгу о том, как становятся истинными рыцарями.

Книга эта о Воине и Сказочнике, о Герое и Поэте. Книга о том, кто хочет управлять реальной жизнью, и о том, кто хочет создавать новую, достойную его души жизнь. Это два разных человека: тринадцатилетний Володя и восьмилетний Кашка. Пройдут годы. В книгах, которые будет создавать Владислав Крапивин в 1970–1980-е годы, в образе главного героя сольются воедино Воин и Сказочник, Герой и Поэт, тот, кто может управлять реальной жизнью, и тот, кто способен создавать новые миры.

А пока герою Крапивина предстоит путь к этому слиянию. 1971 год. Повесть «Баркентина с именем звезды». Вслед за контрастными образами и образами, отражающими пограничное видение мира, повесть начинают пронизывать образы, соединяющие разные стихии. И образом, по максимуму вобравшим в себя семантику единения различных стихий, становится баркентина. Но именно баркентина сразу же разделяет мир гавани на два лагеря: вся система образов, в которых слилась семантика различных стихий (старый город, морские ветра, чайки, Мальчик, Чип, Мартыныч), с одной стороны, и капитан Рудик, для которого баркентина – старый «ящик» [2;87], с другой.

Как индикатор духовности и бездушия баркентина влияет на духовный опыт главного героя, которого автор в притчевой манере называет Мальчик. Герой примерил на себя судьбу баркентины и понял, что для него тоже лучше умереть, чем потерять душу. Баркентина способна подарить абсолютное счастье и ввергнуть в несчастье главного героя повести. Страх Мальчика, думающего о том, что парусники могут исчезнуть, развеивает старый моряк Мартыныч: «Паруса будут всегда, пока есть на свете три вещи. <...> Во-первых, море... Во-вторых, ветер! А в-третьих? <...> – Люди, Мальчик. Такие, как ты» [2;90].

Так о каких людях идёт речь? Ответ на этот вопрос даёт представление о главном герое Владислава Крапивина, ради которого он и создаёт свои книги на протяжении шестидесяти лет. В повести «Баркентина с именем звезды» автор раскрывает сущность героя, благодаря которому «паруса будут всегда». Цель жизни главного героя – увидеть иные миры, то есть связать в своём сознании мир, в котором он родился, и миры ещё неведомые. Герой изначально открыт иным мирам, иным стихиям. А отсутствие страха у главного героя перед высотой и ветром – знак доверия этим стихиям и

единения с ними [2;96-97]. Герой Крапивина – избранный, поскольку способен любить: «Начало августа было солнечным и тёплым. Здешний край, известный туманами и пасмурным небом, словно хотел показать Мальчику, что умеет быть ласковым к тем, кто его полюбит» [2;74] Герой – избранный, поскольку способен почувствовать грань между жизнью «горячего сердца» и жизнью «сытого бегемота» [2;79]. Герой – избранный, потому что в самые опасные мгновения жизни забывает об инстинкте самосохранения и становится бескомпромиссным по отношению к Злу [2;97-98].

Есть в повести ещё один образ, без которого не состоялась бы избранность героя. Речь идёт об образе Звезды. Звезда появляется в повести раньше баркентины, но сразу же оказывается связанной с кораблём в мечтах главного героя: «Когда я сделаюсь капитаном, – сказал Мальчик, – я попрошу, чтобы мой корабль назвали так же, как эту Звезду» [2;79]. Чуть позже писатель введет в повесть жанр «считалки»-заговора, где Звезда занимает место главного магического образа («Тучка – светлый парашют, // Очень я тебя прошу:// Разгони мою беду, // Позови мою Звезду <...>») [2;80]. И вот здесь чётко проступит то, что привносит Звезда в земную жизнь: она может отвести беду [2;80], исполнить желание [2;84], спасти свою сестру-баркентину от унижительного существования [2;100-101].

Небесный образ Звезды становится в повести символом духовности, но автор, избегая слова «душа», часто заменяет его словами «волшебство», «сказка», «чудо». Мотивы волшебства, сказки, чуда пронизывают всю повесть. И, конечно же, как в любой полусказке и сказке, в повести есть волшебный предмет-помощник. В «Баркентине с именем Звезды» таким помощником становится зеркало от секстанта: «Мальчик взял в ладони зеркальце. То зеркальце, в котором отражались когда-то южные звёзды и айсберги, ураганные волны и стаи летучих рыб. Оно будто согревало ладони и нашептывало сказки» [2;99].

Зеркало не только дарит герою сказочный, поэтический по своей красоте мир [2;93-94]. Мотив зеркала играет в системе образов повести и другую роль: мы находим в повествовании принцип зеркального отражения героев. Поначалу кажется, что в повести мы сталкиваемся с системой двойников: Мальчик и лягушонок Чип (и у того, и у другого – горячее сердце), Звезда и баркентина с именем Звезды. Но оказывается, что все эти герои обладают единым качеством. Это качество – умение преобразовать реальность в сказку, превращая жизнь убогую в жизнь одухотворённую. Человеческая душа способна стать зеркалом, которое дарит сказочный по своей красоте мир.

Одно из главных качеств героя Владислава Крапивина – бескомпромиссность, когда реальная (не сказочная, не добрая) жизнь пытается заставить его жить по своим законам. Но для существования бескомпромиссной Души в этом мире нужны условия. И таким условием становится принцип духовного родства, который соединяет героев, способных своим словом, поступком, мечтой преобразовать убогий мир в мир, живущий по законам доброй сказки. И вновь оказывается, что самая главная ценность в этом мире – волшебство, которое способна творить душа, открытая всем стихиям мира.

А потом будут семидесятые и восьмидесятые годы... Трилогия о Серёже Каховском, трилогия «Голубятня на жёлтой поляне», «Летающие сказки» и ещё много хороших с профессиональной точки зрения и добрых с человеческой точки зрения книг... Книг, за которые миллионы людей в разных точках планеты Земля бесконечно благодарны Владиславу Крапивину, потому что в своих книгах он просто и убедительно доказал необходимость быть Человеком. ...Если уж человеком ты рождён.

А дальше – девяностые годы... Прыжок страны в капитализм. Как в пропасть. До человеческого ли, когда падаешь в пропасть? Оказалось, да.

Даже в разочаровании герой романа-фантазии Владислава Крапивина «Кораблики» («Помоги мне в пути...») (1993) произносит фразу: «Ведь Дорога всё равно получилась...» [3;140]. Дорога как ценность сама по себе. Лекарство от боли. Надежда. В романе не единожды прозвучат слова «дорога», «путь», «уход». Три персонажа проживают свои жизни под знаком этих слов: Питвик (взрослый Пётр Викулов), Петька Викулов (одиннадцатилетний мальчишка, выхваченный из своего времени и перенесённый на сто лет вперёд) и Конус (мозг, задействованный учёными для того чтобы прорубить туннель в многомерных мирах).

В начале романа доминирует слово «уход». Для Петьки Викулова это уход, напоминающий бегство. Бегство не столько из Старотополя, сколько из того состояния души, в котором приходится жить, согнувшись: дискомфорт от встречи с одноклассником, дискомфорт от воспоминаний о себе – участнике избиения Турунчика, воспоминания о согнутой жизнью маме. Главный герой романа сам найдёт слово, отражающее взаимоотношения его души с окружающим миром: «И я как... приговорённый какой-то» [3;34]. Агнец на заклание на алтаре чужой подлости, Петька видит своё насильственное отторжение от людей как беду: снятый с него красный галстук становится знаком раскола с людьми: «Но беда всё равно давила тяжело. Кто я теперь? Всё равно что враг народа, белогвардеец какой-то...» [3;27].

В «Корабликах» приговорённость к беде достигнет не свойственных ранее для произведений Крапивина масштабов: двенадцать тысяч беспризорных мальчишек и девчонок неотвязно преследуются бедой; только благодаря высшей космической логике ребятам с чёрных пароходов «Розалина» удастся избежать предначертанного земным дьяволом Полозом. Не единожды в романе возникают диалоги, рассуждения о причинах страданий невинных: отец Венедикт задаётся вопросом: «Или есть какой-то всеобщий закон развития мира, по которому без детского страдания не обойтись?.. Или впереди такая награда, что искупит все?» [3;259]. Проповедуя свою трактовку развития мира, Полоз объясняет Петру Викулову причины страданий невинных детей: они – приговорённые в извечной борьбе Добра и Зла: «А откуда ты взял, что страдать должны виноватые? Боль виноватых заслужена, сбалансирована и не влияет на стабильность мировой оси. А ось эта искривлена грехами. Необходимо искупление. В основе же искупления – всегда страдание невинных.

<...> Ведь именно безгрешный, ни в чём не виноватый и чистый Иисус явился в мир, чтобы своими страданиями искупить грехи всех смертных. Другое дело, что у него ничего не вышло, но тут нет его вины. Смешно думать, что кто-то один, пускай даже Богочеловек, может заплатить собою за бесчинства и беззакония миллионов. Мировая математическая логика требует, чтобы для расплаты страдали тоже миллионы. Миллионы невинных, с нетронутыми душами. Это заложено в самой основе Мироздания...» [3;306-307].

«Мировая математическая логика» в интерпретации Полоза требует, чтобы пароходы «Розалина-1» и «Розалина-2» – плавучие полушколы-полутюрьмы стали местом расплаты детей за чужие грехи. В пространстве «Розалин» происходит насильственная остановка в Пути каждого маленького человека. И каждая новая мутация «Розалин» в «лучшую сторону» на деле оказывается новой попыткой зафиксировать двенадцать тысяч развивающихся судеб смертью.

Но не только пространство «Розалин» становится ареной борьбы Добра и Зла, каждая отдельная человеческая душа – арена этой борьбы. На извечный вопрос «Откуда берутся нелюди?» отец Венедикт отвечает так: «Все мы, друг мой Пётр, есть смешение добра и зла, и дьявольские семена прячутся в каждом изначально. Только нормальные люди не дают им взойти, дают эти ростки в себе, потому что ощущают в душе Божье начало, питающее любовь и жалость к другим людям. А если этой любви в человеке нет?.. Вот и прорастает сладкое желание дать себе радость за счёт мучений слабого и незащитного, за счёт своей безграничной власти... Чем-то же надо заполнять пустую душу...» [3;264-265].

Смешение, переплетение добра и зла приводит к тому, что происходит раздвоение душ, судеб, вариантов выхода из одной и той же ситуации. Раздвоенность, вариативность личности и её судьбы с наибольшей силой проявляется в противостоянии двух образов, олицетворяющих в романе Добро и Зло.

Диалог Полоза с Петром Викуловым в эпизоде, где последний готовится уничтожить «учёного мерзавца», показывает, насколько тяжёл груз, обрушившийся на душу Питвика. Для того чтобы доказать себе, что он имеет право на убийство, Питвик выхватывает из прошлого изгиб ребячьей судьбы и обращается в будущее, доводя до логического завершения судьбы ребят с «Розалин». У Полоза же аргумент иной: наиболее драматичным в этом диалоге становится момент, когда Полоз напоминает Питвику, что тот только благодаря случайности не оказался в одном лагере с Полозом: «Просто ваша судьба в давние годы милостиво перевела стрелку на ваших рельсах рукою десятиклассника Яшкина, который дал вам оплеуху. А если бы не это? вспомните ваш тайный интерес, когда били Турунчика! Как вы часто дышали при виде чужого страдания! Во что это могло развиться, если бы не Яшкин?» [3;396].

Особенностью жизненной философии, морали Феликса-Антуана Полоза является её аморфность, «текучесть», «диалектичность». Сущность её – изменение, передёргивание, выворачивание наизнанку фактов, мотивов, последствий ради оправдания любой подлости Полоза. Таков пассаж героя о любви к уничтоженным им детям, любви-благодарности за их страдания, таково его объяснение причин, по которым «ментальная фотография» одиннадцатилетнего Петьки Викулова слишком долго не исчезает; таковы доводы, объясняющие его, Полоза, необходимость миру. Этот персонаж дан на Пути Питвика не только как дьявол-искуситель, но и как второе «Я» Питвика, которое по ряду причин не состоялось, то есть как форма осознания себя методом отталкивания от противного.

Дважды Питвику на его Пути будет уготовано одновременно искушение и осознание себя через другого: Ким Блескунов, пионер с резиновой моралью, жонглирующий идейными фразами ради уничтожения непокорного, станет «предтечей» Полоза в судьбе Питвика. Эпизоды взаимодействия с Блескуновым становятся для будущего Петра Викулова способом осознания Блескунова как зла и отделения себя от зла. Эпизоды же взаимодействия Питвика с Полозом становятся для главного героя способом осознания зла в себе. Так набирает силу философия жизни Питвика, построенная на принципе, противоположном философии Полоза-Блескунова. Философия Питвика – это философия констант. Необходимость в нравственных константах возникает в детстве и диктуется всей последующей жизнью Питвика: встречей с Петькой и мучительностью обретения взаимопонимания с ним, а как только заканчивается психологический конфликт одной души в двух

телах, сразу же начинается разлад внешний, конфликт, спровоцированный Полозом (Питвика вызывают на дуэль «аристократические» подонки), следом идет конфликт онтологический: Конус ощущает, что прямая курса раздваивается, что он пребывает в двух плоскостях. Возвращение Питвика с «Иглы» становится временем лавинообразных бедствий: онтологических, социальных, психологических (исчезает Конус, закрывают программу исследований, исчезает Петька). Ритуалом, воплощающим потребность будущего Питвика в константах, становится его обращение к Богородице. Ритуалом становится его последнее исполнение «Песни Джима» [3;51].

Лейтмотивом в романе «Кораблики» становится мотив «молитвы живым словом» – мольбы души: Питвик, потерявший из-за межпространственных переходов Петьку, будет молить Богородицу о его возвращении, а по сути о возвращении части своей души; на кладбище у захоронения беспризорных детей Питвик молит о том, чтобы Петьки не было среди похороненных; о помощи в Пути молит Богородицу Пётр Викулов, готовясь к последнему шагу.

Ритуалы души содержат в себе то, без чего душа не может выстоять, находясь между полюсами Добра и Зла – Надежду. Сжимающаяся от боли одиночества душа Питвика впитывает надежду, идущую от отца Венедикта. Знаком надежды в романе становятся кораблики – символы вечного Пути, которые Питвик и Петька оставляют у лика Богородицы и на могиле мамы. Кораблики становятся теми узелками, которые связывают души в разных временах и пространствах, ими выверяется правильность Пути, то есть правильность Души героев. Антиподы корабликов – «чёрные пароходы» «Розалина-1» и «Розалина-2» – символы обманутой надежды, поруганной детской души.

К истинности души герои приходят не только посредством тех обстоятельств, через которые их заставляет пройти Дорога, у душ есть наставники. В романе использован принцип перевёртывания привычных отношений «учитель – ученик». Казалось бы, старше Питвик, и это он должен вести Петьку не просто по жизни, а по будущей (через сто лет) жизни, но ребёнок обучает взрослого зрячести души: Петька взрывается на реплику Питвика о «пристанской шпане», мальчишка даёт понять взрослому, что за внешней грязью тот не видит чистых душ; Петька даёт понять Питвику, что не уйти с Пути – это значит быть в самом опасном месте; Петька оказывается более «обученным жизнью» в сцене уничтожения Полоза, предупреждая Питвика о том, что нельзя сдавать талантливому мерзавцу правосудию Северо-Восточной республики, уж слишком он необходим властям.

Казалось бы, Конус создан Питвиком, Питвиком разработана программа этого мозга, мыслящего межпространственными категориями... Питвик – учитель, Конус – ученик. Но выясняется, что Конус и на Земле-то появился только для того, чтобы там оказался Пётр Викулов, которому предназначено спасти двенадцать тысяч ребячьих душ.

Персонажи – духовные наставники главного героя воплощают мотив пересекающихся параллельных. В романе «Кораблики» пересекаются и понятия «душа», «надежда» и «путь», они становятся синонимами друг друга. Такое пересечение происходит в пределах одного эпизода (сцена в Корабельной церкви перед отплытием «обновлённых» «Розалин») и на концептуальном уровне. В размышлениях Питвика о предстоящем отъезде Петьки угадывается связанность понятий «путь» и «душа»; Петька, понявший, что не может быть Пути Питвика без его, Петькиной, души, запускает катапульту, зная, что смерч со стержнем из абсолютной внепространственной пустоты втянет их, и они уже не смогут вернуться:

«У нас, по-моему, одна душа. А если две, то когда мы... растаем, они всё равно сольются в одну» [3;405]. Петька неспроста замолкает ненадолго перед словом «растает»: ни он, ни Питвик не знают, что их ждёт в конце Пути, и тем не менее ради самого Пути...

Философия констант, свойственная главным героям, в сюжете романа воплощается в понимании Пути как возвращения к истокам: после известия о смерти Питвика Петька уезжает в Старотополь, чтобы понять, зачем жить дальше, позже у героя возникает и мысль об «уходе назад», в своё время. Известие о возвращении Конуса становится для Петра Викулова знаком того, что сама судьба возвращает его на прежние рельсы, и теперь он будет идти до конца. Череда поступков двух главных героев романа становится подтверждением давнего обета, началом и завершением одного действия. Движение Пути как возвращение к себе, истинному, а не совершающему ошибки, подтверждается в романе приёмом сращения двух персонажей в одну личность. В начале Пути героя ошибки Судьбы не произошло, но произошла ошибка Души, и возвращение осуществляется во имя исправления этой ошибки. Обещанием, предвестием, пророчеством этого возвращения к себе становится «Песня Джима», прозвучавшая в начале романа и ставшая главной мелодией души Питвика-Петьки.

Движение всех силовых линий романа – это движение от разобщенности, многовариантности к единению. К единому, оптимальному варианту – нравственной константе.

Поиск правильного Пути в условиях социального слома Владислав Крапивин продолжит в романе «Бабушкин внук и его братья» (1996).

В начале романа мы находим классическую ситуацию, в которой одиннадцатилетний ребенок вынужден играть роль жертвы только потому, что сверстники назначили его жертвой. Но в роли жертвы, в беде, находится не только главный герой (семья Альки после пожара, семья Ивки, Арунас, театр Демида Полянского). Алька Иволгин находит источник беды. Слово, определяющее этот источник, – Озм = «озверелый мир». Знаки Озма чувствуются везде: отец Альки замечает, что дедовщина – «общий признак нынешней современной жизни», имея в виду то, что крысиная ненависть прохватывает все сферы человеческой жизни. Основным знаком озверелого мира становятся поджоги: корыстным миром духовность выжигается буквально. Превращают нейтральный мир в мир озверелый «не совсем люди», те, которые «могут наступить другому сапогом на горло и не дрогнуть» [4;137]. Вместо души, вместо человеческих чувств у таких особей – инстинкты (Лькунчик).

В пространстве Озма главный герой романа постоянно делает открытия. Открытием для Альки становится то, как озверелый мир воздействует на него: страх вторгается в душу героя, пытаюсь заставить его жить инстинктами. Страх за тело порождает дополнительные трудности в отстаивании души. Но именно с преодоления собственного страха начнётся противостояние Озму Альки Иволгина. Дело в том, что кроме череды страхов, навеянных Озмом, есть у Альки его собственный страх – страх утратить лучшее в душе. Именно потребность отстоять свою душу приводит к тому, что вся жизнь Альки до его примирения с Вальдштейном – постоянная война с Озмом. Не он эту войну начал, но обычная «мирная» детская жизнь превращается в горящую точку.

Роман называется «Бабушкин внук и его братья». «Бабушкин внук», потому что даже с родителями герою придётся вести бои за свою душу. В отличие от родителей, бабушка для Альки истинно родной человек:

именно она доказывает, что душу в Озме сохранить можно, и показывает, как это можно сделать, отсюда система образов, воплощающих понятие родового гнезда: бабушкин дом, Евангелие, Квасилий (помесь гнома и пушистого кота), часы. Прежде чем автор выведет нас к своему представлению о том, как можно сохранить душу в Озме, он даст варианты судеб людей, пытающихся сделать это в одиночку (старый виолончелист, спасший Арунаса, Тутарский, подробно объясняющий мальчишкам причины, по которым он сохраняет в себе живую душу) [4;236]).

Есть на планете Земля, словно бы любующейся своим беснованием (вспомним мотив лезущих в сознание новостей), особое пространство: Завязанная роцца – пространство, странное для Земли не только с точки зрения физической, но и с точки зрения нравственной. Автор особо отмечает в сюжетном времени точку, когда начинает звучать мотив сказочного, доброго пространства: с появлением Николки (проводника в мир, достойный человеческой души) начинается особый, сказочный отсчёт времени. Алька подмечает, что Роцца, Дорога становятся главной частью его жизни и жизни его друзей. Здесь душа живёт по своим законам, а не по тем, которые навязал Озм; здесь всё получается (Арунас, никогда не игравший на виолончели, исполняет на ней песню про аистёнка), души ребят становятся зрячими. Одно из открытий Альки заключается в том, что мифическая точка во Вселенной, где должны встретиться любящие души, оказывается на Дороге; отрёкшийся от всего и всех, Алька вдруг наталкивается на слова: «Алька, мальчик мой, я тебя очень люблю» – и воспринимает это как мольбу отца не уходить навсегда. Добрый мир Дороги не просто вытаскивает героя из смерти, он дает возможность совершить ещё одно открытие: понять отца, утвердить духовное родство с ним.

Мир, альтернативный Озму, сам выбирает героя, которому позволяет делать столь значительные открытия. До встречи с Роццей Алька Иволгин проходит ряд испытаний, в результате которых интуитивно постигает истину: невозможно в таком мире сохранить душу в одиночку, не прожить без дружбы и духовного братства. Мотив кровного братства возникает в романе каверзно (предыстория и история открытия Алькой того, что у него есть старший брат). Куда сложнее дела будут обстоять с духовным братством друзей: автору придётся вывести ситуацию подтверждения дружбы на патетическую ноту (сцена у новогодне-прощального костра), хотя писатель не скрывает компромиссного характера такого братства. В озверелом мире приходится идти на компромисс: держаться друг за друга, но в романе эта несвобода героя от других не доведена до степени внутреннего конфликта. Здесь это просто один из этапов освоения Алькой мысли о братстве. Это одна из граней осознания главного принципа братства – самопожертвования (самопожертвование – главная тема и песни об аистёнке). То, что братство, союз душ – это знак мира Не-Озма, доказывает образ сказочного Динь-Дима. Его колокольчик вызванивает мелодию родственных душ. Образы материального мира, если они несут в себе душу, так же вступают в отношения братства-родства (Арунас найдёт в Старом Доме виолончель – сестру той, что спасла его).

Выработанный Озмом суеверный страх потерять обретенную сказку приводит к тому, что герои стараются беречь в тайне обретенное духовное родство. Всё истинное в романе связано с тайной (и для того чтобы уберечь истинное от Озма, и потому что истинное сложно по своей природе). Случайности, совпадения – знаки проявления тайны, прежде всего, конечно, тайны «многообразности» мира.

Благодаря «случайному стечению обстоятельств» оказывается, что у Альки на самом деле есть старший брат. Глава «Горящие точки» начинается размышлениями героя о злых совпадениях [4;424]. Но есть и добрые совпадения: маленький путешественник Дим приводит свой игрушечный автобус к остановке, которую отметили ребята, рассуждая так: «Потому что должно... всё совпадать друг с другом... Чтобы на свете было равновесие...» [4;263]. По закону совпадения в пространстве Озма и Дороги существуют добрые образы-двойники (дом бабушки – Старый Дом, виолончель, спасающая Арунаса, – виолончель в Старом Доме).

Оказывается, что добрый мир и Озм связаны. В ходе повествования Алька постепенно подготавливается к осознанию драматичной истины (Озм – в нём самом) посредством аналогий, переключек. Именно для того чтобы увидеть мир во всеобщей связи и показать, насколько тяжело для души бремя осознания связи всего со всем, неясности границы между добром и злом, автору и необходим особый герой, соединяющий в братский союз разные души. Алька Иволгин объединяет ребят, поскольку способен ощутить душу другого человека, его тайну. Эта способность достигает апогея в финале, когда Алька не уходит в небытие, потому что постигает душу отца, любовь отца к нему, причину отцовской отчуждённости. Нота неисклюшённой исповедальности, которую привносит главный герой в повествование, внешне демонстрирует его слабость, уязвимость («Я – трус»), тем значительнее видится в финале романа герой, не только объединивший добрые души в пространстве Озма, сумевший вырваться из комфортного небытия, но и оказавшийся способным на надежду. Это надежда Альки на то, что если дать Озму хорошее имя, то можно сделать мир добрее [4;321].

Если начинается роман ситуацией, где мы наблюдаем героя в состоянии полной безнадёжности, то заканчивается произведение надеждой найти Слово, преобразующее мир, одухотворяющее его. Начало романа – тупик, безысходность одиночки, финал – упоминание о духовном братстве, в котором каждый думает не о себе, а о беде всего мира. Тема духовного братства становится темой, организующей вокруг себя основные мотивы романа. Самые драматичные моменты повествования (самоубийство боевика, отпустившего Арунаса, попытка Альки уйти в небытие) вызваны тем, что герои подсознательно понимают: подчиняясь логике Озма, они нарушают закон братства. Именно нарушение закона братства людьми влечёт за собой мотив беды. Насколько важен в романе мотив беды, настолько же важен и мотив тайны. Беда – от озверелого мира. Тайна – от мира, предназначенного для светлых душ. Тайна (неясность, неточность, многовариантность будущего) в отличие от единственно данного настоящего озверелого мира позволяет существование Надежды, столь необходимой для спасения души в озверелом мире.

Каждый из нас, кто прошёл временной отрезок 1990-х годов, может дать точный диагноз состояния наших душ и умов тех лет. И каждый из нас понимает, насколько сильным и мудрым Человеком надо быть, чтобы во время социального слома ясно и чётко видеть не только знаки беды, но и пути выхода из этой беды.

Статью, посвящённую пятидесятилетию Владислава Крапивина («Урал», 1988, № 10), я начинала такими словами: «Мы все дальше от социального вегетарианства».

Статью, посвящённую восьмидесятилетию писателя, завершу так: «Порой этот уход от социального вегетарианства напоминает уход

от человечности вообще. Но до какой бы точки этот процесс ухода ни дошёл, всегда будет Человек, который напомним: есть звёзды, корабли, душа»...

Текст цитируется по изданиям:

1. Крапивин В.П. *Оруженосец Кашка*. – Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во, 1966. – 127 с.

2. Крапивин В.П. *Баркентина с именем Звезды* // Крапивин В.П. *Далёкие горнисты*. – Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во, 1971. – С. 71–104.

3. Крапивин В.П. *Кораблики*. – М.: Дет. Лит-ра, 2000. – 425 с. – (Опасный возраст).

4. Крапивин В.П. *Бабушкин внук и его братья*. – Крапивин В.П. *Собрание сочинений. Кн.18. Бабушкин внук и его братья: Роман, повесть*. – М.: Центрполиграф, 2001. – С. 5–322.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Инна СОБЕННИКОВА

Узелки судьбы

*Немецкий учёный Фридрих Ричард Рудольф Шлехтер
(Friedrich Richard Rudolph Schlechter) (1872–1925)*

и его связь с Сибирью

Романтическая встреча явилась неожиданным связующим звеном немецкого учёного ботаника с Сибирью.

Со своей будущей женой, дочерью крупного сибирского чаепромышленника первой гильдии, владельца кожевенного завода в Тюмени Василия Алексеевича Собенникова Рудольф Шлехтер, немецкий учёный, ботаник и географ, познакомился в своей последней и весьма примечательной поездке, которая состоялась в октябре 1906 года и включала в себя посещение Явы и Суматры.

В эти же годы старшая двадцатилетняя дочь кяхтинского купца Александра (Аля) Собенникова с матерью, сёстрами и многочисленными родственниками также находилась в путешествии по разным странам, в том числе Японии, а затем в Европе.

30 сентября 1907 года Александра Собенникова фотографируется в Харбине в возрасте двадцати лет. Начиная с 1908 года от неё приходят в Сибирь открытки из Европы. А к концу 1908 года в Париже она посещает фотографа и присылает фотографию в Россию.

Спустя некоторое время по возвращении Рудольфа Шлехтера из путешествия в мае 1910 года пара обвенчалась.

Следует знать, что богатые кяхтинские торговцы давали хорошее образование своим детям, выписывали гувернанток из Европы, благодаря которым дети с детства знали несколько иностранных языков и были хорошо воспитаны. Для ознакомления с мировыми культурными ценностями их вывозили за границу, одевали по последней французской моде.

Стройная, смуглая, светлоглазая, с пушистыми ресницами и роскошными волосами, Александра Собенникова соединила в себе гены разных народов и народностей, из которых главной была русская кровь, смешанная с зырянами, бурятами и якутами. Поэтому и внешностью своей она вышла необычной и очень привлекательной. Родилась она 26 июня 1887 года, была младше Рудольфа на пятнадцать лет.

В начале июля 1911 года в Берлине родилась их первая дочь – Алиса, и уже в 1912 году они отправились в Россию через Сингапур. Довольно долго гостили в Кяхте, в доме детства Александры Собенниковой-Шлехтер. Сохранились переписка и фотографии от этого путешествия.

Семья Собенниковых переехала в Москву в 1910 году и проживала сначала по разным адресам, пока не остановила свой выбор на громадной квартире неподалеку от храма Христа Спасителя в самом центре Москвы. Но лето 1912 года проводила в Кяхте на своей даче.

Надо сказать, что семья Собенниковых была очень богата, и их дочь, несомненно, была независима материально, несмотря на то, что и муж её Рудольф Шлехтер был в достатке и мог обеспечить семью.

Навещали Александру в Берлине в разные годы мама Александра Александровна, младшая сестра Азелла и младший брат Ор.

Мама находилась в Берлине, судя по домашней переписке, дважды, в связи с рождением первой дочери Алисы и второй – Юлии в начале 1914 года.

Она пишет из Берлина в Москву младшему сыну Ору 31 марта 1914 года: «Племянница твоя зовётся Юлией. Быстро растёт и много сосёт. Аля чувствует себя хорошо. Уже встала с постели, так что через недельку думаю освободиться от берлинских обязанностей».

Очень тёплые отношения сложились между Рудольфом Шлехтером и братом жены Ором Собенниковым; об этом говорит несколько открыток учёного. Мальчик был очень любознателен, он серьёзно занимался коллекционированием монет и марок. И оба супруга старались выполнить все его просьбы.

Адрес, по которому проживал учёный со своей семьёй в 1915–1916 годах, и возможно, до самой своей смерти, остался на одной из открыток, посланной из Москвы сестрой Александры Шлехтер (жена ботаника) для их брата Ора, который находился в это время в Берлине. С этого же берлинского адреса шли письма семьи Шлехтер в Россию – на родину его жены.

В письмах из Берлина Аля часто жаловалась на то, что она делает всё возможное, чтобы научить ребёнка русскому, в то время как его отец, Рудольф, никоим образом не поддерживает её в этой затее. В итоге он оказался прав. После революции семья никогда не воссоединялась, и знание русского новому поколению не было нужно.

Больше всех, конечно, страдала Аля. Она потеряла возможность не только приезжать и видаться с родными, но и лишена была даже переписки с ними. И всё-таки через знакомых иногда в Москву приходила информация и фотографии. Возможно, последняя прижизненная фотография семьи Шлехтер, дошедшая до Москвы, сделана на германском побережье в 1920-х годах, где семья отдыхала в полном составе, включая мать Рудольфа. Поздней осенью 1925 года Рудольф Шлехтер умер.

В 1926-м, на следующий год после его смерти в Германии, в заметках Королевского ботанического сада и музея Берлина была напечатана информация о жизни и деятельности этого уважаемого и продуктивного учёного ботаника XIX–XX веков [1]. Фридрих Ричард Рудольф Шлехтер известен большей частью как крупный специалист по орхидеям и получил звание профессора в 1904 году именно в связи с новыми открытиями в этой области.

Примерно 18 лет своей жизни, начиная с 1891 года, учёный провёл в путешествиях по разным странам и континентам, когда быстрые виды транспорта отсутствовали. Известно, что за время своей, к сожалению, недолгой жизни, он успел побывать в Африке, Индонезии, Новой Гвинее, Австралии, Южной и Центральной Америке, Малайском архипелаге – островах между Азией и Австралией, Мадагаскаре, четвёртом по величине острове в мире, причём в некоторых странах, как например, в Гвинее, он был не раз.

Папуа – Новая Гвинея была в то время колонией Германии, и поездка в 1896–98 годах финансировалась колониальным экономическим комитетом в Берлине, занимающимся производством резины, поэтому интересующимся местами произрастания каучука.

Являясь сотрудником Берлинского ботанического сада и ботанического музея в Берлине, он передал в музей свою объёмную коллекцию гербариев орхидей.

Музей в Цюрихе также имел его экспонаты, коллекции гербариев, каталоги растений, а оранжереи ботанического сада Ганновера (Berggarten)

содержали около тысячи новых неизвестных орхидей, которые Рудольф Шлехтер передал саду.

В 1921 году, за несколько лет до смерти, Рудольф Шлехтер получил высокое звание «Очень важный сотрудник музея».

К сожалению, ценные собрания его коллекций, привезённые из разных концов света, были уничтожены во время бомбёжки Берлина в 1945 году.

Возможно, несколько раньше часть их была продана в Россию, так как есть информация, что часть его коллекции гербария сохранилась в «Гербарии имени И.П. Бородина» в Санкт-Петербургской лесотехнической академии, которому присвоен ранг национального гербария ввиду его ценности.

В течение жизни учёный написал важные работы по каучуку, работы, касающиеся географических исследований, описано множество новых таксонов растений из различных семейств, особенно орхидей. [2] Благодаря ему некоторые виды орхидей получили латинские названия, в которых просто угадать девичью фамилию его русской жены Собенникофф – *Sobennikoffia humbertiana* и *Sobennikoffia robusta* [3]. Были и названия в честь их дочери – Julia.

Думается, что если бы не революция 1917-го, то бывшая жена, а теперь вдова Рудольфа, могла бы вернуться в Россию, поскольку более ничего не удерживало её в Германии. Но в России в это время был полный хаос, в 1918 году национализировали кожевенный завод её отца в Тюмени, пропали деньги семьи в банках. Ехать было некуда.

Одна из последних фотографий Александры Собенниковой – фрау Шлехтер, которую удалось переправить в Россию, сделана в 1939 году. На ней с трудом можно признать всегда весёлую и очаровательную Алю. Ей в это время было чуть за пятьдесят, на лице печать много пережившей женщины. Через несколько лет её постигнет новое горе: во время очередной бомбёжки Берлина в 1945 году при тушении падавших на крыши домов бомб осколком убита её старшая дочь Алиса. Эта была последняя информация, которая дошла до семьи в Москву. Больше ни о ней, ни от неё никогда ничего не приходило.

Прошло почти 100 лет со дня смерти Friedrich Richard Rudolph Schlechter, но люди такого уровня встречаются нечасто, поэтому не забываются. Его труды по ботанике, известные на весь мир, до сих пор востребованы и делают честь стране, в которой он родился. Некоторые из сделанных им открытий, в первую очередь, в области ботаники, как уже сказано, увековечили и его собственное имя, и имя его русской жены. И это уже достояние не одной отдельно взятой страны, а всего ботанического мира. В честь самого учёного названо несколько родов растений, с названиями которых можно познакомиться по сноске в Интернете.

Лет пятнадцать назад во время поездки в Германию мы с немецкими друзьями проехали в Берлин и постарались найти дом по бывшему адресу проживания семьи Шлехтер. Конечно, никто из соседей их уже не помнил, ведь после смерти Рудольфа Шлехтера прошло лет 65. Все, что мы могли увидеть на втором этаже дома – высокую, крепкую и красивую дубовую дверь, за которой находилась просторная квартира с балконом, выходящим на улицу, и который когда-то, в благополучные для семьи времена, наверное, был украшен цветами. На этом балконе 31 мая 1926 года была сфотографирована их дочь Алиса.

И всё же где-то в Берлине по сей день живут внуки и правнуки этой пары – немецкого учёного ботаника с мировым именем Рудольфа Шлехтера и его русской жены Александры Собенниковой, рождённой в далекой Бурятии.

Около года назад ко мне обратился краевед-историк из Улан-Удэ, сын которого живёт и работает в Берлине. Оказалось, что его сын случайно наткнулся в магазине антикварной книги на папку с домашними фотографиями семьи Рудольфа Шлехтера, по-видимому, когда-то принадлежавшей одной из его дочерей. На папке было написано «Фотографии моей мамы», внутри лежало до 20 фотографий сибирских родственников Александры Собенниковой-Шлехтер. Мужчина, который сдавал эту папку, координат своих не оставил, а продажу папки объяснил тем, что все фотографии завёл в компьютер.

Использованные источники, литература:

1. Фридрих Ричард Рудольф Шлехтер. <http://www.flowersweb.info/forum/forum17/topic31600/messages/>

Fridrich Richard Rudolf Schlechter. <http://www.flowersweb.info/forum/forum17/topic31600/messages/>

2. Шлехтер, Рудольф. https://ru.wikipedia.org/wiki/Шлехтер,_Рудольф

Shlechter, Rudolf. https://ru.wikipedia.org/wiki/Шлехтер,_Рудольф

3. Теодор Лозенер. Рудольф Шлехтер: Жизнь и деятельность. В выпуске Королевского ботанического сада и музея в Берлине. 9, № 89, ноябрь 1926, С. 912–958. *Theodor Loesener. Rudolf Schlechers: Leben und Wirken. In: Notizblatt des Kniglichen botanischen Gartens und Museums zu Berlin. 9, Nr. 89, November 1926, S. 912–958.*

У НАС В ГОСТЯХ «ОМСКОЕ ВРЕМЯ»

Сергей ПРОКОПЬЕВ Король для Виктории

В монастырь Виктория отправилась без Петра. Сказала, надо побыть одной. Купила билет в паломническую поездку. В основном ехали женщины. Почти все готовились к причастию. Исповедовал старец-монах, отец Никодим. Невысокий, борода седая до последнего волоса. Виктория с дрожью в голосе поведала о связи с женатым мужчиной.

«Вы должны решить для себя, – жёстко сказал монах, – что вам в конце концов дороже – спасение души или грех?»

И наложил епитимью: не только не допустил к причастию в этот день, но и запретил причащаться до Успения Пресвятой Богородицы. Виктория убито отошла от старца, глаза застилала слёзы, встала на колени перед иконой Божией Матери «Умиление». Просила помощи, поддержки.

Всю литургию душили слёзы. Когда хор запел: «Тело Христово примите, Источника бессмертного вкусите», – остро почувствовала себя прокажённой, отверженной. С завистью смотрела на подходящих к Чаше... Отправлялась в монастырь с надеждой – причастие даст силы побороть страсть, решиться на разрыв... Из церкви вышла сама не своя. Группа отправилась на святой источник, она отказалась, легла в гостинице на кровать, уткнулась лицом в подушку, ничего не хотелось... Несколько раз звонил Пётр, сбрасывала вызов, разговаривать не могла.

...Фамилия у Петра была звучной – Королёв. Виктория звала – мой Король. Всё произошло как-то само собой за две недели до Троицы. В ту пору Виктория только и знала о Троице, что на этот праздник церкви наряжают зеленью, специально привозят молодые берёзки. Королёв владел серьёзной фирмой. К Виктории Андреевне он зашёл под вечер. Собираясь уходить, вдруг предложил: «А что если я вас приглашу на озеро искупаться? Место чудное, за полчаса долетим, вода, я вам скажу, что-то невероятное – бодрит и не холодно, озеро прогрелось, позавчера купался – истинное блаженство».

Первая декада июня выдалось жаркой. Лето началось без раскочки. Вот и сегодня Виктория то и дело включала кондиционер в своём кабинете. «Купальные принадлежности для вас по дороге купим», – предупредил он возможные затруднения.

Предложение было, прямо скажем, неожиданным, но она согласилась. А почему, подумалось, нет? После работы два раза в неделю ходила в бассейн, поэтому заезжать никуда не понадобилось – купальник лежал в столе.

...Летели с озера в густеющих сумерках, окрылённые недавней близостью. Пётр поколдовал над магнитолой, и салон наполнился голосом Николая Носкова. На песне «Я тебя люблю» Пётр начал вторить певцу: «Я тебя люблю, я тебя люблю». Было понятно, кому адресовалось его не слишком искусное пение.

Час назад на пустынном берегу Пётр достал шампанское. Гладь озера слегка морщил лёгкий ветерок. На воде лежали краски малиново-золотого заката. Перед шампанским Пётр и Виктория долго плавали, даже устроили соревнования. Он крикнул «догоняй» и мощно поплыл от берега.

Виктория приняла вызов, она в юности серьёзно занималась плаванием, поэтому отказалась от данной себе установки не мочить волосы, опустила голову в воду и технично поплыла кролем. «Сдаюсь, – крикнул безнадежно отставший Пётр, – против мастерства не попрёшь».

На берегу Виктория удивлённо подняла брови при появлении бутылки сухого вина: «Вы ведь за рулём». – «Спокойствие, Виктория Андреевна, главное – спокойствие, как говорит незабвенный Карлсон, у меня кореш рулит в ГАИ»...

Мощная машина летела по трассе, отбрасывая назад берёзовые рошцы, красующиеся молоденькой листвой. Пел Носков «Я люблю тебя, это здорово!»

Всё было здорово!

Не совсем, если подумать: Король женат, у него дочь ровесница дочери Виктории. Однако, решила для себя Виктория, это его личные проблемы. Она женщина свободная, развелась, когда дочери исполнилось восемь, сейчас Саше девятнадцать, а ей сорок. Всего сорок. Пётр на десять лет старше. Всё здорово!

Они чуть не каждый вечер ездили на озеро. Подолгу плавали, пили лёгкое вино, провожали вечерние зори. Солнце уходило за озеро, надолго окрашивая западную часть неба пылающими красками.

На Троицу Пётр неожиданно пригласил Викторию в церковь. Она считала, если и будет продолжаться роман, так на озере, даче, номере отеля, в театр не прочь была пойти с Петром... Вдруг – церковь... Человек верующий, Пётр помогал храмам, знался с батюшками. В храм в честь первоверховных апостолов Петра и Павла позвал на праздничную литургию. Находился храм в пригороде, каким-то чудом уцелел в безбожные времена, долго стоял заброшенным, местные власти собирались не один раз снести, да слава Богу, прособирались.

«Кому как не мне, наречённому при крещении Петром, помогать восстанавливать эту церковь, – говорил Пётр, – окна им поставил, отопление сделал».

Виктория вспоминала тот день со стыдом. Утро было жарким, солнечным. Пётр подрулил на джипе к пешеходному переходу, у которого ждала Виктория. Вида не подал, а было чему удивиться. Пришла Виктория в короткой юбке, блузке с глубоким вырезом, на лице макияж... Всё как полагается для свидания с женщиной. Единственно, что сказал Король, окинув её взглядом: «Крестик-то забыла?» – «Ой, в шкатулке. Косынку сунула в сумку, а про крестик и не подумала». – «Не проблема, – чмокнул в щёку, – купим».

В церковной лавке он выбрал серебряные крестик и цепочку. Бабуля за прилавком была сама любезность: «Пётр Валентинович, вам лучше взять эту цепочку, прочная и красивая».

Виктория обратила внимание: большинство прихожан знакомы между собой – раскланивались, поздравляли друг друга с праздником. В церкви царил лесной дух. Перед иконостасом, а также по стенам стояли берёзки. Пол устилала подсыхающая трава. Виктория поймала себя на мысли: «Вот бы снять туфли и босиком пройтись». Было радостно и счастливо. Зелень соседствовала с золотом икон, ликами святых. В окна ломилось жаркое солнце, но толстые стены держали прохладу. Началась служба. Священник вышел из алтаря с кадилом, к запаху листвы и травы добавился тонкий аромат ладана. В смешанном хоре низкие мужские голоса оттеняли чистое серебро женских.

Вторую свою оплошность Виктория поняла, когда церковь опустилась на колени. Куда с её юбчонкой земные поклоны класть? На колени встала и осторожно села на пятки.

«Вот стыдоба, – говорила Петру, когда ехали обратно, – нисколько не подумала, одно на уме – тебе понравиться». Он счастливо смеялся: «Да ладно, всё отлично! Ну косились бабки, не без этого, на то они и церковные бабки! Переживут, я для них не бедный родственник с паперти».

Это было радостное сумасшествие, на дню по десять раз звонили друг другу или начинали интенсивный диалог эсэмэсками. Да ещё старались поэтически импровизировать – зарифмованно написать.

На Петровский пост впервые в жизни запретила себе мясное, молочное. Перешла на салаты, постные супчики. Сходила в одно из воскресений без Петра на литургию. В доме появилась икона, молитвослов и Библия. Священное писание, роскошно изданное с иллюстрациями Густава Дорэ, подарил Пётр. «Это, наверное, дорого!» – по-девчоночьи воскликнула Виктория, принимая дар. «Не обнищаю на подарке любимой женщине».

Пётр приносил ей духовную литературу, фильмы, аудиозаписи. Под его руководством она начала входить в православие, открывать для себя огромный, таинственный, светлый, уходящий в вечность мир. Пётр знакомил её с храмами епархии, монастырями.

В то памятное лето в день Петра и Павла вздумай кто спросить Викторию, кто они такие, эти первоверховные апостолы, за какие заслуги учреждён в их честь праздник, столь почитаемый на Руси, она бы не пожимала плечами – ответила чётко и правильно. На Успение Пресвятой Богородицы, стоя на литургии рядом с Петром в Успенском храме, уверенно пела «Символ веры» и «Отче наш».

В первых числах сентября Король пригласил Викторию в Тобольск.

– На машине сгоняем, – горячо агитировал. – Ты ни разу в жизни не была в моём родном городе, значит, обязана съездить. Один кремль чего стоит – сказка. Смотришь с нижнего посада – белое облако с золотыми куполами! Неправдоподобно красиво! Уверен – будешь в восторге. Поездим по окрестностям Тобольска.

Пётр был одержим идеей создания истории рода Королёвых.

– Надоумил дядя Федя. Старше моего отца на десять лет и пережил его ровно на десять годков. На войне женился на медсестре, та сманила к себе во Фрунзе. Память у дяди Федя – кладёшь... Помнил всю царскую фамилию Романовых. Каждого царя со всеми его родственниками – дядями, тётьями, детьми и другими родичами. Как начнёт строчить... Составил генеалогическое древо нашего рода. Без всяких архивов. С детства на ус мотал, кто чей брат, внук и зять с тётцей, знал это как таблицу умножения. С возрастом добавил информации. Жил далеко, но приезжал каждый год в отпуск в Тобольск, расспрашивал, кто из родственников чем занимался, где служил, воевал. Сначала из любопытства, а потом воспоминания написал. За год до его смерти был я у них во Фрунзе. Дядя Федя общую тетрадь со своими записями вручил мне и взял слово, что я завершу им начатое. Напутствие дал: «На тебя одного, Петька, надежда. Моим ничего не надо, а ты мужик головастый, в отца». Надо будет заказать в Тобольском архиве материалы по нашему роду.

– Дядя знал, что говорил, – заулыбалась Виктория. – Умный племяш, ничего не скажешь.

Пётр сказал Виктории, что будет представлять её своим родственникам журналисткой, которая делает книгу по Королёвым.

– Возьмём диктофон, позаписываем. Остались ещё рассказчики. Жаль, раньше идея не пришла в голову, умирают старики. Поможешь потом расшифровать записи. Видишь, как я тебя припахал?

– Научный секретарь.

– Ага, с сердечным уклоном.

* * *

В Тобольск приехали поздно вечером. Поселились в гостинице рядом с кремлём. Виктория проснулась среди ночи от шума дождя. Казалось, они одни с Петром на всём белом свете. Никаких посторонних звуков, только дождь нарушал тишину. В приоткрытое окно врывались воздушные волны, остро пахнущие небесной влагой. Виктория лежала с открытыми глазами и улыбалась. Она забыла, когда вот так (пожалуй, только в студенчестве) оказывалась в совершенно незнакомом городе без служебной цели, где никто её не ждал, не знал, и она ни о ком не ведала. Можно начинать жизнь с начала. Наступит утро, любимый человек подарит ей свой город. Представляла, с каким восторгом Пётр будет рассказывать о Тобольске. «О-о-о, – не один раз говорил по дороге, – в Тобольске есть чему удивляться! Это не то, что «посмотрите направо, посмотрите налево», это – полёт!»

Утро начали не с завтрака, а с Божественной литургии в Софийско-Успенском соборе. Храм поразил Викторию объёмом, огромными колоннами, на которых покоился свод. Поразил росписью – стены, колонны, все поверхности – ровные и криволинейные – несли на себе святые образы. Синие, красные, пурпурные, голубые, светло-коричневые тона, и первый среди них – победно-золотой. Он исходил от огромного иконостаса, от нимбов святых, которые взирали на молящихся со всех сторон. Надо всем этим царил мужской хор, который был под стать величию колонн, богатству росписи, объёму храма. С Петром Виктория летом побывала на богослужениях во многих церквях и соборах, но подобного хора не слышала нигде.

«Семинаристы! – шепнул Пётр. – Такое редко где услышишь!»

Молитвы, звучавшие в сердцах стоящих в храме, хор многократно усиливал и поднимал на своих крыльях в самую высь...

Они вышли из храма. Красная площадь (не только, оказывается, в Москве есть такая) была залита солнцем.

– Правда грандиозно? – спросил Пётр.

– Слов нет!

– Представляешь, мужик в XVII веке из тайги, болот попадал в этот храм, в атмосферу этого благолепия, в фантастическое для него пространство. Роспись стен и колонн, лики икон, распевы, красота службы – всё обращено к небу. Послы князя Владимира в Царьграде в храме святой Софии стояли на божественной службе и не знали, где они – на небесах или на земле. Тут мужик, пришедший в храм из какой-нибудь лачуги, курной избы, слышал и видел практически то же, что они в Византии.

– Я не из курной избы, но когда хор запел, сердце вознеслось, как у послов князя Владимира.

После завтрака Пётр предложил:

– А рванём-ка на Чувашский мыс. Дождь не такой уж страшный шёл ночью, должны проехать.

Они миновали последнюю городскую улицу, машина полетела по трассе, затем свернула на далеко не идеальную круто забирающуюся вверх дорогу, взяла подъём и выехала на кочковатую бездорожную поляну.

– Рискнём, – сказал Пётр.

Автомобиль начало мотать из стороны в сторону, мотор натужно ревел, колёса преодолевали один ухаб за другим. Виктории казалось, сейчас машина провалится в колдобину, и придётся вызывать трактор на подмогу...

– Не бойсь! – успокаивал Пётр. – Конь у меня внедорожный, не подведёт!

Остановились метрах в ста от края мыса.

С кручи открывались захватывающие дух заречные дали. Берег круто уходил из-под ног. Далеко внизу катил воды Иртыш, за ним до самого горизонта простиралась покрытая зеленью лугов, лесов земля. Высокое небо, перистые облака... Безбрежно, бездонно, полётно...

Пётр, продолжая утренний разговор, произнёс:

– Тобольский мужик выходил из собора, построенного человеком во славу Божью, и попадал в храм, созданный Богом ради человека. Ты же видела, какая картина открывается от кремля на Иртыш, здесь ещё краше. Не захочешь, да вспомнишь царя Давида: «Хвали, душе моя, Господа... Пою Богу моему, дондежеесмь...» Взрослым дядькой вот здесь в Тобольске я сделал для себя открытие: Ершов, сочиняя «Конька-Горбунка», рисовал фантазийные картины не из холодной головы, вот эти дали, кручи сделали из него поэта. Откуда он, домосед, мог знать океан? В иные вёсны в половодье Иртыш разливается до горизонта. Безбрежное море воды насколько глаз хватает. Где, как не здесь, плавал ершовский кит с городами и деревнями на спине? Где, как не в этом просторе, из края земли в край летал Конёк-Горбунок? Здесь нельзя не летать! С Богом данным поэтическим даром обязательно оторвёшься от земли. Не какой-то другой кремль, наш – шумный, пёстрый, с метким мужицким словом – вдохновлял Ершова, когда он писал о сказочной столице. В детстве он жил в доме, который стоит у подошвы Троицкого мыса, венчаемого кремлём. Каждый день задирали Петя голову, глядя на купола Софии, что горели в небесной высоте. Он не мог не мыслить космически.

Пётр с деланной детской серьёзностью начал декламировать:

Чудо-кит зашевелился,
Словно холм поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.
Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;
Поп с причетом всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов весёлый ряд
Грянул песню наподхват:
«Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли...

На душе у Виктории было светло и празднично. Она входила в новую жизнь на пару с любимым человеком. Умный, красивый, уверенный в себе, он увлекал за собой. Совсем недавно на церковь смотрела как на отжившее прошлое, музей древностей, но сделала самые первые шаги в православие, и сердце подсказало – впереди вселенная. Открывал её бесконечно дорогой человек. Это волновало, радовало, пугало.

В Петре многое сочеталось и умещалось. Энергичный, напористый предприниматель. Технар по первому образованию (уйдя в бизнес, получил экономическое), он хорошо знал литературу, цитировал поэтов, Евангелие, Псалтирь, святых отцов. Был своим человеком в епархии.

Позже у Виктории возникала мысль: а не игра ли это в обрядовость? Исповедовался, причащался, но не отказывался от смертного греха. Подетски считал, Бог по-отечески простит слабость к женскому полу. Что, дескать, взять с хорошего по большому счёту, но не совсем путного сына. Такой уж уродился. Какое-то должно быть исключение... Тем более он столько делает для церкви... Однажды обронил: «Не скупись, давай на земле, а на небесах вернётся тебе».

* * *

В первый тобольский день они совершили паломничество в Абалакский Свято-Знаменский монастырь. Пролетели на машине тридцать километров, и вот она – когда-то почитаемая всей Сибирью обитель. С белыми высокими стенами, новенькими маковками восстановленных церквей. Главная святыня монастыря – чудотворная икона Абалакской Божией Матери «Знамение», почитаемая в Сибири с XVII века.

Пётр опустился на колени перед киотом Абалакской Богородицы, сделал два земных поклона, приложился к образу... Виктория последовала за ним. Безлюдный храм пронизывали столбы солнечного света... Виктория поймала себя на ощущении, что время остановилось, а суетная жизнь отодвинулась далеко-далеко...

«Пресвятая Богородица, спаси нас, – повторяла про себя. – Помогите мне и моим дорогим...» Просила за себя, дочь, Петра.

– Слева и справа от Богородицы, – наклонившись к Виктории, прошептал Пётр, – Николай Чудотворец и Мария Магдалина.

Они обошли ухоженную, скромную по размерам территорию монастыря. Виктория спросила:

– А ты бы мог постричься в монахи?

– Да ну, ты что? Я сугубо светский человек. Какой из меня монах? И вообще – куда я от тебя уйду? Разве надоел?

– Я не о том!

– Да ладно тебе философствовать, пойдём лучше в церковную лавку.

Последняя располагалась в пристройке подле массивных монастырских ворот. Пётр пробежал глазами по полкам с иконами и показал рукой на образ Абалакской Божией Матери, спросив при этом:

– Не полиграфия?

– Такая цена, вы что! – стал горячо заверять монашек или послушник, стоящий за прилавком. – Живописная! Не сомневайтесь!

Икона была из самых дорогих, что стояли на полках. За воротами монастыря Пётр, улыбаясь, спросил:

– Знаешь, кому купил Абалакскую?

Виктория пожала плечами.

Он извлёк икону из пакета, протянул:

– Тебе, конечно!
– Ой, – радостно воскликнула Виктория. Порывисто прижала довольно тяжёлую икону к груди, потянувшись поцеловать Петра.
– Ты сначала икону поцелуй! – расплылся он в довольной улыбке.
Виктория коснулась губами образа, потом чмокнула в щёку Петра:
– Спасибо! Спасибо!
– Всё нормально. Абалакскую хотел тебе подарить именно здесь, в монастыре.
– Дай ещё раз поцелую...
– Ладно-ладно, будет ещё время, лучше пойдём и посмотрим, какая здесь открывается лепота.

Из ворот монастыря они пошли на берег Иртыша.
– Правда не хуже чем на Чувашском? – спросил.
Поросший травой берег был не так крут, как на Чувашском мысу, да высотой не меньше. Иртыш делал по заливным лугам широкую плавную петлю, она блестела под солнцем. К подвижному блеску добавлялись зеркала огромных прудов.

– Осетров разводят, – уточнил Пётр.
Виктория очарованно застыла с иконой в руках. Лететь бы и лететь в этом мире. Высокий берег, уходя в сторону Тобольска, резал картину на две разного уровня части – на нижней главенствовал Иртыш, верхняя поросла лесом.

...Ночью снова уютно шумел дождь. Виктория слушала его песню. Пётр спал, мерно дыша, к ней сон не шёл. Столько эмоций за один день. В прошлую ночь Тобольск ограничивался этим номером, что за его стенами – оставалось загадкой. За какие-то сутки на сердце легла златоглавая София, иртышские дали, Абалакский монастырь.

* * *

Утром Пётр повёл Викторию по местам, связанным с Достоевским. Только Король мог говорить так вдохновенно о том, что вошло глубоко в душу, в чём была своя тайна и мистика.

Машину оставили у гостиницы, пошли пешком.
– По промыслу Божиему в Тобольске Достоевский встретился с женой декабриста Натальей Фонвизиной, – рассказывал Король. – Она кому надо подмазала и исхитрилась встретиться с государственным преступником. Подарила ему Евангелие, которое писатель пронёс через всю каторгу и до самой смерти не расставался с ним. Именно из этого томика Евангелия на каторге вырос Достоевский до «Братьев Карамазовых», «Преступления и наказания», «Идиота»...

Они подошли к памятнику Достоевскому. Писатель в бронзе сидел на колоде, рядом кандалы и Евангелие. Виктория коснулась пальцами книги. Металл, местами окислившийся до зелени, холодил кожу.

– А теперь пойдём к тюрьме, где Достоевский морозным январём 1850 года провёл одиннадцать дней. Там состоялась тайная встреча писателя с жёнами декабристов – Натальей Фонвизиной, Жозефиной Муравьёвой, Полиной Анненковой.

К тюрьме шла улочка деревенского типа с одноэтажными домиками. Всё как полагается в деревне – заборы, палисадники, огороды. Улочка вывела на небольшую площадь, с одной стороны ограниченную серьёзным забором, за которым в глубине высилось двухэтажное каменное здание. На замок в нашем понимании не походило. Двухэтажка и двухэтажка,

но была по-прежнему тюрьмой. Всё вокруг поменялось не на один раз: бревенчатые дома ветшали, перестраивались, возводились заново, да что дома – две империи рухнули, царская и советская, но это здание продолжало служить по первоначальному назначению. Приближаться к нему празднующимся запрещалось, о чём предупреждающе гласил внушительных размеров (не захочешь, да заметишь) щит при дороге.

– В студенчестве, – рассказывал Пётр, – приехал к родителям на каникулы зимой, и попался в руки «Идиот». Два дня читал запоем. Неротрывно. Пошёл в библиотеку, набрал сетку книг о Достоевском. Прямо с ней направился к этой тюрьме. Стоял, а в голове не укладывалось: вот здесь был Достоевский. В нашем Богом забытом Тобольске был великий писатель, гений всего человечества. До Тобольска Достоевский пережил ужас смертного приговора, стоял на эшафоте в ожидании казни... Тогда никакого Бога я не знал, но запало прочитанное: Достоевский говорил Владимиру Соловьёву, что на каторге себя понял, русского человека понял, Христа понял... Стою, пялюсь на тюрьму, милиционер подходит и требует документы. «Ты чё, – говорю, – какие документы?» Мент молодой, не старше меня, говорю ему: «Из библиотеки иду. Ты хоть знаешь, что здесь Достоевский сидел?» – «Авторитет?» – «Ага, – говорю, – мокрушник».

Пётр повёл Викторину от тюрьмы другой улочкой. Такой же деревенской, невзрачной.

– Года два назад скачал старый фильм «Братья Карамазовы» Ивана Пырьева с Михаилом Ульяновым, Лионеллой Пырьевой, Светланой Коркошко, Кириллом Лавровым, Андреем Мягковым, Марком Прудкиным, Валентином Никулиным. Смотрел и удивлялся, как советская цензура пропустила его. Ведь всё в нём на поверхности, ума много не надо понять: Пырьев вслед за Достоевским показал, как страшен человек, живущий без Бога, живущий по страстям. Великое произведение. Отец, Фёдор Карамазов, его жизнь – скопидомство и похотливость. Холодный гордец Иван Карамазов своей идеей «человеку всё можно» толкает на отцеубийство Смердякова. Дмитрия Карамазова, человека чести, испепеляет страсть к женщине. И вся семья Карамазовых – это эгоизм, разобщённость, одиночество... Только Алёша, как свечка на ветру...

Они вернулись к памятнику Достоевскому. Залитый солнцем город был безлюдным. Редкие машины пролетали по дороге. Викторине вдруг показалось – они в южном, приморском уютном городке в жаркий летний день. Одни жители прячутся от зноя в затемнённых комнатах под кондиционерами, другие пропадают на море. Его не видно, да оно чувствуется, оно совсем рядом, всего-то стоит миновать пару улиц, и откроется взору усыпанный людьми берег, бликующая под солнцем бескрайняя водная стихия.

– На море мы с тобой обязательно поедим, – засмеялся Пётр, выслушав морские фантазии Викторины. – Такое о Тобольске ни от кого не слышал. Оригинально мыслите, милая женщина. Разрешите вас поцеловать.

Он коснулся сухими губами её щеки. Сердце у Викторины зачастило.

Обедали в ресторане. Пётр заказал стерляжью уху, выпили по бокалу красного вина, отдохнули в номере и поехали под Тобольск, в родные места Петра.

Первой на их пути оказалась деревня в несколько длинных улиц. На одних огородах уже убирали картошку, на других ботва ещё стояла зелёной.

– Приличная деревня, – оценила Викторина, – большая.

– Большая-то большая, а ты ничего не замечаешь?

– А что?

– Нет новых домов, нет срубов. В детстве, бывало, идёшь по улице, там сруб, здесь другой новенькими брёвнами красуется... У кого-то на дом, кто-то стайку или баню задумал. Доски в штабелях сушатся. Кипела жизнь. Мы, мальчишки, любили по срубам лазить. Прятаться в них... Сегодня не строится народ. Два года назад специально заехал к главе местной администрации узнать, собираются ли церковь строить. Хотел реально помочь. Где как не в родных местах помогать, пусть и не осталось в этой деревне родственников, только знакомые. Нет, говорят. Несколько старушек ездят по великим праздникам в район. Никому больше не надо. Никому. Ко мне перед Пасхой обратились две бывшие учительницы из деревни под Омском, загорелись церковь строить. Денег нет. Дошли до митрополита – дайте батюшку. Подняли всех знакомых в поисках спонсоров. Чувствуют – нужна церковь и не ждут манны небесной. У кого-то прочитал: «Церковь – сердце народа. Начнёт сердце сбиваться с ритма – плохо народу, остановится – погибнет». Это Церковь с большой буквы, то же самое – с маленькой. Здесь в округе много татарских деревень. Предприимчивые татары скупают земли у русских, обрабатывают, получают навар, строят мечети. А если церковь нужна двум старухам – захиреет деревня...

Остановились у дома в два этажа, когда-то принадлежавшего деду Петра по матери – Матвею Ильичу. Виктория не сразу поняла, почему дом выглядит сиротливо. Объяснялось это просто: без ограды, палисадника, ворот, огорода. Голо стоял. С вывеской над крыльцом «Продукты».

– Деда раскулачили, – начал Пётр, – в доме сначала школу разместили, потом детский садик был, библиотека, сейчас вот магазин. Дом не в первую волну раскулачивания забрали. Сначала скотиной ограничились. А потом и дом. Хорошо, самих не выслали куда Макар телят не гонял. Дед после этого ни разу в свой бывший дом не зашёл. Не мог. А предки мои были могучими людьми... Доставай диктофон, расскажу историю.

Виктория включила диктофон.

– Дом строил отец Матвея Ильича, – начал рассказ Пётр, – мой прадед – Илья Николаевич. Легендарная личность. Во-первых, хозяин был из первых, две мельницы держал, во-вторых, деспотичный до крайности. Вот кого бес гордыни крутил... Подъедет к своему дому, ночь-полночь – ни за что не сойдёт с телеги. Ждёт, когда кто-то выскочит, откроет ворота. Если прозевают явление хозяина, вовремя не выйдут навстречу, в гневе мог кнутовищем окна побить.

Этот случай Пётр слышал не раз от родственников. Илья Николаевич с компанией мужиков отправился шишковать. Хорошее легко не даётся. Кедрач богатый, да за болотом, на телеге с комфортом не проедешь. Шишкуют мужички, орех в тот год хороший уродился. Илья Николаевич возьми и надумай подшутить. Да не горсть сухой хвой за шиворот напарнику бросить. Прикинулся, что ему в одночасье плохо сделалось, смертельно нехорошо. Вышел из избушки и на виду у всей честной компании, которая шишки луцила, орех веяла, повалился наземь.

Вместе с Ильёй Николаевичем шишковал младший его брат – Иосиф Николаевич. Тот заметался, что делать – брат при смерти! Мужики подбежали, кто-то возьми и скажи: да он умер. Оторопь всех взяла, человек, который минуту назад был живее всех живых – в одночасье скончался. Илья Николаевич так искусно прикинулся мёртвым, один сказал «умер», другие без проверки согласились с диагнозом.

Илья Николаевич и не хотел так далеко заходить в шутке, но видит, все клюнули на его удочку. Почему бы, решил, не подурачиться ещё, посмотреть, что будут дальше делать мужики.

Лежит «бездыханный труп», ситуация такая, что второго не дано – складывай руки крестом на груди и неси на кладбище. Но до деревни двенадцать километров бездорожья.

Кто-то догадался, рядом озеро было, взять долблёнку, положить Илью Николаевича в лодку и нести до деревни на руках. Так и сделали. И опять никто не почувствовал, что живого человека ногами вперёд понесли.

Илье Николаевичу и хотелось захохотать над незадачливыми односельчанами, когда бережно укладывали его в лодку, но сдержался, играть так играть – до победного.

Места болотистые, комарьё. Хотя и лето закончилось, но погода стояла на удивление жаркая, кровососы ещё не утомонились, облепили лицо «умершего». Хорошо, борода густая, отчасти спасала. Илья Николаевич крепился, терпел, и за всю дорогу бровью не повёл на укусы. Гениально играл.

Иосиф Николаевич всю дорогу слёзы вытирал. Как же не плакать – старший брат, шестеро детей, самым младшим, двойня была, всего-то по годичку, ходить только парнишки начали...

«Чё я Насте скажу? – повторял. – Чё?»

Зашли с «новопреставленным» в деревню. Новость тут же облетела все улицы. Народ сбегался. Целая похоронная процессия в мгновение ока выстроилась за несущими лодку.

Опустили долблёнку с «упокойвшимся» перед воротами Ильи Николаевича – выходи, хозяйка, встречай хозяина.

Настя увидела в окно картину похоронного возвращения мужа, вскочила на крыльцо с истошным криком... Муж, хозяин, кормилец, уходил из дома своими ногами, принесли ногами вперёд. Открывай ворота, встречай благоверного...

Рванула Настя на себя калитку, выбежала из ограды, готовая упасть супругу на грудь, зайтись в плаче от горя, заголосить на всю округу...

Тут-то Илья Николаевич и решил, что действие с его внезапной смертью, доставкой «бездыханного тела» из тайги в деревню достигло апогея, пора ставить жирный восклицательный знак, завершать всеобщим хохотом на все сто удавшуюся шутку.

Настя бросилась к скоропостижно скончавшемуся мужу, а безвременно скончавшийся встаёт ей навстречу с громким хохотом. Большой, в плечах широкий, грудь богатырская, борода, ни одного седого волоса. В самой силе мужик. И хохочет. Как, мол, я вас, други-товарищи-братья-жена, развёл на микинке.

Немая сцена недолго длилась. Иосиф Николаевич вместо того чтобы обрадоваться чудесному воскрешению мёртвого, посмеяться над собой и остальными легковыми, кинулся на брата с кулаками в желании проучить шутника самым нешуточным образом. Поднести ему со всего плеча раз, да другой, да третий, чтобы неповадно было в следующий раз так издеваться над братскими чувствами. Один раз даже сумел вскользь задеть по скуле Илье Николаевичу, больше не дали, повисли на руках.

Не разделил Иосиф Николаевич оригинальной шутки брата, не хватило чувства юмора. Год после этого не ходил к Илье Николаевичу, не мог простить.

Марина БЕЗДЕНЕЖНЫХ

* * *

Ты самой себе, душа моя, не лги, –
Никуда-то нас не вывезет кривая.
Почему-то тороплюсь отдать долги,
Но конечно, ничего не успеваю.

Мелки, суетны, нерадостны дела,
Но зима уже на спад, и вечер светел.

Хорошо, что всех долгов не отдала, –
Значит, есть ещё зачем пожить на свете.

* * *

Наш календарь почернел от трагических дат.
Рвутся сердца, опускаются взгляды и руки...
Очень не хочется, чтобы большая беда
Стала прикрытием для повседневной разрухи.

Что впереди? Запретить, отменить, раздавить?
Если б нам веру и смысл, то свернули бы горы...
Хочется с миром и городом мне разделить
Радость великую вместо великого горя.

* * *

В светлое завтра, страшась, загляну,
От ожиданья устав.
Я никогда не жила в длину.
Где теперь высота?

* * *

Как нелепо меня пробило.
И мозги имелись как будто...
У меня всё уже было,
У тебя всё ещё будет.

Постучать в приоткрытые двери –
И откроются, без вопросов.
Просто в чудо нужно поверить,
А с мозгами это непросто.

Домотаю постные будни,
Поменяю шило на мыло...
У тебя всё ещё будет.
У меня всё уже было...

* * *

Младые девы – не чета мне –
Живут, цветут невдалеке,
Но смуглый отрок мне читает
Стихи на русском языке.
Пока плохие. Что ж, осилит
Язык, культуру, душу, нерв –
Стихи напишет о России,
А с нею, значит, обо мне.

* * *

Не кори меня, дочь-красавица,
Я не всё беру, что мне нравится,

Да и не о чем здесь рассказывать –
Мне ж беречь родней, чем раскалывать.

Что тебе прописные истины!..
Но меня ещё рано списывать,

Мне б согреться ещё немножечко.
Потерпи чуть-чуть, переможетсяя.

Будем взвешивать и рассчитывать,
Будем паспорт мой перечитывать.

* * *

Да, я живу не так, как любишь ты,
И вроде рано умирать.
А всё наследство: крылья, рубище,
Колпак, корона... Выбирай!

Я знаю, не бесспорен выигрыш, –
Нет места замку и коню
В числе призов. Но всё, что выберешь,
Я по размеру подгоню.

Время дожития

Миру служивший во всеоружии,
Гордый, умелый, отважный,
Выжат, разрушен, унижен, не нужен.
Но –
Не убивать же?..

* * *

Молчание послушай, не кричи.
Я главное не слухом уловила.
Для ненависти не нужны причины –
Достаточно отсутствия любви.

* * *

Сколько (всё – об одном...)
Маятнику качаться?
Это такой облом!
Это такое счастье!

Всем паспортам назло
Строчки и жизнь – по жилам.
Господи, повезло!
Видимо, заслужила.

* * *

Без перспективы, без права желать,
В клетке запретов, обетов
Я десять жизней с тобой прожила,
А ты и не знаешь об этом...

* * *

От потери перехвачено горло.
А вчера казалось – всё по плечу.
Я хотела подарить тебе город,
А теперь делиться им не хочу.

Я хотела всем светлее и лучше.
А теперь – залечь, как рыба, на дно.
Жизнь тебя всему, конечно, научит.
Но зачем мне целый город одной?

* * *

Не совпали в пространстве и времени...
Можно ль жизнь, как улыбку, надеть?
Мой далёкий, чужой, отогрей меня
Хоть на миг, хоть на час, хоть на день!

То с мольбой обращаюсь к Всевышнему,
То бунтую – ничто не закон!
Мой чужой, невозможный, услышь меня
На любом из земных языков.

* * *

Перегораю, оживаю,
Учусь ценить сейчас и здесь.
И так дурацки ошибаюсь,
Что даже в этом что-то есть...

* * *

Что перевесит? Нет или да?
Мой или жизни норы?
Повод для песни – любовь и беда.
Всё остальное – норма.

* * *

И кто же мы – с правдами и надеждами?
Юродивые, паяцы?
А те, кто хотя б в коридорах поддерживал,
Теперь и кивнуть боятся.

Спасения мира попытки тщетные...
Ни сна, ни почёта, ни денег.
А вдруг заразим нищетой и честностью,
И что потом с этим делать?

Нас вроде бы терпят... А может, целятся...
У маленьких больше шансов.
Но кто-то за нашу надежду зацепится
И сможет на ней удержаться.

Из цикла «Клаустрофобия»

А город – всё новыми гранями.
Меняю конторы и транспорт.
Нет, я не мечусь по окраинам –
Я так раздвигаю пространство.

Падения, взлёты и странности –
Попробуй-ка разобраться!
Что ж, если впадаю в крайности, –
Я так раздвигаю пространство.

А сроки подступят крайние,
Закончатся силы, и страсти, –
Строку доживу, доиграю я
И просто раздвину пространство...

Юрий ПЕРМИНОВ

«Болеющий» Любовью

Честно говоря, не верилось, что еду на встречу с Александром Филипповичем Ведерниковым, несмотря на то, что договаривался о ней и сопровождал меня председатель Народного клуба любителей русских басов Вячеслав Алексеевич Сидоров – создатель и организатор более двадцати программ на основе классической и народной музыкальной культуры в исполнении выдающихся русских певцов современности...

Не верилось, что не из зрительного зала, а на расстоянии человеческого дыхания увижусь с тем, о ком великий Георгий Свиридов сказал: «Сколько раз в жизни подступало ко мне отчаяние, когда я видел, как калечатся, забываются классика и народная музыка. Но приходили такие люди, как Ведерников, и я понимал – не всё пропало!»

«Главный бас России». «Золотой бас России»...

Из деревни Мокино виден Иерусалим

Александр Филиппович приболел – застудил бронхи, что для певца очень нежелательно, и друзья помогли ему устроиться на отдых и лечение в санатории «Архангельское» на высоком живописном берегу изгиба Москва-реки в усадьбе – памятнике архитектуры XVIII–XIX веков.

...Московские пробки не помешали нам приехать к назначенному Ведерниковым часу. После столичного шума, громадьи зданий, грязного месива под ногами и не нужных даже самим себе в уличной суете людей мы услышали тишину.

Тишина – не молчание. Она исполнена вечного. Как говорил мой товарищ, поэт Алексей Бельмасов, тишина – время с закрытыми глазами. Ну да, вон как те парковые статуи, закрытые на зиму.

Бывает страшная тишина, это тишина одиночества. Один на один со своими мыслями. Не с кем словом перемолвиться. Тишина нежилая. Слышно даже, как собственное сердце стучит, и как шаркают старые шлёпанцы по пыльному полу, и как падает оторванный лист календаря.

Тишина благодатная... Вот-вот, с минуты на минуту, священник возгласит «Благословен Бог наш, всегда, ныне, и присно, и во веки веков!» И с клироса – «Аминь». Это особая тишина, молитвенная. Она внезапно охватывает только что наполненный звуками храм, когда диакон возгласит: «Главы наша Господеви приклоним!», и священник читает тайную молитву. Не слышно слов этой молитвы, тишина, но какая! Пронзительная, наполненная смыслом.

Хрустальная, звенящая. Лес искрится на солнце, тысячи серебряных игл бьют во все стороны, больно обжигают глаза. Звонкая, прозрачная, хрустальная, какая угодно, она такая желанная, отдохновения, наполненная смыслом. В этой тишине так хочется сказать: «Господи, хорошо нам zde быти. Сотворим сени три...» Или вообще ничего не говорить. К чему здесь слова, ведь слушатель – ты, и тишина говорит с тобой без слов.

И пусть завтра она вновь уйдёт, и вновь повторится буря, ты точно знаешь, она вернётся. И по мере накопления опыта тишина будет возвращаться всё чаще и чаще, пока не станет вечной.

Но говорят, что голоса басов и звон колоколов отпугивают тёмные силы. Коли верить тому, то в России их не должно быть и духу. Да ещё если колоколов на православных храмах становится всё больше, и чего-чего, а басов у нас хватает.

Правда, сегодня была живая тишина сродни той, когда зрительный зал – от партера до галёрки – замирает за мгновения и на мгновения до и после выступления великого певца. Или сродни бабушкиной молитве. У её кровати, как вспоминает Ведерников, всегда висел фамильный бронзовый крестик, а в сундучке хранилась святыня со Святой земли – крест из красного коралла с небольшим стеклянным окошечком в центре. Если посмотреть в него на свет, можно увидеть Иерусалим.

А в родной деревне Мокино была большая церковь, возвышавшаяся на холме, там и крестили будущего великого певца после рождения. Позже церковь сначала превратили в склад, потом разместили в ней механические мастерские, а ещё через некоторое время снесли. И следа не осталось, но Александр Филиппович до сих пор, когда приезжает на родину, идёт на это место.

– Мы к Александру Филипповичу Ведерникову, – говорит охраннику Вячеслав Алексеевич, и тяжеловесный страж одного из корпусов санатория удовлетворённо кивает: дескать, проходите.

Как всё просто, а попробуй вот так же попасть к какому-нибудь нынешнему бесполому, безголосому эстраднему глиномесу.

Так же просто, из-за двери номера:

– Да-да, входите!

А в моей голове всё крутится вычитанная накануне фраза: «Великие русские басы XX столетия покорили мир мощью своего таланта и неповторимым национальным колоритом. В начале века был Шаляпин, в середине – Пирогов, в конце века – Ведерников».

И вот этот человек встречает тебя с доброй, открытой улыбкой и роко-чущим густым басом говорит: «Милости просим... Хотелось в домашней обстановке, да вот незадача – приболел».

Александр Филиппович давал искренние, основательные и ёмкие ответы. И это не могло не вызывать восхищение. «Люблю всё делать основательно, на всех репетициях всегда пою в полную силу. Не люблю «кое-каков», – поделился он своим отношением к работе.

Родные Ведерникова жили на Вятке единым кланом: пять братьев и среди них отец Александра. Всей семьёй занимались ремеслом – делали кареты рабочие и парадные, на выезд. Работали день и ночь, сами были кузнецами, столярами, плотниками, шорниками... Когда за работой пели, вся деревня собиралась слушать.

Родился Александр Ведерников в вятской деревне Мокино. В 1931 году Филипп Сергеевич Ведерников с семьёй переехал в Копейск, жили в камышитовом доме в посёлке с незатейливым названием Второй участок (населённые пункты называли по номерам шахт и участков). Там будущий солист Большого театра пошёл в первый класс. Вскоре семья Ведерниковых переехала в Коркино, а через год – в Еманжелинск.

– Отец ушёл на войну, воевал, пришёл инвалидом Отечественной войны второй группы, а мы с мамой в тылу трудились, – вспоминает Александр Филиппович. – У нас было очень важное производство – добыча угля, горняки даже освобождались от призыва в армию. Но я был ещё не призывного возраста. С художественной самодеятельностью мы ездили по деревням, выступали в клубах перед горняками.

Однажды я возвращался из техникума домой. Шла война, шёл снег, я шёл через пустырь. На столбах висели рупоры. Играла какая-то музыка,

которая меня просто заворожила. Я целый час простоял на морозе. Только потом узнал, что это была «Снегурочка» Римского-Корсакова.

В 1943 году Александр поступил в Коркинский горный техникум. Каждый день ездил на занятия рабочим поездом вместе с шахтёрами. В свободное время в еманжелинском клубе «Большой горняк» пел в хоре, рисовал и занимался в драмкружке. Знали юного артиста и в Коркино. Он солировал в оперных сценах и спектаклях, которые ставил немец по фамилии Гельд.

– И таких клубов, Дворцов культуры было великое множество по всей стране – в каждой деревне, в каждом посёлке, не говоря уж о городах, – грустит Ведерников. – Естественно, там вызревало всё талантливое, в способных людях была потребность. А в Большом театре нынче всё блещит и сияет, а талантов нет, и русского духа тоже. Иную оперу поставят так, как будто не русские ставили. Но это не только в театре, упадок в культуре во всем ощущается. Сидим в гостинице спиной к телевизору, а там «пи-пи-пи» – сплошной мат. Или про конец света рассуждают, который на двадцать первое декабря назначен. Но я думаю, перенесут: Бог посмотрит и сдвинет – у меня же двадцать третьего день рождения, восемьдесят пять лет как-никак.

После техникума Ведерников был направлен горным мастером на угольный разрез «Коркинский». Однако талант не давал парню покоя. Он мечтал стать художником. Ближайшее художественное училище находилось в Свердловске. Денег на билет не было, пришлось ехать на крыше вагона. Пока добирался, приём в художественное был окончен. Тогда Ведерников зашёл в музыкальное училище, благо находилось оно напротив. Там тоже только что закончились экзамены. Секретарша ничего не хотела слышать. В открытую дверь их спор услышал председатель комиссии:

– Пусть зайдёт, прослушаем. Что мы потеряем?

Саша выдал пару русских песен и арию Мельника из «Русалки» Даргомыжского. Эффект был, как от Фроси Бурлаковой в знаменитом фильме «Приходите завтра». Такого не ожидали. Ведерникова приняли без экзаменов. Впрочем, через два года учёбы Александр понял, что в училище ему тесновато. Надо поступать в консерваторию.

Судьба вновь благоволила молодому таланту. Помогла встреча, состоявшаяся в Коркинском Дворце культуры в мастерской художника Давида (Даниила) Лидера¹, куда Ведерников зашёл со своими рисунками. В своё время Даниил Данилович окончил три курса Академии художеств в Ленинграде, но как немец был репрессирован, работал в угольной шахте; чуть не умер от дистрофии. Начальник участка случайно узнал о его таланте художника – с этого момента для Лидера началась другая жизнь.

Однажды в мастерскую заглянул москвич – дирижер Шеришевский, искавший хорошие голоса по всему Союзу. Впрочем, Ведерникова это, как он думал, не касалось. Он был увлечён живописью.

– Саша, спой для гостя, – уговорил Лидер.

Александр Ведерников спел и сразу получил приглашение в Московскую консерваторию. Откликнуться на него решил через пару лет. Деньги

¹Благодаря удивительному стечению обстоятельств этот человек, чьи немецкие корни стоили ему 15 лет ссылок и лагерей, в дальнейшем стал главным художником Национального академического драматического театра имени Ивана Франко в Киеве и получил большую золотую медаль за декорации к постановкам Шекспира на Всемирной выставке в Париже.

на дорогу до столицы без лишних разговоров дал директор угольного разреза. Тогда все понимали, что талант – всеобщее достояние.

В Москве от Казанского вокзала до консерватории Ведерников дошёл пешком. Уже темнело. Ночевать устроился на скамье у консерватории, положив под голову свой фанерный чемоданчик. Утром его разбудил единственный человек, которого он знал в Москве, – дирижер Шеришевский². Счастливое совпадение.

Волшебные символы

А дальше – учёба в консерватории, два года работы в Кировском (ныне Мариинском) театре в Ленинграде:

– Там я два сезона работал, спел даже арию Сусанина. Много пел всяких партий в операх, но в 1957 году вдруг получил приглашение петь в Москве, в Большом театре СССР, арию Сусанина, – рассказывает народный артист. – С исполнителями арии Сусанина было трудно, то кто-то заболел, то ещё что-то не так. Ну вот, я поехал, спел арию Сусанина и понравился тамошнему руководству. Меня пригласили в труппу Большого театра СССР, и с 1958 года я всю остальную жизнь работал в Большом театре. Пел разнообразные оперные партии, песни на концертах, романсы.

Арию Сусанина Ведерников на сцене Большого исполнил больше ста раз.

– Александр Филиппович, – спрашиваю певца, – в бурных событиях конца 80-х – начала 90-х годов вместе с советской системой рухнул и тот политизированный образ Сусанина, который утвердился в нашей стране с конца 30-х годов. Памятны и слова Гоголя: «Ни один царский дом не начинался так необыкновенно, как начался дом Романовых. Его начало было уже подвиг любви. Последний и низший подданный в государстве принёс и положил свою жизнь для того, чтобы дать нам царя, и сею чистою жертвою связал уже неразрывно государя с подданным».

Этот последний подданный – крестьянин Иван Осипович Сусанин, ключевая фигура самодержавной идеологии. Известна триада графа Уварова – «Православие, самодержавие, народность». Министр народного просвещения сформулировал её в 1840-е, но в исторической реальности эта идеология существовала веками. Без неё невозможно было бы одолеть Смуту. Эту самую «народность» олицетворял Иван Сусанин. «Верный долг христианскому, Сусанин принял мученический венец и благословлял, как древле праведный Симеон, Бога, сподобившего его если не узреть, то умереть за спасение отрока, которого Бог помазал елеем святым и нарече его царем России», – в таком духе писали о Сусанине к началу XIX века. Таким узнавали героя школьники и гимназисты. А разве можно забыть «Думу» Кондратия Рылеева, которую и в советские годы изучали в школе. Правда, вместо «за царя и за Русь» в наших хрестоматиях значилось: «За родимую Русь». В советской традиции Сусанин – герой освободительной борьбы русского народа против интервентов, о монархических устремлениях умалчивалось. Вам какой образ ближе?

– Иван Сусанин – это образ человека из народа, – ответил Ведерников. – Но прежде всего он христианин. Я тоже чувствую себя христианином, хотя не ходил в церковь и не молился Богу. С детства считал христианство верой отцов наших. Когда мне было 5 или 6 лет, мы с мамой поехали на её родину, в деревню Мокино. Тогда там ещё сохранилась старая церковь,

² Ведерников. Певец, артист, художник. Сост. А. Золотов, М., 1985 г.

стояла она на возвышении – красивая, белая, издалека видно. Перед входом была огромная плита из камня. Мы встали на неё на колени. И вдруг открываются двери, и я слышу ангельское пение. А внутри меня говорит голос, Его голос: «Господи, есть Господь!». Это было ощущение, которое запомнилось на всю жизнь. Тогда я ещё не понимал сущности христианства. Это я понял только потом.

Конечно же, советская сцена диктовала артистам свои правила, в том числе и идеологические. Увы, я сталкивался с этим, частенько страдая от того, что настаивал на своём прочтении того или иного образа, на бережном отношении к авторскому тексту. Так было с партией Сусанина, текст которой в советское время был изменён. Поэт Городецкий переделал всё либретто, в итоге речь Сусанина стала походить на лозунги, а власть заставляла петь исправленный вариант. Но мне удавалось исполнять прежний текст. Вот, к примеру, известная ария Сусанина. У Городецкого слова: «Чуют правду, смерть близка, // Мне не страшна она, // Свой долг исполнил я, // Прими мой прах, мать-земля...» А у Глинки написано: «Чуют правду, ты, заря, // Скорее заблести, // Скорее возвести // Спасенья час для царя...» Ну слово «царь» я, конечно, не пел – этого бы мне не простили, я пел «Спасенья час для Руси».

Вообще претензий ко мне было немало со стороны дирекции и руководства театра, особенно за то, что часто крестился на сцене. «Что вы делаете, Александр Филиппович?!» – «Следую исторической правде! – невозмутимо говорил я. – В то время все были христиане, все крестились. Что же мне, плюнуть на это, что ли? Это же наша история, наши предки!» Иногда приходилось настаивать, проявлять характер. До сих пор удивляюсь, как многие мои провокационные и опасные по тем временам поступки не имели никаких плачевных последствий.

– Когда-то эта опера называлась «Смерть за царя». То есть изменили не только название, но и слова арии?

– Конечно.

– А вы пели истинные?

– А я пел истинные. Взял старый клавишник. Думаю, не может быть, чтобы смерть не была страшна. Это противоречит человеческому естеству. И действительно, я оказался прав.

– Есть оперы, которые вы исполняли не один раз. Что меняется в ваших ощущениях с каждым новым «проживанием» роли?

– Это не простое повторение. Каждый раз происходит импровизация. Поскольку творческое исполнение – это импровизация. Приходит новое понимание, открывается новая грань произведения. Ведь гениальное произведение всегда многогранно. И в зависимости от ощущений и сложившихся обстоятельств исполнитель импровизирует.

Когда умерла моя мама, мне нужно было исполнять роль князя Игоря. Смерть, непосредственно коснувшись своим крылом, открыла другую грань, и был уже совершенно другой подход к исполнению роли. И слова: «О слава – богатство суетное! О наше житие маловременное! Пройдут, пробегут часы малые, и ляжем мы в гробы сосновые...» – ощущались совсем по-другому.

Истинный исполнитель должен душой чувствовать слова. Слова – это же волшебные символы, которые ощущать надо, чувствовать по-своему. Именно по-своему, а не как режиссёр скажет. Эта ответственность перед словами и смыслом всегда делает актера врагом режиссёра. Всю свою жизнь я боролся с режиссёрами. Они меня просто ненавидели, потому

что я всегда нёс свою концепцию, своё понимание. Вот, например, образ Кутузова. Борис Покровский видел Кутузова бытовым и каким-то неряшливым. А для меня этот человек был легендой. Я видел Кутузова через призму народного восприятия. Если он сделал шаг или сделал жест – это событие. И его исполнение – большая ответственность. Другой пример – Борис Годунов. Сущность Бориса в том, что он карается совестью. «О совесть лютая, как тяжко ты караешь». Поэтому если ты человек мыслящий и имеешь свое понимание, то эти мучения Годунова необходимо донести до зрителя, но очень трудно.

В начале певческой карьеры молодому певцу хотелось разгадать секреты вокального мастерства ведущих солистов Большого театра. Однажды на спевке он услышал голос Алексея Филипповича Кривчени – артист пел, казалось, вполголоса, но его было слышно даже на галёрке, можно было разобрать каждое слово. Ведерников был потрясён и пытался найти объяснение феномену: изучал манеру исполнения, технику дыхания. Настойчивость принесла плоды, пришло понимание – нужно добиться акустического пения – лёгкими нужно пользоваться, как мехами, выжимая из себя воздух, тогда голос «летит», и его не заглушит оркестр в сотню музыкантов. Итальянцы говорят: «Кто не умеет петь вполголоса, тот совсем не умеет петь».

В 1961 году впервые был организован обмен группами артистов-стажёров между Большим театром и миланским Ла Скала, и Ведерников был направлен в Италию. Среди молодых певцов, поехавших тогда на первую стажировку в Милан, были Тамара Милашкина, Нодар Андгуладзе. Через год после стажировки у знаменитого маэстро Дж. Барра Александр Ведерников уже покорял взыскательную миланскую публику в спектаклях Большого театра, приехавшего в Ла Скала на гастроли.

Но как признаётся Александр Филиппович, у Барра он мало чему научился, а только развил то, что умел:

– Маэстро удивлялся, откуда я всё знаю. А своим главным учителем считаю Розу Яковлевну Альперт-Хасину, она, кстати, была и своего рода «лазаретом» для многих певцов, когда те испытывали проблемы с голосом.

Среди более 30 разнохарактерных партий, исполненных артистом на сцене Большого театра, – Гремин в «Евгении Онегине» П.И. Чайковского, Собакин в «Царской невесте», Варяжский гость в «Садко», Царь Салтан в «Сказке о царе Салтане», Дед Мороз в «Снегурочке», Князь Юрий в «Сказании о невидимом граде Китеже и девице Февронии», Сальери в «Моцарте и Сальери» Н.А. Римского-Корсакова, Галицкий и Кончак в «Князе Игоре» А.П. Бородина, Пимен, Варлаам и Борис Годунов в «Борисе Годунове», Досифей и Иван Хованский в «Хованщине» М.П. Мусоргского, Фарлаф и Руслан в «Руслане и Людмиле» М.И. Глинки, Великий Инквизитор и Филипп II в «Дон Карлосе», Рамфис в «Аиде» Дж. Верди, Князь Николай Андреевич Болконский и Кутузов в «Войне и мире» С.С. Прокофьева, Лепорелло в «Каменном госте» А.С. Даргомыжского, Даланд в «Летучем голландце» Р. Вагнера, Дон Базилио в «Севильском цирюльнике» Дж. Россини, Мефистофель в «Фаусте» Ш. Гуно, Судья в «Вертере» Ж. Массне³. И каждая из них – самобытный, психологически выверенный характер в «предлагаемых обстоятельствах» эпохи, литературного источника, музыкальной драматургии.

³Чтоб душа не оскудела: Заметки певца, М., 1989 г.

– Важной для меня была и концертная деятельность, поскольку я имел обширный репертуар, очень резко разучивал и романсы, и песни, – продолжает Александр Филиппович. – Уже со студенческого возраста много участвовал в концертах, ездил на фестивали, получил звание лауреата международного конкурса в Бухаресте.

А в 1956 году приехал в Берлин на конкурс, тоже международный, посвящённый Шуману, там завоевал первую премию и получил Золотую медаль, исполняя камерные произведения. И с того времени, ещё со студенчества, общение с молодыми композиторами, со студентами консерватории подарило мне дружбу со многими, а они со временем стали и исполнителями прекрасными, и композиторами, и хормейстерами. Как Юрлов, известный хормейстер, с ним уже тогда общался и пел на его дипломе. Как дирижёр Светланов. С Яхиным, татарским композитором, сотрудничал, с Щедриным. Важное событие в моей творческой жизни – знакомство с великим композитором Георгием Васильевичем Свиридовым, это произошло в 1958 году.

Богатыри духа

Каждый действительно большой артист должен в современном мире найти и своего современного композитора. Для Ведерникова таким композитором стал Георгий Свиридов. Их сотрудничество началось с исполнения молодым певцом ещё в консерваторские годы поэмы «Страна отцов» на стихи Аветика Исаакяна. Затем последовало много работ. Одна из самых замечательных – исполнение цикла из девяти песен на стихи Роберта Бёрнса. Здесь Ведерникову удалось достичь огромной выразительной силы, особенно в таких песнях, как «Всю землю тьмой заволокло», «Финдлей», «Возвращение солдата», «Честная бедность». Здесь – сила, правдивость, необычайная яркость, характер, философия.

А ещё было воссоздание образа Поэта в «Патетической оратории» великого композитора на стихи Маяковского, были песни на слова Александра Пушкина («Роняет лес багряный свой убор», «Подъезжая под Ижоры», «Ворон к ворону летит», «Зимняя дорога»), Сергея Есенина («Любовь»), Фёдора Тютчева («Эти бедные селенья»), Александра Блока («Видение», «Голос из хора», «Петербургская песня», «Флюгер», «За горами, лесами...»), Уильяма Шекспира («Людская неблагодарность», «Зима», «Солдатский тост и песня Яго», песня Шута из комедии «Двенадцатая ночь», «Песенка Яго о короле Стефане»), Пьера-Жана Беранже («Как яблочко, румян»).

Александр Филиппович Ведерников – певец, исполняющий Свиридова, может быть, больше и дольше, чем кто бы то ни было. Именно он своим гениальным исполнительским мастерством открыл публике: Свиридов – это далеко не только музыка на духовные тексты или утончённая камерная лирика. Какой сочный юмор – в вокальной композиции «Слеза», сочетающей в себе черты шуточной песни и «жестокое» романса! А какие мюзиклы мог бы писать Георгий Васильевич, судя по его прелестному «Ей-ей, умру» на стихи Беранже.

Живое общение разрушает стереотипы. Например, в представлении иных молодых людей Свиридов – этакий осколок советской эпохи, чуть ли не официальный композитор. Однажды один из вятских журналистов задал Ведерникову «провокационный» вопрос: почему музыку Свиридова

любили советские вожди? В ответ Александр Ведерников рассказал, как в годы правления Брежнева его пригласили на приём в Кремль и попросили спеть для собравшихся. Он исполнил «Честную бедность» – и увидел, как при звуках припева «Бревно останется бревном и в орденах, и в лентах» меняются в лицах присутствующие. Больше певца в Кремль не звали...

В том, что судьбы этих двух художников творчески соединились – большая радость для отечественного искусства. Ибо лучшего исполнителя вокальной музыки Георгия Свиридова, чем Ведерников, трудно себе представить. Концерты Ведерникова и Свиридова всегда оставляли редкое по красоте и глубине впечатление. Как известно, композитор аккомпанировал певцу не только в своих романсах. Вместе они исполняли камерные сочинения Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Бородина. И всё это замечательно соединялось в одном концерте. Впрочем, послушаем Александра Филипповича:

– Георгий Васильевич был глыбой, богатырём духа. Я встречал много больших людей, но Свиридов был настоящим гением. Он был истинным христианином, очень целомудренным человеком, глубоко и тонко чувствующим, о чём свидетельствуют его произведения, как светские, так и духовная музыка, которую только начинают осваивать. И хотя мы с ним никогда не говорили о вере (это подразумевалось само собой), всё его творчество было христианским.

Однажды я написал его портрет. Человек-гора, строгий, суровый, а к ноге прислонилась кошечка. В этом прикосновении я пытался подчеркнуть, насколько при внешней суровости нежной и ласковой у него была душа. Кстати, кошечка у него и правда была, он её очень любил, и она его обожала. Помню, как Свиридов увидел портрет и сказал: «Меня многие рисовали, но только у Ведерникова я похож на себя».

Удивительный был человек. Он никогда не сидел, не вымучивал музыку. Как-то раз осенью я зашёл на его дачу, которую он снимал в Саввинской слободке возле Звенигорода (она находилась недалеко от моей), и он предложил пойти в лес прогуляться. Лес был совсем близко от его дома. Мы гуляли, он тогда ходил с палочкой, старым уже был. Он думал о музыке на стихи Александра Прокофьева – о кантате «Ладога». Ходили, искали грибы на суп. Вдруг он засуетился, зашуршал взволнованно палочкой и побежал быстрее домой, я за ним. Прибежали – он садится за рояль: «Эльза! Принеси магнитофон», – кричит жене. Потом он, конечно, дорабатывал то, что сочинил, но сердцевина всегда являлась ему внезапно. Он так и говорил об этих моментах, которые случались с ним не раз: «Просто внезапно в голове зазвучала музыка, мне оставалось только записывать, она была будто с небес мне ниспослана». Это называется откровением! Всегда видно, когда музыка изобретена умом и когда она – озарение от Бога. У Свиридова действительно нет проходной музыки, да он и был художником от Бога, и каждое его произведение отображало определённую грань человеческой жизни.

У нас некоторые, например, тот же Ростропович, меня старались убедить, что он (Свиридов) был государством ангажирован. Но этого не было. Я хорошо знаю, как и что делал Свиридов. И во имя чего. Это Шостакович написал: «Да здравствует Сталин! Да здравствует партия!» У Свиридова этого нигде не было. Вся его музыка – это чистый кристалл, это всегда искренность и правда!

И, конечно же, нельзя не привести слова гениального композитора об Александре Ведерникове:

«Глубокое, самородное дарование Александра Филипповича Ведерникова... Да, это – русский певец, настоящий наследник лучших традиций басов. Великолепен он и в опере. Яркий, сочный реализм. Без натуралистических деталей, подробностей, без шаржирования какого-нибудь – это ему чуждо. Это подлинный реализм в том смысле, в каком реализм есть русская опера, русская песня, русский романс. Русский романс – это одна из величайших вершин музыкальной культуры человеческой наряду с немецкой Lied (песней), созданной великими композиторами Германии, начиная с искусства древних миннезингеров, мейстерзингеров, Ганса Сакса, Вальтера фон дер Фогельвейде и других изумительных певцов, сказителей... Глубоко убеждён, что XXI век даст нам расцвет именно песенного искусства.

Вот Ведерников настоящий в этом смысле певец, новый. Это певец, который исполнение песни поставил на изумительную, новую высоту. Это не значит, что он, скажем, пел лучше, чем Шаляпин. Те песни, которые были излюблены Фёдором Ивановичем, он пел, конечно, совершенно, бесподобно и неподражаемо. Но у Шаляпина это песни, которые были как бы поставлены им в концертный ряд, то есть рядом с Даргомыжским, Мусоргским, Шуманом, с оперными ариями, которые он пел, то есть возведены в ранг великого искусства. Но Шаляпин «концертизировал», что ли, песню. Он делал из неё подчас уже почти романс. Ведерников делает другое. После её «искажения» Ведерников вновь приблизил песню к народной. Он поёт народные песни именно чисто по-народному. Но дело не только в народных песнях.

Часто упрекают русское искусство как бы в провинциальности. Это, конечно, большая глупость! Большая глупость! Провинциальное, может быть, есть всюду. А больше всего провинциальности, когда тщится человек быть, к примеру, новгородским парижанином или московским, так сказать, нью-йоркцем. Это чепуха! Вот это и есть провинциальность! Но петь замечательно своё – это вовсе не провинциальность. Тем более Ведерников изумительно поёт европейскую музыку. Замечательно пел и Шумана, и Шуберта, и Баха – его арии из кантат, он с органом много пел. И песни Баха и Бетховена, конечно. Он классику пел. Он воспитан на классическом репертуаре и поёт замечательно».

Да они оба – Свиридов и Ведерников – богатыри духа.

О великих художниках, писателях, композиторах, певцах написаны горы книг, в которых шаг за шагом рассматривается их творческий путь, по дням и даже по часам прослежена их деятельность до великого свершения и во время его созидания. Всё это часто подкрепляется сведениями о том, что думал, говорил, что искал и что переживал творец шедевра. Однако эти книги нас только лишней раз убеждают в том, что подобное, близкое, схожее делали, думали и переживали коллеги великого человека, но создать бессмертное произведение удалось только ему.

И дело не в том, что он трудился чуть больше, чуть больше знал, чуть больше проявил проницательности и был более удачлив. Всё это могло иметь место; скорее всего, так и было.

Леонардо всегда ходил в окружении учеников, но никто из них не стал гением.

У гениев лёгкого труда не бывает. У них есть шедевры, которые поражают нас таким изяществом формы, что вызывают впечатление

мгновенного рождения, лёгкости свершения, исполнения на одном дыхании, без мук и сомнений. Это может быть так, но мы не знаем, чего стоила эта лёгкость художнику. Чтобы петь с лёгкостью Шаляпина, надо было трудиться с его упорством и неутомимостью.

У Вазари можно прочесть, сколько Леонардо да Винчи, работая над «Тайной вечерей», посетил притонов и рынков, чтобы найти живую модель для образа Иуды, который так долго не давался ему. Усилия творца не напрасны: их плоды он делит с теми, ради которых творит. Вывод Жуковского – «Лишь то, что писано с трудом, читать легко» – сохраняет свою истинность и относительно творчества гениев. Но за тяжким трудом не всегда автоматически следует блестящий результат, – иногда он рождает заурядное, ничем не примечательное творение.

Обратимся к Шаляпину: «Никогда, ни после самых блестящих успехов, я не говорил себе: «Теперь, брат, поспи-ка ты на этом лавровом венке с пышными лентами и несравненными надписями». Я помнил, что меня ждёт у крыльца русская тройка с валдайскими колокольчиками, что мне спать некогда, – надо мне в дальнейший путь...»⁴

Здесь же великий русский певец приводит пример. Образ Мефистофеля считают одним из лучших его созданий. Но хотя он пел его 40 лет подряд во всех лучших театрах мира, он сам считает эту роль одной из самых горьких неудач и в душе носит образ, который ему так и не удалось воплотить.

Жорж Санд вспоминает, что Шопен неделями бился над отдельными пассажами, рыдая, как ребёнок. Бальзак иногда по двенадцать раз перedelывал написанное. Бетховен, вспоминают его друзья, выл, как зверь, метался по комнате, как помешанный, пытаясь остановить прекрасное, но ускользающее мгновение.

Привожу эти примеры с уверенностью в том, что равнозначным было отношение к труду и у Свиридова. Было и остаётся у Ведерникова.

Богатыри духа. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матф. 5:8).

Это в них, богатырях русского духа, ныне фрустрированное и униженное русское национальное сознание способно узнать себя. И узнаёт.

О халтуре и гламуре

Но в чести у власть предержащих – педерасты от попсы, так называемый «шоу-бизнес», именно его представителей кремлёвские сидельцы и награждают орденами и званиями, целуются с ними прилюдно, под телекамеры. А великий русский певец Александр Филиппович Ведерников не получил в свой 85-летний юбилей никакой награды от власти.

Впрочем, не получить награду от власти иногда и есть награда. Сегодня все мы – свидетели разворачивающейся «культурной войны», в которой оружием является лживое слово и грязный похотливый теле-компьютерный образ.

Элита (от лат. *electus*, англ., фр. *elite* – избранный, лучший). В слове «элита» присутствует слог «Эл» (Бог). Элита – это божьи люди. Библия (Бытие, 6) упоминает о «сынах Божьих». Ах, как хочется считать себя элитой! Поэтому сейчас к элите причисляет себя любой придурок, если у него в кармане полно денег, барахла и власти. Но у думающего человека не поворачивается язык назвать эстрадного хохмача или представителя тупой попсы божьим человеком.

⁴ Шаляпин Ф.И. Маска и душа: М., Вагриус, серия «Мой XX век», 1991 г.

Они давно считают себя элитой – да и кто запретит?

Суть «масскульта» в его хамелеонстве, он постоянно мимикрирует под среду, под современную ему культуру. Он может святое для души человека переживание с лёгкостью превращать в популярное шоу, серьёзное – в пошлую шутку, а жалкое, убогое или смешное возводить в ранг возвышенного.

– Что касается так называемых поп-звёзд, то их «творчество» вообще нельзя назвать искусством, – говорит Александр Филиппович, – они напоминают ярко раскрашенные игрушки с новогодней ёлки. Тот же Филипп Киркоров – это просто никчёмная, блестящая побрякушка, внутри которой пустота, во всём этом «шоу-бизнесе» нет содержания, единственная цель этой индустрии – обогащение, погоня за прибылью.

После таких слов несложно догадаться, почему вокруг юбилея великого певца не было положенного ажиотажа. А он ведь до сих пор в форме!

Наш разговор продолжается:

– Александр Филиппович, принимаете ли вы новации в оперном искусстве?

– Несколько лет назад в честь меня в Большом театре давали «Бориса Годунова». Я ушёл после первого действия, поскольку мне казалось, что это бездарно поставлено. И «Евгения Онегина» поставили без любви и уважения и к Петру Ильичу Чайковскому, и к Александру Сергеевичу Пушкину. Абсолютно! Порой думаю: а что было бы, живи композиторы-классики в наше время? Да у них волосы бы встали дыбом, если б они увидели поставленных со «свежими решениями» «Евгения Онегина», «Бориса Годунова». Я был на открытии Большого театра после его реконструкции. Всё в золоте, всюду механизация. Только все русские оперы загублены бездарными постановками людей, которые не любят русское национальное искусство, чем наносят ему огромный ущерб.

– А что именно выбивается из эпохи, из традиции в названных вами постановках?

– Представляете себе дворянскую жизнь времён Пушкина, замечательную провинциальную, деревенскую дворянскую жизнь, когда на свежем воздухе варят варенье, поют романсы, подолгу гуляют? Оказывается, никакой такой жизни не было, всё происходит в одном душном зале. Костюмы, обстановка, манеры героев – всё противоречит эпохе. Всё шиворот-навыворот. Дуэль Ленского с Онегиным – совсем не дуэль, а драка, причём дуэлянты – в овчинных полушубках! Посмотрит такое издевательское «шоу» молодой человек – и будет иметь исковерканное представление о пушкинском времени, да и об искусстве вообще.

Как будто не русские люди ставили этот спектакль! Это неуважение к русским людям, традиции, истории, и конечно, к музыке. Это невозможно! Должны просто восстать все люди, которым дорого наше национальное искусство, наша классика.

– Восстаём по мере сил, Александр Филиппович. А есть ли хорошие голоса в оперном искусстве?

– Голосов хороших много. Очень много. Но не хватает мастерства. Самое главное в нашем искусстве – мастерство: как овладеть голосом, как дышать, как поставить хорошую дикцию. У нас почти никто не знает, как этого добиться. Ребята, окончившие консерваторию, ничего не умеют: ни дышать, ни строить фразы. Если человеку от Бога дан музыкальный дар, понимание сущности того, что исполняешь, то ему нужно мастерство. Вот, например, художник, если он не прошёл хорошую школу,

то он художником никогда не будет. Он будет только любителем. Ведь что такое академическое пение – опыт веков, как владеть голосом. Это очень сложно. Если не научить владеть голосом, то это будет всего лишь любительское пение. Почти никто из певцов не слышит, что он поёт, на каком языке. Мне тоже было сложно овладеть голосом. Вначале я мог и «верха», и «низы» брать, и фальцетом петь целые женские партии. Но к концу первого года обучения в консерватории потерял природную ориентацию голоса – это происходит у каждого начинающего певца. Вот и мне пришлось «собирать» голос по крупицам. Позже я понял, что музыкальность и артистизм даются от Бога, но певческое совершенствование длится всю жизнь. Надо лепить образ, характер, надо работать, чтобы на что-то претендовать.

– Чему вас научил опыт?

– Нельзя подходить к работе, к жизни халтурно. Будучи солистом Большого театра, я пел и в рабочих цехах, и в коровниках, и в клубах, и во дворцах, и на площадях. Выкладывался как только мог. А те, кто занимается халтурой, – «бросовый» материал, непригодный для искусства. Ведь искусство – это прежде всего восторг, любовь, полная отдача своей профессии.

В 1991 году Александр Филиппович вышел на пенсию, но не прекратил концертной деятельности. Один из вопросов, заданный мной знаменитому басу, касался того, почему он ушёл из Большого театра, когда мог петь ещё и ещё.

– Счёл, что лучше мне уйти, когда столкнулся с неприятием моего понимания оперного искусства главным дирижёром. Я подумал: «Зачем быть под властью людей, которые ко мне не питают симпатии, как и я к ним? Лучше буду свободным человеком и свободным художником». Уход был естественным, он открыл мне дорогу к концертной деятельности, к гастролям по российским и зарубежным городам. В то же время я участвовал и в спектаклях Большого театра, где без меня не могли обойтись. Концертов мне всю жизнь хватало и хватает, несмотря на возраст.

Меня часто приглашали и приглашают выступать. А камерное пение не легче театрального. За пять минут надо создать образ, определить поведение, интонацию, артикуляцию. Поэтому я всё время занимаюсь. Каждый день утром должен обязательно распеться. На даче, когда работаю, всегда пою. Это привычка. Это органическое ощущение профессии, которая всегда с тобой. Бывает, звонят: «Вы не можете спеть завтра?» Чтобы петь завтра, нужно быть в форме сегодня!

– Многие знают, что вы ещё и художник. Что вам дают занятия живописью?

– В этом есть какая-то тайна! Когда рисую хорошо, тогда и пою хорошо. Когда у меня есть желание рисовать – рисую, и тогда пою хорошо. А когда нет – и пою, наверное, плохо. Вот так всё связано между собой. Каким образом?! Живопись мне всегда приносила физическое удовольствие. Всегда интересовался живописью, а иконописью увлёкся с юношеских лет: перерисовывал иконы, старался понять их язык, мастерство иконописцев. Вот, например, икона Рублёва «Троица». Я её скопировал из книги. Она же вся светится. Вот в чём секрет?! А я знаю, в чём: она написана с утончённой душой. У Рублёва была утончённая душа.

Но я, конечно, здесь любитель. У меня нет никакой специальной иконописной подготовки, только любознательность и желание рисовать.

Да, через всю жизнь Александр Филиппович пронёс увлечение живописью. Не расстанется он с мольбертом и поныне. Даже во сне Ведерников видит сюжеты ещё не написанных им картин. Особенно ему удаются портреты близких людей.

Александр Ведерников – натура, одарённая природой для серьёзного наблюдения жизни, способная не только увидеть происходящее, но и почувствовать то новое, что рождается в искусстве, осознать сущность этого нового, его глубину, его происхождение, направление, предназначение. Он одарён талантом проповедовать положительный идеал, делая это ненавязчиво и естественно. Он несёт этот идеал в самом себе. Ему одинаково претит всякая пошлость и наглость.

Как-то в составе творческой делегации его отправили в Ирак. В советское время ходить по улицам одному за границей запрещалось. Но Ведерников не обращал внимания на эти запреты. «И вот я пошёл на базар, – вспоминал певец в одной из телепередач. – Это была сказка – верблюды, украшения, ткнут ковры и тут же их продают, кузнецы куют, все торгуются. И вдруг вижу, какой-то мужчина продаёт книги. Я поинтересовался: открыл одну, а там написано по-русски “Библия”. “Вы что, русский? – спросил продавец. – Если вы русский, возьмите даром”. И я взял. В первый раз держал Библию в руках. Начал читать Евангелие. Поначалу было очень трудно: я пытался понять, что же самое главное в этой книге да и в вере вообще. В итоге понял: сердцевина христианства – идея любви. Я и раньше об этом задумывался, ведь мне приходилось исполнять много классической музыки, а вся русская классическая музыка по сути христианская. Через музыку я прикоснулся к христианству, усвоил евангельские заповеди, по которым и стараюсь жить».

А вот интерес к духовной музыке, по собственному признанию Александра Филипповича, возник у него ещё в 1950-е годы, когда она была фактически под запретом. У Ведерникова были нелегальным путём приобретённые диски эмигрантского хора регента С.Г. Соколова – записи службы Пасхи, Рождества Христова.

– С замечательным хормейстером Александром Юрловым мы (несмотря на все запреты) разучивали церковные песнопения, даже исполняли в камерных концертах. Мы пели «Символ веры» А.Т. Гречанинова, пели произведения П.Г. Чеснокова, – говорит Ведерников в ожидании моего «главного вопроса» – о Тобольске, Алябьеве, в произведениях которого отразились глубоко пережитые чувства, не как попало пережитые, а пред Богом, честно.

А это именно то, что в первую очередь нужно народу (кстати сказать, и верующим, и неверующим). Напоминание о настоящей любви в противовес льющейся на нас пошлости, возвращение к настоящей музыке в противовес насаждаемой какофонии, напоминание о человечности, добре, красоте.

По системе Ведерникова

...Да, наш разговор никак не мог пройти мимо Тобольска – родины великого Александра Алябьева.

Город, в котором Алябьев появился на свет и который принял своего сына в зрелом возрасте, став местом ссылки Александра Александровича и местом, где родились его многие прекрасные музыкальные произведения, должен был слышать музыку Алябьева в исполнении Александра Ведерникова.

И Александр Филиппович как никто другой, глубоко проникшийся любовью к творчеству Алябьева, естественно, считал большой радостью и долгом неоднократно бывать на родине композитора в Тобольске с исполнением алябьевских творений, часть из которых, к сожалению, утрачена.

На одном из своих концертов певец сказал:

– Если бы какая-нибудь небольшая страна имела бы такого композитора, как Алябьев, она давно подняла бы его на должную мировую высоту. Но Россия настолько богата талантами, что до сих пор не оценила этого композитора по достоинству.

Впервые Александр Филиппович побывал в Тобольске в 1995 году, именно тогда было положено начало его дружбе с Общественным благотворительным фондом «Возрождение Тобольска», а в один из следующих своих приездов Ведерников дал мастер-класс учащимся регентского отделения Тобольской духовной семинарии.

– Я выступал в Тобольске на юбилейных днях Александра Алябьева, – вспоминает Александр Филиппович. – Концерт проходил в доме Корнилова (что напротив Губернаторского дома, где в 1917–1918 годах находился в ссылке царь Николай II с семьей), в небольшом зале человек на двести. В зале я заметил священника, который при знакомстве оказался владыкой Димитрием, архиепископом Тобольским и Тюменским. Сразу после концерта он подошёл ко мне и предложил спеть на службе в соборе Софии Премудрости Божией с хором духовной семинарии.

Церковная служба имеет определённую форму, и задача поющего – влиться в эту форму, почувствовать её. По словам народного артиста, когда певец выступает на концерте, он чувствует контакт с залом, с публикой, для которой поёт, а в храме адресат абстрактен, там слушатель – Сам Господь.

Уже после службы владыка сказал Ведерникову: «Александр Филиппович, мне очень понравилось, как вы поёте, как у вас голос звучит ровно. Вы не могли бы в нашей семинарии дать мастер-класс?» Певец ответил: «Пожалуйста, буду свободен – приеду».

Однажды зимой раздался звонок в дверь квартиры Александра Филипповича: из Тобольска за ним приехал монах. Семь мастер-классов провёл в духовной семинарии Ведерников, давал уроки в регентском классе.

– Утром сижу в гостинице неподалеку от семинарии, – улыбается знаменитый русский бас, – слышу гул какой-то. Что такое? «Это семинаристы по вашей системе распеваются», – ответили мне.

А вот я слышал и другую историю: когда по утрам распевался сам Ведерников, семинаристы уже не могли ничего делать – только слушать выдающегося певца.

Чудо что за пение! Чудо что за песни – «Из-за острова на стрежень», «Глухой неведомой тайгою» и, конечно же, любимая, «Жили двенадцать разбойников»:

Господу Богу помолимся,
Будем Ему мы служить!
За Кудеяра-разбойника
Будем мы Бога молить!

Могу засвидетельствовать – ребята и по сей день распеваются по его системе: от гостиницы «Сибирь», где я останавливаюсь, приезжая в Тобольск, до семинарии – рукой подать, слышимость почти идеальная.

В год 190-летней годовщины победы России в Отечественной войне 1812 года благодаря фонду «Возрождение Тобольска» к 215-летию со дня рождения Алябьева, вышел в свет компакт-диск «Романсы и песни А. Алябьева» в исполнении Александра Ведерникова. Этот компакт-диск явился приложением к двухтомному альманаху «Памятники Отечества», посвящённому Тобольску.

– Александр Филиппович, что для вас значит книга? Какова её роль в жизни человека, христианина? – спрашиваю Ведерникова.

– Книга – великая вещь, и в христианстве она играет грандиозную роль, поскольку именно через книгу до нас дошла история Христа, история народа, в котором родился Спаситель, история христианской церкви. Обо всём этом написано, всё это – книги пророков, апостолов, богоизбранных мужей, мудрецов. Чтобы в какой-то степени постичь истину, нужно знакомиться с мыслями и словами именно этих людей. А они, эти мысли, заключены в печатном слове. Ведь у нас сейчас почти нет устной традиции, почти всё зафиксировано в печатном виде, в книгах. И даже Благая Весть, Евангелие, которое освятило жизнь Христа, дошло до нас не в форме Священного Предания, а в форме Священного Писания. Уже 2000 лет прошло, а эту Книгу не просто помнят – она прославлена, даже в искусстве. Я, например, недавно перерисовывал изображения апостолов из древних Библий – они прекрасны!

– Из каких именно Библий?

– XV века, Евангелие Успенского собора Московского Кремля. Конечно, работать с оригиналом мне бы никто не позволил, но есть очень хорошие репродукции.

Без книги, без печатного слова жизнь образованного человека невозможна! Нам от Бога через печатное слово, которое просвещает человека, дана память и понимание многих явлений и вещей. А свет истины – великая вещь, Божий дар.

– Когда мы смотрим на древние книги, понимаем, что помимо смыслового наполнения каждая из них – произведение искусства...

– Да, в книге всегда сочеталось несколько искусств, как и в православном храме, в котором присутствуют лучшие образцы архитектуры, живопись (настенная и в иконах). Там же и прекрасное священническое облачение, по-особому сшитое, из дорогих материй. Там же присутствует и книга, Евангелие, которое читают во время богослужения. И живое слово, которое произносится особым образом. Музыка, духовные песнопения, которые исполняются церковным хором. Получается своего рода комбинированное искусство, высокое искусство.

В том числе и по системе Ведерникова. И там, в этой системе, главное место отведено Любви, которую Александр Филиппович называет «самой запоминающейся болезнью в жизни».

Его желанием каждый раз было вызвать не ажиотаж на концерте, а доверительную душевную беседу. Чтобы открылись души людей, открылось сознание, чтобы в глазах появилась заинтересованность равного собеседника. В этом смысл его творчества. Поэтому и программы свои Ведерников строил не на успехе, а на основной мысли – на любви, на верности.

Общеизвестно, что нет певца более бережного к слову, более тщательно произносящего фонемы. Воистину когда Ведерников поёт – он не свой роскошный тембр любит в эти минуты, а любит поэта и композитора, и их пафос транслирует со всей только ему данной мощью.

О семье он говорит скупом. Вернее, скупым может показаться его монолог о семье, если переложить его с голоса на бумагу:

– Семья очень хорошая, дружная. Сегодня Александр – музыкант, восемь лет он был дирижёром Большого театра, теперь – «свободный художник», у него свои оркестры в Дании, Швеции, очень востребованные. Борис – талантливый живописец. Мои сыновья – такие же трудоголики, как и я.

Жена – органистка, работает заведующей кафедрой органа в консерватории. Я с ней познакомился по приезду из Италии. Я тогда привёз программу старинной итальянской музыки, и мне был нужен орган. Мне посоветовали с ней познакомиться. Она только что окончила консерваторию, и мы сделали программу старинной итальянской музыки. Выступали в Москве, в Большом зале консерватории, Ленинграде и других городах. Вот и допелись. А потом я стал её «эксплуатировать» как пианистку. Мы совместно записали диск на музыку Шумана «Любовь поэта».

Но главное в сказанном – интонация.

Слово и интонация Ведерникова неотрывны, ибо неотрывно видение ума Александра Филипповича от духовных энергий его сердца. Любящего сердца.

Там же и вера – не мечтательная, не декларируемая ради самоуспокоения, а реальная, которой на самом деле живёт человек.

Летящий вокал

Рассказывая о себе, Ведерников несколько раз упомянул свой возраст: дескать, уже 84, и хотя концертирует по сей день, но силы уже не те. Когда он сказал об этом в очередной раз, Вячеслав Алексеевич Сидоров не выдержал, вмешался в разговор с позволения мэтра:

– Недавно Александр Филиппович и ещё три баса, годящиеся ему во внуки, давали концерт в Кирове. Два отделения. Первое – в сопровождении классического оркестра, второе – оркестра народных инструментов. И Ведерников превосходил своих коллег! Да, когда он шёл по сцене, было заметно, что идёт пожилой человек, но когда он начинал петь, зал буквально замирал от восторга. Кстати, учитывая его возраст, организаторы концерта предлагали сделать подзвучку, но Александр Филиппович наотрез отказался. Его вокал летел сквозь оркестр!

– Ну конечно, сейчас не то что раньше, – мягко перебил своего товарища Ведерников и продолжил: – Но я не о возрасте. Раньше у нас была сильна филармоническая деятельность, сейчас её фактически не существует. Народ кормят всяким, простите, дерьмом, а раньше искусство было не только развлекательным, но и воспитательным, несущим моральные христианские основы – добра, совести, любви. У меня дома возле кровати стоит транзистор. Иногда, ложась, включаю – нечего слушать! Непонятно даже, о чём идёт речь в этих песнях. А классическому искусству на радио и телевидению места почти нет. Разве что по телеканалу «Культура» можно услышать хоть что-то достойное человеческого сердца.

Боль певца понятна. Речь-то идёт и об утрате национального стиля. Ныне-то насаждаются ценности материального «рая», где низменные

инстинкты падшей человеческой природы получают возможность своего удовлетворения. Тот дух потребительских ценностей и дух сребролюбия, который последние десятилетия получил серьёзное влияние на наше общество, уже обрёл себе место, а следом приходит ещё худший дух – Содома и Гоморры. Попсовые безголосые, нимфоподобные, но матерящиеся, как извозчики, существа стали воплощением понятия «певец».

Не только они наступают на горло алябьевскому «Соловью», но и куда более страшный монстр – машина безразличия, морда чиновничьих ритуалов, лживые нафталиновые речи. Идеологический заказ, конъюнктура, перформанс или голый пиар тщатся выдать себя за новое слово в искусстве.

В центре Омска несколько лет назад появился пивной ресторан. Он называется «У Пушкина». Убеждён: имеет место умысел. Это осознанное действие, направленное на разрушение традиционных культурных ценностей, продуманное смещение понятий, перемена векторов.

Бандиты – герои нашего времени. Пушкин – всего лишь пивной «бренд». Это ли не символы уровня культуры наших дней и сегодняшнего общества?

В книжных магазинах полки заставлены поделками литрабов, бездарно, безвкусно, а зачастую и безграмотно тиражирующих одни и те же сюжеты, украденные у предшественников.

Телеканалы соревнуются, кто выпустит сериал потупее и покровавее.

Театр превращается в место, где собираются снобы, выдающие себя за ценителей этого жанра, но зачастую не знающие о классике этого жанра.

Мастерство живописца низводится к выставлению унитаза в углу пустой комнаты.

Того, кто ещё не сошёл с ума, не поверил в талантливость подобных «произведений», ежедневно обрабатывают проповедники масс-медийных структур.

Зайдите в кабинет к «большому» чиновнику или нуворишу – там пустота, «чёрные квадраты» или, образно говоря, «золотые яйца» массового производства, но страусиных размеров. Для таких главным признаком культуры считаются галстуки от Brioni или штиблеты от Zilli из крокодиловой кожи, да в придачу к ним – собственный портрет в два человеческих роста. На фоне золотого унитаза. Идёт смертельная война с истинной красотой! Антикультура требует антиэстетики. Почему? Потому что эстетическое чувство – это дар Божий, спасающий духовные силы, возвышающий личность. Но цель антикультуры – лишить нас всех Божьих даров.

– Такие, как я, – осколки эпохи большого государства, когда были идеалы, ради которых мы жили и работали, – говорит Ведерников. – Эти идеалы были продолжением христианских заповедей.

...Вечерело. Александр Филиппович вызвался нас проводить – хотя бы до угла своего корпуса, но мы его отговорили: всё-таки с бронхитом шутки плохи, а его ждут с концертными программами «от Москвы до самых до окраин». Вот и в Сибирь, в Тобольск собирается – в дни очередного алябьевского юбилея. И знает уже, что именно исполнит. Может быть, «Зимний вечер» на стихи Александра Сергеевича Пушкина:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.

Но в Архангельском было по-прежнему тихо.

И пусть завтра тишина уйдёт и нагрянет снежный вихрь, ты точно знаешь, что она вернётся. И по мере накопления опыта тишина будет возвращаться всё чаще и чаще, пока не станет вечной.

А пока: «Крестителю и Предтече Христов, погружаемый всегда Слатьми телесными, ум мой управи, и волны страстей укроти, яко да в тишине Божественной быв, песнословлю Тя» (Канон. Песнь 1.1. Служба святому Иоанну Предтече).

И прозвучи сейчас голос – летящий вокал! – русского певца, разве тишина эта исчезнет?

P.S. Великий русский бас Александр Филиппович Ведерников ушёл из жизни 9 января 2018 года.

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ

Тепло вселенской крови

* * *

Не удержать в тугой горсти
плывущих линий.
Не перечесть разлук и встреч,
плаксивых ливней.
Не заменить, не распознать
судьбы посыла,
Но все же чувствовать и знать –
в молитве сила.
Теченья Млечного пути...
Течений кроме
Всех божьих душ влечёт тепло
Вселенской крови.
Стремясь прочувствовать, понять,
принять на веру.
В пасхальный день к лицу прижать
в надежде вербу...

* * *

А снег летел, летел, летел, летел...
Заполонив собою весь предел
От сумерек до дальнего востока
Он голубил пространство. Одиноко
Мне в гулкой комнате у полуночных окон,
Где руки опускаются без дел.

А снег идёт, идёт, идёт, идёт...
Сковав звезды предутренний полёт,
Застопорив сознание и молитвы.
Душа бунтует, словно после битвы
Зализывает раны. Не смогли Вы,
Мой добрый друг, утешить. Боль гнетёт.

О долгие снега! Метут, метут, метут...
Протяжно вьюги стонут не поют.
Где грусти – воля, сердцу – не уют
И долгих слёз немеренные сроки.
Замёрзшими ручьями встали строки.
... И нету сил сбежать от снежных пут.

* * *

*Еще один ненужный день,
Великолепный и ненужный!
Николай Гумилёв*

О, беспредельный снегопад,
Ты мне выматываешь душу!
Сейчас, как много лет назад
Шуршишь который день подряд,
В порыве говорить – не слушать.

Погас лучом беспечный деньё,
Великолепный и воздушный.
Как ноги холодит ступень
Крыльца, где образ равнодушный,
Мой одинокий и ненужный

Почти что превратился в тень.
Есть только сумрак и печали,
Снежинок колких канитель...
Но всё же, всё же – всё в начале
Другого дня... Раскройтесь, дали,
Надеждой на чудесный день!

* * *

*...Но остаться он не мог –
Был всего один денёк,
А Беда на вечный срок задержалась.
В. Высоцкий*

Стынь весенних вечеров,
Темень дремлющих дворов.
Любопытная луна в душу пялится.
Раздражает скрипом слух
Клён шуршащий по стеклу,
Только клён не виноват, он так молится.

Ах, мой клён, мой старый клён,
Ты по-прежнему влюблён,
Или страсть твоя сгорела в бессоннице?
Чернью давит вороньё, –
То – страдание моё.
И терзается душа, – веткой клонится.

Дальний звон колоколов,
Нежность потаённых слов, –
Всё услышит, как взойдёт солнце алое, –
Да, ещё: кленовый скрип,
Странной птицы жалкий всхлип –
Хоть они по горемычной печалуют...

* * *

Талый свет заплутавший в затерянном месте,
Эх, пора бы, да всё отыскаться не может.
И опять поутру на заборе-насесте
Недотёпа-печаль мягко крылышки сложит.

Но душе не уйти от соблазна о лете.
Отгудит снегопад, плавно скроет, не выдаст
Затуманенных грёз о сердечном предмете,
Затаённую нежность примерив на вырост...

Вновь проявится даль – светло-мартовский выдох
То ль тоски, то ль зимы, – уходящим до срока.
Бес шмыгнёт стороной, – божий ангел не выдаст,
И хорошую весть прострекочет сорока.

* * *

Невод майских холодов заброшен,
И дожливость, как сентиментальность...
Босоножкам снится день погожий,
Им взгрустнулось в маленькой прихожей, –
Бытовая, мелкая банальность.

Нотный стан верёвок на балконе,
Музыка дождя по сонным крышам...
Свечку затеплю в углу иконе,
Погляжу в окно, где ветер клонит
Деревя и стыло в окна дышит.

Чувства, постарайтесь лечь на полку,
Сырость разводить в душе – не дело...
От стенаний горьких много ль толку, –
Грусть и слёзы – нитка за иголкой,
Мне ж страдать порядком надоело.

Стихнет непогожая погода,
Вспенятся кусты густых сиреней.
Все невзгоды схлынут мимоходом...
Майскому кипению в угоду,
Радости парящей и весенней –
Зашифрую душу светлым кодом!

Павел БРЫЧКОВ

Слово и дело на воеводу

Главы из романа «Люди государевы»

В доме дьяка Бориса Исаковича Патрикеева многолюдно. Хоть не малы хоромы, а за столом тесно. Самые знатные и желанные гости пожаловали на именины его жены Алёны Ивановны. На почетных местах, на скамье с перекидной спинкой, справа от хозяйки с хозяином воеводы Осип Щербатый да Илья Бунаков с жёнами. Рядом с ними ослабляют пояса на праздничных кафтанах сыны боярские Петр Сабанский, Василий Былин, подьячий Василий Чебучаков. По левую руку от именинницы её брат князь Михаил Вяземский, духовный отец Патрикеева поп Воскресенской церкви Пантелеймон, далее подьячие Захар Давыдов, Иван Кинозер да пятидесятник Иван Володимирец.

Празднество в самом разгаре. Уже не раз были подняты чарки за здравие именинницы, и застолье утонуло в разноголосье, в разговоры по два-три человека. Дворовые девки подливали в пустеющие енды пиво, в ковши – вино, принесли из погреба корытце со студнем, и подали трёх запечённых молочных поросят...

Новые сальные свечи в шандалах ещё и на четверть не истаяли, а гости были уже изрядно пьяны, кроме хозяйки. Алёна Ивановна лишь губы мочила в вине, а яства запивала клюквенным морсом, подслащённым мёдом. Пунцовая от духоты, она то и дело поглядывала на полавочник над окном, где нарочито на видном месте сложила подарки.

Дарёное было ей по душе. Никто не поскупился! От Осипа Ивановича с Аграфеной волосник серебра пряденого, ошивки по белому атласу золотом и серебром волочённые, в гнёздах зёрна бурмицкие, ценою не менее, пожалуй, тридцати рублёв. А муж всё говорил, будто жаден воевода сверх меры. Стало быть, не так уж и жаден! Второй воевода тоже порадовал: монистами одарил рублёв восьми ценою. Брат серьги вручил, рублёв на шесть потянут.

От батюшки Пантелеймона крест серебряный освящённый с камушками, от других по достатку: от шапки женской атласной до юфти красной кожи. Не терпелось Алёне Ивановне примерить подарки, пофорсить.

– Уф-ф, пойду на воздух обыгаться, жарко! – вытер лоб рукавом Щербатый и стал выбираться из-за стола.

Отодвинули скамью, давая ему проход. Пётр Сабанский вышел следом.

Так, чтоб слышали все, сладким голосом Алёна Ивановна протянула, обращаясь к жене Щербатого:

– Благодарствую, Грушенька, вас с Осипом Ивановичем за поминонок столь дорогой, зря так потратились на меня!

– Ему можно тако дарить! Все доходы в городе на себя перевёл! – пьяно выдохнул Фёдор Пуцин и стукнул кулаком по столешнице так, что упала на бок чарка с вином.

Над столом повисла мёртвая тишина. Кто потупился, кто растерянно оглядывал соседей.

– А ты, Федька, за десять лет, стало быть, мало нагрёб! – зло сказала Аграфена.

– Вы за два года нащербатили поболее, нежели я за десять лет наскрёб! – в гневе дёрнул себя за бороду Пуцин и сразу замолчал, будто протрезвел.

– Давайте-ка ещё по чарочке, – предложил Патрикеев.

Выпили. Но разговор не клеился.

Вернулись Щербатый с Сабанским. Васька Былин, когда Осип пробирался на своё место, шепнул ему о случившемся.

Щербатый сверкнул вмиг налившимися кровью глазами и обратился к Пущину:

– Значит, я все доходы на себя перевёл? Может, государево слово и дело на меня объявишь?

– Разве не перевёл? Искони в Чепиской волости за всеми собольими и бобровыми промыслами мой догляд был, лучшая мягкая рухлядь в государеву казну шла, а ныне ты на те промыслы со своими людьми влез и всё на себя перевёл!

– Верно! – подал голос Иван Володимирец. – Також и в других волостях! Казаки промыслов своих лишаются. Ясашные разоряются. Мир полагает, оттого государев интерес утратится!

– Вот где у меня ваш мир! – поднял кулачище над головой Щербатый. – Я тут поставлен государем, я лучше знаю, как его интерес блюсти! И никто мне не указ!

– Ты, Оська, ишо под стол пешком ходил, когда я с Тырковым да Писемским Томский город ставил в 113 году! – сказал Володимирец, утирая лысину льняной тряпицей. – Сколь до того после воевод в Томском перебивало, все заедино с миром тянули. Казаки государю всегда верой и правдой служили.

– Заеди-ино! Служили! – саркастически ухмыльнулся Щербатый. – То-то бунтовали едва не кажный год!

– Не было того! – проговорил обиженно Володимирец. – Токмо томской литвы да Белиловца скоп и заговор.

– Ты, Ванька, хоть стар, а памятью короток, – перебил его Щербатый. – Не ты ли у воеводы Бабарыкина дощаник с Ивашкой Пущиным разграбили, за что были кнутём в Тобольске биты? А при воеводе князе Иване Ивановиче Ромодановском опять же ты с Васькой да Кузькой Мухосранами хлебную государеву казну разграбили? А воеводу Якова Тухачевского кто посреди степи покинул? Опять казаки Кузька Мухосран да Сенька Белосов со товарищи заворовали.

– А пошто умолчал про бунт томской литвы? Пусть твой лучший друг Петька Сабанский расскажет. Он ведь тогда мутил! – сказал Фёдор Пущин.

– Я не мутил и заводчиком в том бунте николи не бывал! – возразил Сабанский. – А пристал по младоумию! И с той поры службой государю вину искупил, не то что ты. Острог в 141 году не смог поставить у Бии и Катуня! Калмыков испужался!

– Ты попусту не звони! В устье Чумыша против меня вдесятеро силы князя телеуцкого Абаки да внука Кучумова Девлет-Гирея стояло. Ты со мной тогда не бывал, не тебе и судить! А коли трусом меня полагаешь, давай на саблях побьёмся! – вскочил из-за стола Пущин.

– Ладно вам! – прикрикнул на них молчавший до этого Бунаков. – Нашли время службами считаться!

– Пусть говорят, буду знать, кому я не угоден! – остановил его Щербатый и, глянув долгим прищуром на соратника-воеводу, пьяно проговорил: – А ведь и ты под меня копаешь! Чего для у мужиков челобитную принял и государю отправил? Ведал ведь, что я не принял ту челобитную!

– Челобитная та не тебе, но государю, оттого и отправил! И то не по государеву указу вдвое государеву десятину отмерять, как Васька Старков сделал по твоему повелению.

– Ты меньшей воевода, и токмо с моего ведома и согласия указывать должен! Меня государь поставил!

– Мы с Борисом Исааковичем не пни бессловесные! Нас тоже государь поставил!

– Много на себя берёшь, Илюшка! – хлопнул ладонью по столу Щербатый и опрокинул в рот чарку вина.

– Илья Микитович верно говорит, мы государем поставлены и вместе городом управлять должны, – сказал Патрикеев.

– Вы науправляете! Ты, Борис, сколь из государевой казны в карман положил? Книги по приходу и расходу нарочно не ведёшь! А взятков сколь с Ильёй взяли! Всё про вас знаю и токмо пальцем пошевелю, вас в городе не будет.

– А ты не пугай, мы про тебя тоже немало знаем! – огрызнулся Бунаков.

– Что ты про меня знаешь, ну говори при всех!

Бунаков опустил голову и промолчал.

– Не судите да не судимы будете, – сдабривая очередной кусок поросятинки горчицей, назидательно сказал поп Пантелеймон. Но его будто никто не услышал.

– Много на себя берёшь, Осип! – вступил князь Вяземский. – И прежние воеводы стригли, но обростать давали!

– Ты, Мишка, в Томском вообще не пришей кобыле хвост! Кормишься подле зятя Бориса и помалкивай, а то винокурню вашу тайную закрою!

– Может, и мельницу мою сломашь? – зло спросил Патрикеев. – Уже твои холопы томским жителям токмо на твою мельницу велят идти, грозя побоями.

– Пойдём, Аграфена, не желаю боле бред сей слушать! – встал из-за стола Щербатый. – Как говорится, по усам текло, а в рот не попало.

– Коли не наелся, не напился, заberi свой подарок! – крикнул обиженно Патрикеев.

– Мы не бусурманы какие дарёное забирать! – сказал презрительно Щербатый и направился к двери, поддерживаемый женой.

Следом за ними направились Пётр Сабанский и Васька Былин.

* * *

Апреля в 9-й день ко двору Григория Подреза прискакали холопы Щербатого Вторушка Савельев, Федька Воронин и Савка Григорьев.

– Гришка, воевода тебя кличет в съезжую! – не слезая с коня, крикнул Воронин.

Григорий настороженным прищуром окинул гонцов:

– По какой надобности?

– Не ведаем!

– Ладно, приеду!

– Велено немедля с нами ехать! Воеводы и дьяк ждут!

Вторушка Савельев спрыгнул с коня, подошёл к Григорию и громко сказал:

– Мы люди подневольные, нам велено без тебя не быть!

Подойдя вплотную, прошептал:

– Челобитная на тя пришла, на седмице уж вторая. За караул хотят взять, тюремного дворского к съезжей призвали.

Григорий скрипнул зубами и крикнул:

– Щас поедем!

Вбежал в дом, надел лазоревый кафтан, шапку с собольим исподом, сунул за опояску кинжал в ножнах, выбежал во двор, вскочил на неосёдланного жеребца и галопом понесся по улице, непрерывно подгоняя коня голенищами сафьяновых сапог. Гонцы едва поспедали следом.

В подъём на Воскресенскую гору взлетел, не убавляя ходу, проскакал через наполовину уже поднявшийся сруб новой башни проездных ворот, соединившей также наполовину поднятые тарасные стены городьбы, и направил коня к съезжей избе, на крыльце которой стояли воеводы Щербатый и Бунаков с дьяком Патрикеевым. За спиной Щербатого сыны боярские Васька Былин с Митькой Белкиным шептались.

Григорий резко осадил коня и прокричал, глядя на Щербатого:

– Чего звал?

– Тюрьма по тебе плачет! От всего города на твои воровские дела челобитье! Ступай на тюремный двор своими ногами либо силком уведут!

– Ах ты, падла, воеводишко драный! По своей воровской челобитной меня в тюрьме сгноить хочешь! За всё ответишь, тварь!

Подрез спрыгнул с коня, взбежал на крыльцо, выхватил из ножен кинжал и замахнулся на Щербатого. Тот побледнел и, защищаясь, выставил руки перед собой. В тот же миг справа из-под мышки, как чёрт из табакерки, выскочил Васька Былин и будто клещами перехватил руку с кинжалом, отвёл в сторону и ловкой подножкой повалил Григория на крыльцо. Все растерянно взирали на происходящее. Лишь Митька Белкин кинулся на помощь Былину. Вдвоём они отобрали кинжал и завернули руки Григорию за спиной.

– Как ты смел на государева воеводу руку поднимать! – крикнул Былин и ткнул Григория кулаком под ребро. Кривясь от боли, Подрез прорычал:

– Это вор-р-р!

– В тюрьму его! – пришёл в себя Щербатый. – Филон, помоги! – приказал он пятидесятнику Климентьеву.

Держа с двух сторон Григория под руки, Былин и Белкин повели его к тюрьме. За ними шли Климентьев и тюремный дворский Татаринов.

– Братцы! – кричал всем встречным на улице Григорий. – По воровской воеводской челобитной страдаю безвинно! Сей вор скоро и вас всех изведёт!..

Перед тюремными воротами он неожиданно выдернул правую руку из рук Белкина, присел, выхватил из-за голенища нож с плоской костяной ручкой и ударил им Ваську Былина. Тот успел отпрянуть, но острие ножа цапануло плечо, рассекло камку кафтана и оставило на теле кровавую линию.

Григорий в полупоклоне подался вперёд и закрутил перед собой ножом:

– Взяли, воеводские жополизы!

Но тут к нему, выхватив саблю из ножен, подскочил Климентьев и дико заорал:

– Брось нож! В куски изрублю!

Григорий выпрямился, посмотрел с ненавистью на Климентьева и швырнул нож на землю.

– Зря, Филон, не рубанул чёрта! – держась за плечо, сказал Васька. – Митька, обыщи-ка борзого!

Белкин ощупал кафтан, штаны Григория и нашел за голенищем левого сапога ещё один нож.

– Воистину Подрез окаянный! – покачал головой Климентьев.

* * *

Когда Григория Подреза со связанными за спиной руками подвели к крыльцу съезжей, Петр Сабанский ткнул его кулаком в спину:

– Заходи!

– Пусть перед всем войском говорит! – крикнул Васька Мухосран.

– Верно, верно!.. Пусть говорит!.. – эхом отозвалась площадь.

– Извет надобно являть в съезжей!.. – начал было Сабанский, но его заглушили недовольные крики. На шум вышли на крыльцо все, кто был в избе: Щербатый с Бунаковым и Патрикеевым, подьячий Чебучаков, Старков, атаман Москвитин, братья Копыловы, сыны боярские Юшка Тупальский, Васька Былин.

– Руки развяжите ему! Перед войском дурна не учинит! – крикнул Иван Володимирец.

Сабанский вопросительно глянул на Щербатого. Тот кивнул, Сабанский достал нож из ножен и перерезал веревку.

– Верно ли, Григорий, что знаешь великие царственные дела и на кого? – громко спросил Фёдор Пуцин.

При этих словах над толпой повисла мёртвая тишина. Слышно стало, как чирикают воробьи, и внизу на посаде брешут собаки.

– Верно! – выкрикнул Григорий. – Перед всем миром объявляю, что знаю великое царственное дело на воеводу Оську Щербатого!

При этих словах он ткнул пальцем в сторону Щербатого. Тот покачнулся будто от удара, побагровел и, злобно сверкнув глазами, воскликнул:

– Какое ты дело на меня знаешь, говори!

– Сие объявлю токмо особому московскому следователю! Дабы царственное дело тут не замерло!

– На глухой извет кнут есть! Пытать доносчика! Сразу правду скажет! – крикнул подьячий Василий Чебучаков.

– Заткнись, заединщик воеводский! – оборвал его Васька Мухосран и, обернувшись к собравшимся, взмахнул сорванной с головы шапкой:

– Братья казаки! Всем вам ведомо, что первый воевода давно крёстное целование государю забыл и радеет лишь ради собственной корысти! Добрый и честный воевода стал бы нас, холопов и сирот государевых, разорять и калечить в убыток государеву интересу? А ныне на него великие царственные дела явлены не напрасно! Всё к тому шло! Я вас спрашиваю: может ли сей клятвопреступник городом управлять? Чаю, не может! Откажем ему всем миром и всем же миром подадим челобитье государю!..

– Отказать кровопивцу!.. Верно, Васька!.. Хватит терпеть! – раздались выкрики в толпе.

– Мухосран, ты говори да не заговаривайся! Я на воеводство государем поставлен! А Подрез на меня поклёп возводит!

– Следователи разберут! Братцы, явите волю свою!

– Мухосран, чего ты на круге верховодишь! У войска атаман есть! – крикнул Васька Былин.

– На круге все равны! Пусть атаман волю круга испросит! – сказал Васька.

Атаман Иван Москвитин, стоявший на крыльце, шагнул вперед, оперся обеими руками о перила и прокричал:

– Супротив государева воеводы, полагаю, идти войску не след! Полагаю...

– Ушник воеводский! Продался за винную чарку! Пошёл вон! – прервали его возмущённые голоса.

– Кто за то, чтобы отказать воеводе Иосипу Ивановичу Щербатому в управлении городом до особого государева указа, поднимите руки! – взял быка за рога Фёдор Пуцин.

Лес рук взметнулся вверх.

– Иосип Иванович, тебе всем городом от управления отказано! – объявил Фёдор Пуцин.

– Я вашему воровскому кругу не подчиняюсь! Без воеводы государев интерес утратится! Кто городом управлять станет! – в гневе прокричал Щербатый.

– Илья Микитич да дьяк Борис Исаакович без тебя управятся! – воскликнул пасынок Ивана Володимирца Стенька. – Так, Илья Микитич?

– Я против войска не пойду! А с делами управимся! – ответил Бунаков.

– Илейка, вор, пожалеешь о том! – прошипел с ненавистью Щербатый и объявил громогласно:

– Сие скоп и бунт! С изменниками дел иметь не желаю и от управления городом отхожу до государева указу!

Щербатый сошёл с крыльца и торопливо зашагал к своему двору.

– Сам изменник! Штаны не потеряй! – заулюлюкали ему вслед.

– Григорий, на одного ли воеводу царственное дело явил али ещё на кого? – спросил Сенька Паламошный Подреза.

– Являю слово и дело на заединщиков и советников воеводы Петьку Сабанского, Ваську Старкова, Ваньку Широкого, Ваську Былина, Гришку Копылова, атаманишка Москвитина, Митьку Белкина.

Тут Подрез сделал паузу, думая, кого бы ещё назвать, но тишину пререзал крик Васьки Мухосрана:

– Бей изменников, кои крёстное целование забыли!

Васька устремился на крыльцо, за ним братья Кузьма и Данила.

Пётр Сабанский, выставив перед собой руки, возопил:

– Вы ж поклялись, что крови не будет!

– Мы вас и без крови отделаем! – весело крикнул Васька Мухосран.

Как ни сопротивлялся Сабанский, братья стащили его с крыльца, повалили на землю и стали остервенело пинать воеводского советника ногами. К ним присоединился Фёдор Пущин. Подъячий Василий Чебучаков, не дожидаясь, когда его схватят, неожиданно ловко скакнул с крыльца и побежал под гору к недостроенным новым воротам. Его примеру хотели последовать и другие, но не успели. Сенька Паламошный догнал Василия Старкова и подножкой сбил на землю. Вдвоём с братом Богданом они поволокли Старкова к луже и стали таскать его по грязи. К ним подбежал крестьянин Фома Леонтьев и перетянул ненавистного приказчика ослопом по хребтине. Старков взвизгнул, Леонтьев схватил его за волосы и ткнул несколько раз лицом в грязь, приговаривая: «Попробуй, попробуй нашей землицы!»

По соседству с ними таскали за бороду и били под рёбра Ивана Широкого Стенька Володимирец да Федька Батрагин. Пронька Аргунов да Мишка Куркин с помощью трёх казаков молотили всю Ваську Былина. С крыльца Бунакову было видно, как вокруг советников Щербатого, коих назвал Подрез, грудились, будто мухи вокруг паутов, казаки и избивали воеводских заединщиков. К стене съезжей прижался бледный Пётр Терентьев и молил бога, чтоб кто-нибудь не вспомнил о нём, из тех, кого он не записал в плотничью артель.

В разгар избияния раздался крик Васьки Мухосрана:

– В Ушайку пометать блядиных детей!

Услышав это, Бунаков во всю мочь закричал:

– Казаки, без указу государя накличем на себя опалу! В тюрьму их!

Разгорячённые казаки нехотя оставляли свои жертвы. Избитых, грязных, с разбитыми носами и губами воеводских советников свели воедино и окружили плотным кольцом.

– Явку Подрезову записать надо, Илья Микитич! – подбежал возбуждённый Васька Мухосран. – Пред всем войском записать!

Бунаков кивнул в знак согласия и приказал своим денщикам Мешкову и Тарскому вынести из избы стол. Денщики поставили стол у крыльца. Сень-

ка Паламошный и Федька Батранин следом принесли стул, чернильницу, бумагу и деревянный стакан с гусиными перьями.

– Где подъячие? Кто писать будет? – спросил Фёдор Пуцин.

– Да пусть вот Ортюшка пишет, – сказал Васька Мухосран. – Почерк у него добрый и грамотный!

Пеший казак Артём Чечуев с довольным видом сел за стол, вывел чётким почерком на листе: «Список с допросных речей слово в слово» и спросил:

– Далее чё писать?

– Надобно государю писать о воровской челобитной на Подреза и что слово и дело объявил он пред всем городом, – сказал Фёдор Пуцин.

– Сие верно! – согласился дьяк Патрикеев, и в задумчивости поглаживая бороду, велел Чечуеву:

– Пиши: «Лета 7156-го году апреля в 12 день били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Руси и Томского города служилые люди, дети боярские Федька Пуцин, Мишка Ероцкой да конные и пешие казаки, пятидесятник Ивашко Володимирец и рядовые служилые люди Сенька Паламошный, Федька Батранин, Мишка Куркин, Васька Сапожник, Стенька Володимирцов, Пронька Аргунов и всяких чинов люди в съезжей избе воеводам князю Осипу Ивановичу Щербатому да Илье Микитичу Бунакову да диаку Борису Патрикееву. Посажен в тюрьму Григорий Плещеев по воровской заводной челобитной, какову подали челобитную в съезжей избе Васька Былин да Митька Белкин воеводе князь Осипу Ивановичу Щербатому со товарищи, и по той челобитной он, Григорий, сидит в тюрьме, а сказывает за собою государево великое царственное дело».

– Как же сидит в тюрьме, коли он здесь в допросе? – в недоумении поднял глаза на дьяка Чечуев.

– Не умничай! – оборвал его Патрикеев. – Всё с воли государевой должно быть! Посему далее так пиши: «И воеводы князь Осип Иванович Щербатый со товарищи послали по Григория томских, и красноярских, и енисейских, и нарымских, и сургуцких, и кузнецких служилых людей, и велели бы его взять из тюрьмы перед съезжую избу к допросу царственного великого дела.

И перед съезжею избою он, Григорий Плещеев, сказал за собою государево великое царственное дело воеводе Илье Микитичу Бунакову да диаку Борису Патрикееву и всему томскому воинскому и всех чинов людям и иногородним служилым на воеводу на князя Осипа Ивановича Щербатого да на советников его».

– Именную роспись ворами, которые забыли крестное целование государю, отдельным списком напишите! – сказал Бунаков. – А сюда, в допросные речи, словесное челобитье Гришкино впишите! А после того он нам двоим извет явит в съезжей, как положено.

Патрикеев кивнул в знак согласия и продолжил диктовать:

– «Того ж числа бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси, я ж, Гришка Плещеев, словесно в съезжей избе воеводе Илье Микитичу Бунакову да диаку Борису Патрикееву. Князь Осип де завёл на меня челобитную воровскую мимо мирского челобитья, а подали тое воровскую челобитную ему, князю Осипу Щербатому со товарищи, в съезжей избе Васка Былин да Митка Белкин. Чтоб государь меня пожаловал, велел бы сыскать про тое воровскую челобитную и допросить всего войска, опричь тех воров. А тое де челобитную подали мимо войскового ведома, никто не ведаёт, а которые ведают, и оне из-за кнута руки прикладывали».

– Запишите от войска, что никто той челобитной писать не велел, а кто подписал, боясь воеводы и Сабанского со товарищи подписали.

– Пусть в том повинные напишут! – подсказал Пуцин.

– Повинные завтра оформим! – сказал Бунаков и подошел к Григорию:
– Подпиши сии допросные речи собственноручно первым.

– Илья Микитич, забыл, что ли: не обучен я грамоте!

– А-а, – махнул с досадой рукой Бунаков, и оглядывая сгрудившихся возле стола казаков, спросил:

– Кто за извечника руку приложит?

– Давайте я приложу, – сказал конный казак Тихон Фёдоров сын Хромой и подошёл к столу, где Чечуев заканчивал писать.

За Тихоном подписались сыны боярские Фёдор Пуцин и Пересвет Тараканов, казаки, стоявшие ближе других, Немир Попов, Лука Пичугин, Фёдор Яковлев и Захар Ложников.

– Я за всех пахотных крестьян подпишусь, – направился к столу Фома Леонтьев.

Когда Фома оставил заручную подпись, Бунаков сказал:

– Ещё бы надо кого-нить из лучших людей!

– А вон Петруша-горододел пусть руку приложит! – указал на Петра Терентьева Васька

Мухосран. – Иди, иди подписывай, товарищ твой Лучка Пичугин и тот подписал.

– Я сему делу сторонний, ничего не ведаю! – замахал руками Терентьев, – да и грамоту плохо знаю!

– С воеводой якшаться ты грамотный! – зло глянул на него Васька Мухосран. – Аль извета не слышал, против городу идёшь? Подписывай, ино живо по репе наступим!

С испуганным лицом Терентьев подошёл к столу и, медленно выводя буквы, подписал бумагу.

Глянув на лист, Чечуев воскликнул в изумлении:

– Ты чё написал, падла?! Братцы! Он вместо «к сим допросным речам руку приложил», написал «к сим воровским речам руку приложил»!

Фёдор Пуцин схватил лист, прочитал подпись и закричал:

– Верно говорит Ортюшка!

Затем широко размахнулся и ударил Терентьева в ухо.

Тот упал на землю и запричитал:

– Страха ради ошибся, простите, братцы! Подпишусь, как надобно!

– От падла, лист из-за него переписывать! – огорчённо сказал Чечуев.

Сенька Паламошный подскочил к Терентьеву и пнул его в бок:

– Кто тя научил так писать? Говори!

– Да я ж говорил, что худенько пишу, писать не умею, со страху ошибся!

– С воеводой изменником стакался! – крикнул Васька Мухосран, схватил валявшуюся у крыльца метлу, выдернул черенок и стал им молотить Терентьева так, что черенок сломался.

– Заковать его в железа немедля! – приказал Бунаков. – И в тюрьму к остальным! – он кивнул в сторону избитых и связанных, кого Григорий называл изменниками.

Денщики Мешков и Тарский вынесли оковы и заклепали их на ногах Терентьева.

– Пошли в избу, сделаешь извет нам с дьяком, как полагается! – позвал Бунаков Григория.

Подрез-Плещеев повторил слово и дело на Щербатого перед Бунаковым и Патрикеевым. Подьячий Захар Давыдов записал явку.

– Ты, Гришка, ступай домой, однако сиди тихо! Будешь будто за приставом, посему возле дома твоего караульный встанет, дабы Осип не говорил, что мы с тобой заодно! – сказал Бунаков.

Татьяна ЧЕТВЕРИКОВА

* * *

Я ветвь большого дерева. Цвела
Весной и буйно зеленела летом.
По сентябрю сорила жёлтым цветом.
И наконец от инея бела.
Я ветвь, держу кормушку, всю в снегу,
Синиц качаю и дружу с сорокой.
Грустить грущу, но только одинокой
Считать себя, конечно, не могу.
И пусть зима, заметены пути,
И ветер гнет, тревожа и пугая.
«Ты ветвь большого дерева, учти», –
Я говорю себе. И помогает.

Омску

Когда-то я тебя не предала.
Хоть и сейчас об этом не жалею,
Но вижу, где черёмуха цвела
И где июль проветривал аллею, –
Торговый центр – опять «купи-продай»!
Размах реклам кричащих небывалый.
Всё меньше залетает птичьих стай
В приветливые некогда кварталы.
Статистика звучит, как приговор:
Сыны твои спешат в иные веси.
Средь городов мой Омск с недавних пор
Стал менее заметен и известен.
Обидно – да. Но у тебя в крови
Столичность – значит, всё преодолеешь.
Ещё услышат новые аллеи
Ребячий смех, признания в любви.
И вырастят немало горожан
Твои дворы и новые кварталы.

Я никогда тебя не предавала,
Твоим теплом отцовским дорожа...

* * *

Спустила с рук детей и маму прибрала...
Все розданы долги, окончены работы.
Дорога впереди – она светлым-светла,
Шагай себе легко.
Но зябко отчего-то...

* * *

На улице Гусарова сирень
И хрупко одуванчики белеют.
Благодарю весенний этот день
За то, что больше прошлым не болею.
О город мой! И всё-то знаешь ты,
Обид и бед, как говорится, в теме.
Умеешь воскрешать во мне мечты
И целовать весенним солнцем в темя.

Чего искать, мотаться по земле,
Проматывая дедово наследство!
Пусть ты суров излишне по зиме,
Зато в июле – именины сердца!
Живи в веках, живи во мне, живи
В домах, музеях, скверах, обелисках!
...Цветёт сирень – предвестница любви,
И счастье – близко.

* * *

М.

Не смотри ты в темноту долго,
Не впускай в свои глаза страхи.
Ты же – тайная любовь волка,
Так что девочкам оставь охи-ахи.
Лучше пусть – рассветный луч на ресницы,
Лучше нежность – глубоко в сердце.
Может многое ещё измениться:
Серый волк – не пошлая серость.
У других любовь – цветы, праздник,
Сколько шариков цветных – в синем!
А тебя судьба опять дразнит:
То леса, то океан, то пустыни.
Где он рыщет, лбом преграды сбивая,
И когда сумеет выйти из чащи...
Сердцу больно?
Но ведь ты-то живая.
Да и он, похоже, что настоящий.

* * *

Открой журнал – одни кликуши,
Одни и те же песни в уши:
Про колосок, про край родной,
Про честь и совесть, вечный бой.

Открой другой – ещё похлеще:
Страдания столичных женщин,
И антураж всегда один:
Посёлок дачный и камин.

...И так меня мотает хмуро
От барабана до гламура.
Но всё ж одно спасенье есть:
Открыть великих и прочесть.

* * *

«Между Кембриджем и Бостоном...»

А. Габриэль

Между Кембриджем и Бостоном
Нет ни Минска, ни Москвы,
Ни берёз, ни снежной простыни,
Ни высокой синевы.
Не отмечен обелисками
Путь: тревожить не должны
Скорбью, каменными списками –
Отголосками войны.
Между Бостоном и Кембриджем
Мостик, птички, благодать...
За такое счастье, веришь ты,
Можно было всё отдать.
Ты и отдал, что же бредится
До тоски, до мокрых глаз,
То московской гололедицей,
То пузатой бочкой «КВАС».
Да, в «сложившемся и чековом»
Этот бред – скорей забыть!

...Между Пушкиным и Чеховым
Высоко – не ухватить.

* * *

Осеннее солнце не греет,
Снега уже не за горой...
Но сердце тихонько добреет
Предзимней порой.
И в сумраке парка ли, комнат
Так хочется сердцу тепла,
Что больше оно и не помнит
Обиды и зла...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

* * *

В Тюменском региональном отделении Союза писателей России прошло отчётно-выборное собрание.

Руководителем писательской организации на второй срок единогласно избран прозаик Леонид Иванов, возглавляющий организацию с 2014 года.

* * *

В Москве на Красной площади прошла четвёртая Международная книжная выставка. В её работе принимала участие и Тюменская делегация, одна из самых многочисленных. Праздник книги посетил мэр Москвы Сергей Собянин, в ходе знакомства с выставкой он побывал на стенде Тюменской области и высоко оценил литературную и полиграфическую деятельность области.

В рамках форума наша делегация на протяжении нескольких часов проводила презентации своих проектов, а на третий день работы известный меценат и книгоиздатель Аркадий Елфимов, директор издательства ТюмГУ Сергей Симаков, поэт, член Союза писателей России, советник губернатора Александр Новопашин и руководитель регионального отделения Союза писателей России Леонид Иванов встретились с членами Западно-Сибирского землячества, где провели презентации своих проектов и рассказали землякам о творческих планах.

* * *

Тюменские писатели побывали в приёмной семье, где воспитывается десять особых детей, а четырнадцать уже выросли и ведут самостоятельную жизнь, постоянно помня о том доме, где прошло их детство.

Визит в приёмную многодетную семью – далеко не единственный пример социальных проектов писательской организации. Раньше тюменские литераторы целыми группами ездили в Успенский детский дом, в Ярковский дом ветеранов, выступали в колонии для несовершеннолетних, в исправительных колониях, бывали в больницах, передавали в дар книги местных авторов, пополняя не всегда богатые библиотеки этих заведений.

* * *

В день рождения Александра Сергеевича Пушкина студенты Тюменского колледжа транспорта побывали в библиотеке семейного чтения им. А.С.Пушкина. После лекции о творчестве великого поэта для студентов проведена экскурсия по небольшому музею с увлекательным рассказом о жизни и творчестве классика русской литературы.

Затем ребята вместе с руководителем Тюменского регионального отделения Союза писателей России Леонидом Ивановым и руководителем городского литературного объединения Егором Косиным возложили цветы к единственному в городе памятнику Александру Сергеевичу.

* * *

В Нижней Тавде прошёл первый областной фестиваль поэзии и авторской песни «Когда струна сливается со строчкой».

До сих пор этот фестиваль имел статус межрайонного, но его география и число участников при поддержке депутатов Тюменской областной Думы

позволили сделать его областным. На сцене выступали поэты и барды из Свердловской, Курганской и Краснодарского края.

* * *

В Тюмени уже в четвёртый раз прошёл «Пикник книг». Более 15 тысяч человек стали его участниками. Одни покупали книги в ходе выездной торговли магазинов на площадь возле литературно-краеведческого центра, самые маленькие приобщались к чтению через общение с тюменскими детскими писателями Василием Михайловым и Григорием Кайгородовым, третьи слушали выступления местных мастеров слова – Николая Шамсутдинова, Анатолия Омельчука, Сергея Козлова, Леонида Иванова, Александра Мищенко, Станислава Ломакина или принимали участие в организованных мастер-классах.

Первые на Пикник книг в Тюмень были приглашены поэты из других городов: Александр Кердан из Екатеринбурга, Юрий Перминов из Омска, Ольга Гультьева из Ишима.

* * *

В Тюмени проведён конкурс «Тюменское книжное лето». В этом году он был приурочен к 55-летию Тюменского регионального отделения Союза писателей России, поэтому юным горожанам были предложены списки самых интересных произведений детских авторов-земляков. Около трех тысяч ребят приняли участие в конкурсе, читали книжки, выполняли разные творческие задания, проявляя свою эрудицию и смекалку.

* * *

На 82-м году жизни ушёл из жизни тюменский писатель, заслуженный работник культуры РФ, кандидат медицинских наук Анатолий Иванович Васильев.

Анатолий Васильев в трудные 90-е сумел создать газету «Казачья застава» набиравшего в ту пору казачьего движения, потом основал литературный альманах «Врата Сибири» и 15 лет был его главным редактором, пока болезнь не заставила отложить важные дела и заняться исключительно литературным трудом.

Начинал Анатолий Васильев со стихов. Его первый поэтический сборник «Под одним небом» был издан ещё в студенчестве, когда он учился в Омском медицинском институте, потом вышло ещё девять сборников стихов, а через какое-то время серьёзно занялся исторической прозой, написал повести и романы о декабристах и документально-художественный роман об Ишимском восстании «Отвоёванная Россия».

Имя Анатолия Васильева носит одна из библиотек его родного города Ишим.

* * *

Немного не дожив до 86 лет, ушёл из жизни тюменский писатель и журналист Александр Шестаков.

В нашей памяти он навсегда останется жизнерадостным человеком с бьющей через край энергией, с неизменной улыбкой и весёлой искоркой в добрых глазах. Как настоящий журналист, Александр Шестаков пропускал людскую боль через своё сердце, и успокоение находил в литературном творчестве, когда писал свои стихи для самых маленьких. Свои книжки он иллюстрировал сам, будучи прекрасным художником. В разных изданиях их было опубликовано более трёх тысяч.

Несколько лет назад имя Александра Шестакова присвоено Омутинской детской библиотеке.

* * *

В Тюменской областной Думе прошла научно-практическая конференция «Роль и место тюменских писателей в современной русской литературе». В работе форума приняли участие руководители СПР Николай Иванов и СРП Светлана Василенко, руководители писательских организаций УрФО, депутаты Тюменской областной Думы, руководители общественных организаций и творческих Союзов, учёные, преподаватели, сотрудники библиотек, члены литературных объединений муниципальных образований.

После пленарного заседания участники конференции под руководством Секретарей Союза писателей России, ведущих литературных критиков и учёных России работали в четырёх секциях.

Такой массовый литературный форум прошёл в Тюмени впервые за несколько десятилетий.

* * *

100-летию комсомола посвящена книга «Комсомольская муза». Его презентация состоялась в День рождения комсомола. В сборник вошли стихи комсомольцев разных лет. Они работали не только в газетах и журналах, райкомах и горкомах ВЛКСМ, они работали в геологических партиях, открывали новые месторождения, обеспечивали бесперебойную подачу нефти и газа стране, строили новые города, жили в палатках и балках...

* * *

Тюменские писатели Анатолий Омельчук и Леонид Иванов приняли участие в 19-й конференции ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья, которая на этот раз прошла в столице Алтайского края Барнауле.

В ходе обсуждения докладов ответственный секретарь Тюменского регионального отделения Союза писателей России Леонид Иванов поделился богатым опытом работы по сотрудничеству писательской организации с литературными объединениями муниципальных образований, рассказал о проектах, проводимых совместно с членами других творческих Союзов и писателями из других регионов, о работе по увековечению памяти известных писателей и сотрудничеству с молодыми авторами, о тесном взаимодействии с депутатами Тюменской областной Думы.

В рамках форума в городах и районах прошли встречи читателей с участниками конференции.

Коротко об авторах

АНАГУРИЧИ Никита Александрович родился в феврале 1960 году в п. Кутопьюган в многодетной семье рыбака-охотника. Работал в Кутопьюганском рыбоучастке трактористом, в 1986 году перевёлся на станцию связи «Баклан», где до последнего времени трудится электромонтажником. В 2013 году переехал в Надым. Рассказы публиковались в газете «Рабочий Надыма», в журнале «Северяне», в четырёхтомнике «Антология ямальской литературы».

БАРКОВ Иван Иванович родился в 1959 году в украинском городе Каховка. В 1978 году в Тобольске окончил ГПТУ № 11, получив специальность столяра-строителя. В Надыме с 1979 года. Работает таксидермистом в УЭВП ООО «Газпром добыча Надым». Стихи и проза публиковались в периодической печати Надыма, в четырёхтомнике «Антология ямальской литературы».

БЕЗДЕНЕЖНЫХ Марина Александровна родилась в Омске в 1962 году. Окончила филологический факультет Омского государственного университета, аспирантуру МГУ, докторантуру ОмГУ. Работала в школе, была корреспондентом многотиражной газеты, преподавала в вузах Омска. Автор поэтических книг «Утро», «Листаю осень», «Выбор доминант», «Цель игры», «Покадровый просмотр», «Шаг навстречу», «Материнская плата». Лауреат Всероссийских литературных премий. Кандидат филологических наук, член Союза писателей России.

БОРИСОВ Виктор Авенирович родился в 1953 году в Костромской области, окончил художественно-графический факультет Костромского педагогического университета. Писатель, художник-график, преподавал в художественных училищах Кунгура и Вологды, участник нескольких выставок. Публиковался в журналах и коллективных сборниках. Вошёл в число победителей Всероссийского литературного конкурса в честь 70-летия Победы. С 2015 года – председатель правления Вологодского Союза писателей-краеведов, живёт в Вологде.

БРЫЧКОВ Павел Алексеевич родился 25 февраля 1950 года в Башкирии. Окончил Казанский авиационный институт (1973) и Литературный институт им. А.М. Горького (1989). Работал в Омском моторостроительном КБ с 1973 по 1996 г., главным редактором газеты «Время» (1997–2000), сотрудником журнала «Бизнес-курс». Автор нескольких книг прозы и многочисленных публикаций в коллективных сборниках, газетах и журналах. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка за исторические романы «Отпор» и «Полуденный зной», премии им. А.А. Дунина-Горкавича и премии им. М.С. Шангина.

ВЫСОЦКАЯ Ирина родилась 30 июня 1978 года. Место рождения – г.Тара Омской области. Замужем, двое детей.

Окончила филиал Омского государственного педагогического университета (бывш. ОмГПИ им. А.М. Горького, 1995–2000).

ГЛЕБОВА-ИГНАТЬЕВА Светлана родилась в Чувашии, а выросла и всю жизнь живёт в Сибири. Городом счастья считает Тюмень. Выпускница филологического факультета Тобольского государственного института имени Д.И. Менделеева, продолжает обучение в магистратуре Тюменского государственного университета по специальности «Русский язык и литература для иностранцев». Участник нескольких литературных конкурсов. Осенью 2017 года вышел сборник «Осенние легенды» проекта «Ритмы Вселенной».

ГУДКОВ Сергей Фёдорович родился 18 марта 1958 года в деревне Степечёво Малоарославского района Калужской области. Окончил Калужское средне-профессиональное техническое училище № 9, получив профессию

электрогазосварщика. После службы в армии по комсомольской путёвке приехал в Надым. Работал сварщиком. Стихи пишет давно, многие из них стали песнями. В 2004 году самостоятельно издал книгу стихотворений «О Душе и о Тебе, о Любви и о Судьбе...». Публиковался в периодической печати города, в трансгазовском альманахе «Югорская звезда», журнале «Северяне» и других.

ГУЛЬТЯЕВА Ольга Николаевна родилась в г.Новосибирске, в 1988г. окончила Новосибирский технический университет, работала инженером-конструктором на Ишимском машиностроительном заводе, затем старшим преподавателем кафедры общетехнических дисциплин Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова. Стихи начала писать в 2011 г. В 2015г. окончила магистратуру Тюменского государственного университета (Ишимский филиал) по направлению «Историческая культурология». Автор трех поэтических сборников: «Мне осень счастье обещала», «Крылья», «Осенизмы». Публиковалась в литературно-художественных изданиях г. Новокузнецка, г. Тюмени. С 2017 г. член Союза писателей России.

ДВОРЦОВА Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор ТюмГУ. Инициатор и организатор межрегионального конкурса «Книга года». Член жюри различных всероссийских и межрегиональных фестивалей и конкурсов. Живёт в Тюмени.

ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ Валентина Юрьевна родилась в Омске. Образование высшее. Поэт, секретарь правления Союза писателей России (СПР), сопредседатель Ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья (АспУр), член приёмной коллегии СПР, член Высшего творческого совета России и Белоруссии, член-корреспондент академии поэзии, председатель правления Омской областной организации СПР. Автор девяти поэтических книг, изданных в Омске, Москве, Екатеринбурге, Орле. Лауреат ряда всероссийских и региональных премий. Стихи переводились на белорусский, немецкий, болгарский, якутский языки.

ЕФРЕМОВА Людмила Георгиевна родилась в 1959 году в Киргизии в семье рабочих. Окончила филологический факультет Фрунзенского государственного педагогического университета. Работала на заводе, затем корреспондентом и редактором многотиражных газет в городах Фрунзе, Сургуте, Надыме. Стихи Людмилы Ефремовой публиковались во многих журналах, альманахах и газетах: «Литературная газета», «Наш современник», «День поэзии», «Урал», «Бийский вестник», «Эринтур», «Врата Сибири». Автор десятка поэтических сборников, лауреат нескольких литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в Надыме.

ЗАХАРОВ Аркадий Петрович неоднократно публиковался в альманахе «Врата Сибири», автор нескольких книг по краеведению, в том числе выпущенных в известных столичных издательствах. Член Пушкинского общества, член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

КОРЯКИНА Нина Степановна родилась в городе Нижневартовске. Получила образование филолога и юриста. Работала больше 20 лет юристом. Параллельно работала в газете «Варта» техническим редактором и писала статьи. Окончила в 2005 году Лондонскую школу журналистики. С 2017 года – внештатный корреспондент интернет-издания «Тюменская область сегодня». В 2016 году вступила в Творческий союз «Фотоискусство» (Москва), победитель различных конкурсов фотографии. С 2017 года снимает короткометражные документальные и игровые фильмы.

ЛЕОШКОВ Андрей родился в семье рабочих в д. Иска-Чебакова Нижнетавдинского района. По окончании школы был принят литсотрудником

в районную газету, служил в армии, затем снова вернулся в журналистику. Работал на юге области и на Ямале, затем в Тюмени в ГТРК «Регион-Тюмень», «Тюменской правде», преподавал в школе. Автор методического пособия для учителей «70 уроков МХК». Дипломант межрегиональных конкурсов СМИ. Окончил Тюменский госуниверситет по специальностям: журналист, филолог; окончил курсы «Русской национальной школы» Ленинградского пединститута и «Мировой художественной культуры» (МХК) С.-Петербургского государственного университета профсоюзов. Член Союза журналистов России.

ЛОМАКИН Станислав Константинович родился в 1941 году в сел Кыштовка Новосибирской области. После седьмого класса окончил училище механизации сельского хозяйства, работал механизатором. Учился в лётном училище. В 1966 году окончил Томский государственный университет, аспирантуру. Более сорока лет преподавал в вузах Тюмени. Литературным творчеством занимается с 1965 года. Автор нескольких книг и многих научных работ по истории философии, краеведению. Член Союза писателей России с 1997 года. Живёт в Тюмени.

ПЕРМИНОВ Юрий Петрович родился 16 мая 1961 года в Омске. Главный редактор историко-культурологического, литературно-художественного альманаха «Тобольск и вся Сибирь», секретарь Союза писателей России. Поэт, эссеист, публицист. Автор 15 книг. Лауреат Большой литературной премии России.

ПРОКОПЬЕВ Сергей Николаевич родился 6 декабря 1952 года в городе Куйбышевка-Восточная Амурской области. После окончания в 1977 году Казанского авиационного института приехал по распределению в Омск. Двадцать лет работал инженером в конструкторском бюро ПО «Полёт», занимался ракетной техникой, затем перешёл в многотиражную газету ПО «Полёт». В настоящее время главный редактор этой газеты. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. В арсенале писателя 17 книг прозы.

РУСОВ Артём Андреевич родился в 1994 году в Тюмени. Окончил ТюмГАСУ, служил в армии, устроился по профессии. Первые попытки литераторства — в 12 лет. Серьёзно начал в 2013, написал рассказы: «Вирус», «Сказ о Яг-Морте», в 2014 рассказ «Логово Куль-Отыра», новеллы «Очередная планета», «Слава СССР!», «Инстинкт узора». В 2016 написал повесть «Tuumen-paradise» о родном городе. Сейчас работает над романом «Вечером осени». Участник и лауреат различных литературных конкурсов. Живёт в Тюмени.

СЕВЕРОВА Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук; автор книг «Художественный мир Стругацких» (2001), «Проза братьев Стругацких» (2003), «Космос братьев Стругацких» (2016); старший научный сотрудник музея радио имени А.С. Попова (Екатеринбург).

СОБЕННИКОВА Инна Оровна родилась в непростое послевоенное время в г. Свердловске, в семье заведующего кафедрой иностранных языков Уральского политехнического института Собенникова Ора Васильевича. Мать — Ирина Александровна, уроженка Перми, фармацевт.

С семилетнего возраста проживала в Москве, по окончании школы получила экономическое образование.

Замуж вышла в восемнадцать лет за потомка древнего аристократического рода Куракиных. Вместе с мужем в 2012 году опубликовали двухтомник «Потомки о предках князей Куракиных» с биографическими воспоминаниями.

Являясь внучкой сибирского купеческого рода Собенниковых и Молчановых, Инна Оровна в настоящее время занимается исследованием и изучением деятельности родных в дореволюционное время. Планирует выставку принадлежащих семье вещей в Тюмени.

СТЕЦИВ Ирина Юрьевна родилась в 1963 году в селе Шангалы Устьянского района Архангельской области. С 1981 года проживает в городе Надыме. Окончила филологический факультет Тобольского педагогического института, юридический факультет Тюменского государственного университета. Автор книги прозы «Золотые горы», сборников стихотворений «Малахитовое небо» и «Любить не поздно». Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

ТАРКОВСКИЙ Михаил Александрович, поэт, писатель, член Союза писателей России. Родился в 1958 году в Москве. Окончил Московский педагогический институт им. В.И. Ленина по специальности география/биология. В 1981 году уехал в Туруханский район Красноярского края, где почти сразу начал писать стихи. Работал полевым зоологом на биологической станции, затем охотником в с. Бахта, где сейчас живёт. В 1991 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького, заочное отделение, семинар поэзии В.Д. Цыбина.

Лауреат многих литературных премий. Автор книг «Стихотворения», «За пять лет до счастья», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота-креста», «Избранное», «Вековечно», «Сказка о Коте и Саше», «Полёт совы». Главный редактор альманаха «Енисей».

ПАЧЕЖЕРЦЕВ Николай Иванович, магистр истории, выпускник Московского старообрядческого духовного училища. Служил в силовых структурах, работал в Тюменском государственном университете. В настоящее время – военный пенсионер. Живёт в Тюмени.

КОРЧЕМКИН Виктор Александрович, генеральный директор ООО «Тюменьнефтегазспецстрой», живёт в Тюмени.

ЧЕТВЕРИКОВА Татьяна Георгиевна, поэт, журналист, редактор, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России. Родилась и живёт в Омске, окончила Литературный институт им. А.М. Горького, автор 16 поэтических книг, лауреат региональных и всероссийских премий.

ЧИСТЯКОВ Яков Степанович родился в 1938 году в деревне Бакшеевой Усть-Ишимского района Омской области. Учился на факультете журналистики Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Работал учителем, заместителем редактора Вагайской районной газеты. В 2014 году издана книга «Белая осыпь», в 2017-м – «Выбор судьбы». Член Союза журналистов России. Живёт в селе Вагай Тюменской области.

ШАМСУТДИНОВ Николай Меркамалович, поэт, публицист, сатирик, переводчик. Его стихи переведены на грузинский, чеченский, белорусский, украинский, армянский, датский, немецкий, словацкий, английский языки. Участник многих писательских форумов в СССР, России, Скандинавии, Германии, Словакии, Франции, Австрии, Польше, Украине, Армении, Грузии и других странах. Неоднократно встречался со студентами Королевских университетов в Копенгагене и Оденсе, Лионского университета и Парижского института восточных языков и культур, Ягеллонского и Варшавского университетов. Член Всемирной ассоциации писателей ПЕН-клуба, член Высшего совета писателей Сибири, почётный работник культуры и искусства Тюменской области, заслуженный деятель культуры Российской Федерации. Член Союза писателей СССР (1982), член Союза российских писателей, председатель Тюменской региональной организации Союза писателей. Живёт в Тюмени.

ЯГОДИНЦЕВА Нина Александровна, секретарь Союза писателей России, известный литературный критик, культуролог, поэт, автор нескольких сборников стихов и множества научных статей по культурологии. Профессор Челябинского государственного института культуры. Живёт в Челябинске. Семинары и мастер-классы проводит во многих крупных городах России.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках: работы детей из художественной студии «Радуга», г. Тюмень

На обложке:

«Портрет Ф.С. Колмогорова»

Казиақбарова Валерия, 16 лет. Художественная студия «Радуга», г. Тюмень

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре
и Ямало-Ненецкому автономному округу.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издаётся при финансовой поддержке правительства Тюменской области.

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, оф. 1108

тел./факс: (3452) 49-00-18

E-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81.

Директор-главный редактор Александр Скорбенко.

Тел. (3452) 49-00-18

Подписано в печать 28.11.2018 г.

Дата выхода номера в свет 16.12.2018 г.

Формат 70x108¹/₁₆. Бумага ВХИ.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.

Тираж 2 000 экз. Заказ № . Цена свободная.

Журнал отпечатан в типографии АО «Тюменский издательский дом».

625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Вёрстка номера: Денис Новин.

Корректоры: Елена Рыжкова, Оксана Ишимцева.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если её объём не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л., публицистика – 3 а. л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.